

"Грязная буйная штучка (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кристина Лорен

Грязная буйная штучка

Глава 1

ХАРЛОУ

Я ворвалась в первый попавшийся Старбакс в соседнем районе в надежде забыть второй самый ужасный секс в своей жизни. Тоби Амслер: фантастически кокетливый, горячий и – как главный бонус – игрок команды UCSD [Калифорнийского университета Сан-Диего – прим. редактора] по водному поло; у него были все шансы сделать ночь настолько первой-классной, что пальчики ног поджались бы от удовольствия.

Это оказалось ложной рекламой во всей ее красе.

Видите ли, когда речь заходит о потенциальных любовниках, парни делятся, как правило, на три основные категории: блядун, ходячее недоразумение и маменькин сынок.

Блядуны, по моему опыту, бывают разных типов и размеров: грязные рокеры, мускулистые полузащитники и даже невероятно горячие ботаники. Их преимущества в постели? Как правило, это пошлые словечки и выносливость, за что я их просто обожаю. Но, к сожалению, это не всегда реализуется на практике.

Ходячим недоразумением чаще всего оказываются артистичные личности, серферы-тихони и душки-музыканты. Эти мальчики редко знают, что, черт возьми, надо делать, зато готовы стараться часами.

Маменькиного сынка определить легче всего. У нас в Ла-Хойе [1] они ездят на мамином подержанном Лексусе, и машина всегда, как конфетка. Входя в дом, такие парни всегда разубаиваются, а при разговоре смотрят прямо в глаза. В постели такой типаж имеет несколько преимуществ, ну, как вариант, они опрятные.

Тоби Амслер оказался необычной смесью маменькиного сынка и блядуна, но почему-то в постели он был просто ужасен. Если что и могло быть более неловким его вакуумных оральных ласк, так это пробуждение из-за его мамочки, когда она вошла в шесть утра – без стука – и принесла ему чай с хлопьями. Как по мне, не самый приятный способ проснуться.

И чему я, интересно, еще удивляюсь. Конечно, фильмы и музыка возвращают у нас определенные надежды на таких парней, но все они просто безнадежны, когда дело доходит до женского оргазма. Сексу они учатся исключительно при просмотре порно, где целью является хорошая работа на камеру, и никого не заботит, как себя ощущает девушка – а ей приходится притворяться, что все было удивительно и замечательно. Секс происходит близко и *внутри*, а не на расстоянии камеры. Кажется, парни забывают об этом.

Я еще толком не успокоилась, в то время как парочка передо мной делала свой заказ прямо-таки черепашьими темпами. Он решил узнать, что же ему выбрать, раз он не любит кофе. «Ау, парень, ты же в кофейне», – так и хотелось рывкнуть мне. Но не стала, напомнив себе: этот человек не виноват, что все мужики неумехи, и что я не удовлетворена и на взводе.

Клянусь, я не истеричка, просто сегодня выдалось плохое утро, и мне просто нужно успокоиться.

Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох. Вот так. Намного лучше.

Я немного отхожу в сторону, изучая выпечку и определяясь с выбором. И вдруг останавливаюсь и дважды моргаю, прежде чем, сощурившись, взглянуть в витрину. Вернее, в отражение на стекле.

Это кто... Не может быть... Финн Робертс... У меня за спиной?

Наклонившись вперед, я вижу, что рядом с моим отражением и чуть позади, действительно стоит... Финн. Мой мозг пытается быстренько сообразить, в чем тут дело. Почему он не в Канаде? А я вообще где? Я что, сплю? И у меня кошмар с Финном Робертсом в главной роли, пока я на огромной кровати с Тоби Амслером?

Я убеждаю себя, что это игра света. Наверное, мой мозг просто замкнуло, после того как утром я левой рукой одарила себя оргазмом – и, конечно же, это сразу навело меня на мысли о Финне.

Финн Робертс – это *единственный* парень, кто не вписывается ни в одну из моих категорий. Он мой «бывший-муж-после-двенадцатичасовой-пьянки-в-Вегасе», и его руки, губы и тело заставляли меня кончать так много раз, что он признался мне, будто решил, я уже без сознания.

Финн Робертс, который в итоге тоже оказался мудаком.

Игра света. Это не может быть он.

Но когда я решила мельком глянуть через плечо, я поняла: это точно он. Голубая бейсболка с надписью Mariners натянута до его ореховых глаз с самыми длинными и густыми в мире ресницами. На нем все та же темно-зеленая футболка с белым логотипом семейной рыболовецкой компании, в которую он был одет во время моего неожиданного визита в прошлом месяце. Руки у него загорелые, накаченные и скрещены на широкой груди.

Финн здесь. Мать вашу. Финн *здесь*.

Закрыв глаза, я застонала. Мое тело сдалось этому ужасающему рефлексу: мгновенно я ощутила собственную мягкость и тепло, и мой позвоночник выгнулся, будто он ко мне прижался сзади. Я помню, как впервые решила с ним замутить в Вегасе. Пьяная, показала на него и громко сказала: «*Возможно, я оттрахаю его сегодня вечером!*» На что он наклонился и прошептал мне прямо в ухо: «*Очень мило, но только трахать тут буду только я*».

Я знаю, что если услышу его голос прямо сейчас – глубокий и спокойный, как стоячая вода, и немного резкий по своей природе – и поскольку я взвинчена, то, наверно, кончу прямо посреди этой кофейни.

Я *так и знала*, что надо было немного подождать и уехать в Rannikin, чтобы позавтракать там. Я молча стою и пытаюсь досчитать до десяти. Моя лучшая подруга Миа всегда подшучивает, говоря, что я спокойна только в двух случаях: либо удивленная, либо взбешенная. Сейчас я чувствую и то, и другое.

Худенький парнишка-бариста, наклоняясь вперед и спрашивает:

- Не хотите ли попробовать наш тыквенный мокко?

Я тупо киваю.

Простите, что? Нет, это даже звучит откровенно. Крошечные, все еще функционирующие клеточки моего мозга пытаются заставить меня купить, как обычно, большой черный кофе на вынос. Но я стою в ошеломленном молчании, а бариста, скрипя черным маркером, уже записывает мой заказ. Я, как в тумане, передаю ему деньги и засовываю кошелек обратно в сумочку.

Я успокаиваюсь и отхожу, чтобы дождаться свой кофе, когда Финн замечает меня и улыбается:

- Привет, Имбирная Печенька [2]!

Не оборачиваясь, краем глаза я рассматриваю его через плечо. Он не брился сегодня, и щетина немного оттеняет его подбородок. Загорелая шея от постоянной работы на открытом воздухе. Глаза опускаются ниже и - давайте будем честными - я была бы полной дурой, упустив момент попятиться на него, до того как пошлю куда подальше.

Его тело похоже на супергероев из комиксов Лолы: накачанная грудь и узкая талия, сильные плечи и мускулистые бедра. Золотистый загар. И кажется, что он просто неуязвим и сделан из стали. Господи, этот мужчина работает руками, потеет во время работы, трахается, когда отдыхает, и воспитывался отцом, который считает, что его сыновья прежде всего - талантливые рыбаки. Не могу даже представить никого из знакомых парней, кто был бы столь же хорош, как он.

Он улыбается и немного поднимает голову.

- Харлоу?

Хоть бейсболка и скрывает его глаза, я знаю, он заметил, как я пялюсь на его шею. Я вспоминаю этот убивающий наповал взгляд. Так, все, мне надо закрыть глаза и успокоиться. Может, упасть в обморок. А что, это спасет ситуацию, хотя мое негодование все равно останется.

- Подожди. Я придумываю ответ.

От удивления он приподнимает брови... ой, *надеюсь* это действительно удивление. Я подозреваю, что нетерпение, разочарование и сосредоточенность на лице у Финна выглядят схоже.

- Ты в порядке?

Ну ладно, вот в чем проблема: после нашего супружеского приключения в Вегасе я летала к нему. Я приехала на остров Ванкувер [3], одетая в один плащ. Сюрприз! У нас был десятичасовой грязный, шумный и «трахни-меня-на-всевозможных-поверхностях» секс. И когда я сказала, что мне надо в аэропорт, он просто улыбнулся, взял с тумбочки телефон и вызвал мне такси. Только что кончив мне на грудь, он всего лишь вызывает мне такси, хотя мог бы довезти на своем новом вишневом Ford F-150.

вернуться

1

La-Jolla - северо-западный район калифорнийского города Сан-Диего

вернуться

2

Ginger snap - игра слов. Обозначающая имбирное печенье и так (ginger) говорят про рыжих

вернуться

3

Vancouver Island - **остров**, расположенный на западном побережье Канады в провинции Британская Колумбия

Спокойно все обдумав, я решила тогда, что мы не подходим друг другу, и все эти пересечения границ ради зова плоти совершенно ни к чему.

Тогда чего я злюсь-то?

Бариста тоже предложил Финну новинку, но, увидев отвращение на его лице, принимает заказ на два больших черных кофе.

Я еще больше разозлилась, ведь это я должна быть спокойной, а не он.

- Какого черта ты делаешь в моей кофейне?

От удивления у него расширились глаза, и некоторое время он явно соображал с ответом, пока не спросил:

- Ты что, владелица этого заведения?

- Ты под кайфом, Финн? Это чертов *Старбакс* в моем городе.

Закрыв глаза, он смеется, луч света падает на его челюсть, и я сразу же вспоминаю, как его щетина царапает мою кожу... Ох-х.

- Что смешного?

- Да я и вправду подумал, что ты *можешь* владеть этим Старбаксом.

Закатив глаза, я беру свой напиток и иду к выходу. Идя до машины, я массирую шею и растягиваю плечи. *И чего я сегодня раздраженная?*

Конечно, я не ожидала, что он меня встретит с оркестром, когда я внезапно появилась у него на пороге. Я уже спала с ним в Вегасе и знаю, что такое секс без обязательств. Очевидно, я была у него, потому что мне нужен был секс. Не совсем так: я *нуждалась* в подтверждении, что он так же хорош, каким я его запомнила.

Хотя это оказалось *намного* лучше.

Очевидно, что меня беспокоит не послевкусие ужасного секса с Томом Амслером, а случайная

встреча с Финном, после того как я вылезла из постели первого после него парня – с которым я была почти два месяца – что оказалось весьма неудовлетворительным опытом.

Я слышала его шаги и уже хотела повернуться, как сильная рука схватила меня за предплечье. Он притянул меня немного сильнее, чем собирался, и мой чудовищный тыквенный кофе разлился, чудом не забрызгав мои туфли. Я сердито смотрю на него и выкидываю пустой стакан в урну.

- Да ладно тебе, – улыбаясь, говорит он и протягивает одну из своих кружек. – Можно подумать, ты собиралась это пить, хотя даже не могла вынести немного ванили у меня дома.

Взяв кофе и тихонько поблагодарив, я отворачиваюсь и смотрю в сторону. Почему я так себя веду, как рассерженная и отверженная женщина?

- Почему ты злишься? – тихо спрашивает он.

- Просто очень занята.

Он не обращает внимания мой ответ.

- Это потому, что ты явилась ко мне в Ванкувер, одетая в один плащ, хотя на дворе была середина июля, и я оттрахал тебя до хрипа? – его легкая ухмылка говорит, что он даже не допускал, будто я злилась именно из-за *этого*. И он был прав.

- А, ты про тот день, когда ты не смог нацепить хоть немного одежды и отвезти меня в *аэропорт*?

Он заморгал, резко приподнимая голову.

- Я пропустил свою смену, когда ты появилась. Я никогда так не делал. Через минуту после твоего отъезда я ушел на работу.

Ого, а это новая информация. Я не могла стоять спокойно и смотреть ему прямо в глаза, поэтому перевела взгляд на прохожих.

- Ты мне этого не говорил.

- Я говорил.

Чувствуя раздражение, я снова смотрю ему в лицо.

- Нет.

Он вздыхает, снимает бейсболку, взлохматив свои непослушные волосы, и снова надевает ее.

- Ладно, Харлоу.

- Все равно, что ты тут делаешь? – спрашиваю я его.

И тут до меня доходит: Ансель приехал навестить Миа, и скоро будет открытие магазина Оливера «Downtown Graffick», буквально завтра. Канадец Финн, парижанин Ансель и австралиец Оливер, наши женишки из Вегаса снова вместе. Хотя мы четверо сразу же аннулировали наш брак, Миа и Ансель решили попробовать остаться женатыми. Лола и Оливер подружились, их объединяет любовь к комиксам и графическим иллюстрациям к книгам.

В общем, нравится нам это или нет, мы с Финном будем частью этой банды неудачников. Нам нужно оставаться воспитанными людьми и, желательно, одетыми.

- Точно, - бормочу я. - Открытие в эти выходные. И ты для этого приехал.

- Я понимаю, что они не продают Cosmo и Seventeen, но тебе стоит заглянуть, - говорит он. - Магазин и правда замечательный.

Я подношу чашку к носу и вдыхаю аромат. Черный и ничем не разбавленный. Идеально.

- Конечно, я приду. Мне нравятся Ансель и Оливер.

Он прикрыл рот ладонью, чтобы скрыть улыбку.

- Так значит, ты злишься из-за такси.

- Я не злюсь. И это не ссора влюбленной парочки, просто у меня плохое утро.

Прищурившись, он оглядывает меня с ног до головы. Он так чертовски наблюдателен, что я краснею, и по его вновь появившейся улыбке мне становится ясно: он понял по моему виду, что я не ночевала дома.

- У тебя волосы взлохмачены, но по тебе не скажешь, что ты получила все, что хотела.

- Ой, да иди ты в...

Финн подходит ближе с этой приводящей меня в ярость полуулыбкой.

- Скажи «пожалуйста», и я сразу войду.

Засмеявшись, я толкаю ладонью эту прекрасную накаченную грудь.

- Уйди с дороги.

- Потому что ты сейчас этого хочешь?

- Потому что тебе нужно в душ охладить мыслишки.

- Послушай, - смеясь, говорит он. - Я не буду за тобой бегать, но нам придется часто видеться, так что давай вести себя, как взрослые люди.

Он разворачивается и уходит, не дожидаясь моего ответа, и я слышу, как срабатывает сигнализация на его грузовике, и открывается дверь. Скорчив рожицу, я показываю ему средний палец, пока он не видит. Хотя мое сердце часто бьется от выброса адреналина.

Финн садится в тот же вишневый грузовик, что и был припаркован тогда возле его дома. Только сейчас он весь в грязи и пыли, словно на нем проехали много миль. Если он здесь только на выходные, почему он приехал на машине от самого Ванкувера?

У меня нет много времени, чтобы обдумать это, отвлекает сигнал телефона. Вытащив его, я вижу мамино сообщение:

«Ты можешь вернуться домой прямо сейчас?»

Я всегда все исправляю.

Когда мне было четыре, я порвала любимую мамину цепочку, когда ее примеряла. И провела три часа в домике на дереве, пытаюсь ее починить, хотя получилось скрепить только пару колец.

В тот год, когда Миа сбил грузовик, и ее чуть не парализовало, я была рядом с ней каждый день. Все лето она провела в гипсе от пояса до кончиков пальцев ног. И когда она в чем-то нуждалась, я была наготове. Я приносила ей диски и нелепые молодежные журналы, красила ей ногти и зашла так далеко, что стала тайком таскать всякие нелепости из ее комнаты – винные коктейли, ее парня Люка, кошку – просто чтобы она улыбнулась. Когда отца Лолы отправили в Афганистан, и он вернулся – потрясенный и растерянный, и ее мама оставила их – я бегала в магазин за продуктами, чтобы они об этом не беспокоились. И когда Ансель не смог придумать, как все исправить с Миа, я снова вмешалась.

Если моим друзьям что-то нужно, я всегда помогаю. Если кто-то из моих близких не может справиться с проблемой, я всегда нахожу решение. Не знаю, правильно это или нет, но я такая.

Когда вернулась домой, я села возле своей младшей сестры напротив родителей в нашей обычно полной света и пространства гостиной – которая сейчас больше напоминает склеп – и почувствовала тревогу. Мы обычно очень шумные, но сейчас все молчат. Я даже поздоровалась шепотом. Шторы открыты, но в комнате словно какая-то дымка, темная и мрачная.

Моя семья – это центр моего мира, и так было всегда. Мама была актрисой, когда родители поженились, а папина карьера не развивалась, пока я не закончила старшие классы. Когда я была маленькой, мы с папой колесили вслед за мамой от одной съемочной площадки к другой. Когда родилась моя младшая сестренка Беллами, мне исполнилось шесть лет, и большую часть времени мы проводили уже втроем.

Папа у меня очень эмоциональный, творческий, полный энергии. А мама красавица, центр спокойствия в нашей семье, всегда подмигивающая за его широкой спиной. Но сейчас она сидит, прижавшись к нему, они держатся за руки, и я вижу, как она взволнована.

Сначала я подумала, что они хотят сообщить, будто продают дом (я устрою забастовку прямо на дороге), или что они переезжают в Лос-Анджелес (тогда я разденусь догола), или худшее: что у них возникли проблемы в отношениях, и им нужно пожить отдельно (нет, об этом даже нельзя думать).

– Что случилось? – медленно спрашиваю я.

Мама закрывает глаза, делает глубокий вдох и, глядя на нас, говорит:

– У меня рак груди.

После этих четырех слов все остальное следом сказанное кажется просто бормотанием. Но я смогла услышать достаточно, чтобы понять, что у мамы обнаружили трехсантиметровую опухоль в груди и раковые клетки в нескольких лимфоузлах. Их совершенно случайно нашел папа, когда они одним утром были в душе – и я с облегчением увидела, что он так же, как и я, считает странным делиться такой информацией – а мама не хотела нам говорить, пока не узнает точно. Ей назначили мастэктомию с последующим курсом химиотерапии и операцию в

этот понедельник... Это уже через три дня.

Мысли промелькнули, как ураган – для любителя все исправлять у меня очень мало времени. Мне надо прочитать кучу книг, чтобы знать ответы: были ли они на консультации у другого специалиста? Как долго она будет отходить от операции? Как скоро можно начать химию? Какие лекарства назначили? И я задумалась, может, все эти вопросы – просто моя реакция на эту новость. Когда папа упомянул, что нашел уплотнения, Беллами рассмеялась, после чего сорвалась на истерические рыдания. Мама говорила на автопилоте, рассказывая все, что узнала у врача. Папа сидел молча, что ему обычно несвойственно.

Я спросила сама себя: неужели это именно такая реакция, когда узнаешь, что твои близкие могут умереть?

Когда мама закончила, она пообещала, что будет сильной, и мы *справимся*, а сейчас она хочет ненадолго прилечь. Но я едва могла дышать, и от одного моего взгляда на папу мне понятно, что он чувствует себя намного, намного хуже.

Мы с Беллами смотрели «Улику» почти с выключенным звуком. Она свернулась калачиком у меня на коленях, когда папа ушел в спальню.

Я достала телефон и просмотрела все сайты, рассказывающие о третьей стадии рака, и пометила, что мне предстоит изучить для маминого выздоровления. Когда прошли финальные титры, а экран стал черным, я поняла, что фильм закончился.

Сейчас я ничего не могу сделать. Мама не хочет, чтобы мы что-то делали или ухаживали за ней. Она хочет, чтобы мы «жили своей жизнью» и «не забивали себе головы». Она что, не знает нас с папой?

Спустя всего пару часов после нашего разговора этот рак стал частью нашей жизни и занял в нашем доме столько же места, сколько и любой из нас. Все, о чем я могу думать, когда смотрю на маму – это рак. И я без понятия, что мне теперь делать.

- Я думала, сегодня вечеринка у Лолы? – спрашивает мама, и я возвращаю свое внимание на наш разговор. Она хорошо выглядит, правда немного уставшей, и жарит сыр на гриле. Знаете, приготовление ужина для всей семьи – это ее обычное занятие в пятничный вечер, как и сегодня. Конечно, мы могли бы предложить ей помочь, чтобы она присела и отдохнула, но она нас убьет.

- Так и есть, – я подхватываю несколько кусочков сыра из ее тарелки. – Но я остаюсь дома.

- Ни в коем случае, – мама поворачивается ко мне с «даже-не-спорь-со-мной» лицом. – Завтра открывается магазин Оливера.

- Я знаю.

- Сегодня ты идешь гулять и останешься ночевать у себя, – настаивает папа. – Я отведу маму в кино, потом привезу домой и... – он пританцовывает он рядом с ней. – Поверь мне, ты точно не захочешь быть дома и увидеть, что произойдет после.

Боже мой, я не хочу слышать все подробности, так что закрываю уши, как Беллами, и делаю вид, будто готова залезть под барную стойку.

- Хорошо, вы выиграли, - соглашаюсь я, стараясь говорить непринужденно и скрыть панику в глазах, ведь я не хочу покинуть маму. - Но завтра мы вчетвером идем гулять.

Папа кивает и пытается храбро улыбнуться. Я еще никогда не видела его таким сломленным.

Если честно, я очень рада, что смогла выбраться из дома. Хуже всего для мамы - видеть, как взволнованно мы следим за каждым ее шагом. Папа заверил, что моя очередь заботы о маме наступит через несколько недель. Я справлюсь. Беллами, конечно, милая, но ей всего восемнадцать, и она немного не самостоятельная. Она хороша, когда кого-то нужно подбодрить. Я же - дочь, способная справиться со всем дерьмом. Я буду той, кто будет возить маму на консультации, задавать кучу вопросов, заботиться о ней, пока папа на работе, и, конечно же, сведу ее всем этим с ума.

Но сейчас я чувствую себя просто ужасно. Единственные, кого я хочу сейчас видеть, кроме моей семьи - это мои девчонки.

Новая квартира Лола - это *огромный* шаг после комнаты в общежитии. Я думала, после выпуска она переедет ко мне, но ей захотелось жить в городе, и, каждый раз приезжая в гости, я не могу ее в этом винить. Ее дом стоит севернее Gaslamp Quarter, он гигантский и многоквартирный, с высокими потолками и окнами во всю стену, с видом на гавань, и находится всего в паре кварталов от любимого Donut Bar. Эх, счастливая женщина.

- Харлоу-у-у! - слышу вопль через всю гостиную, и меня обнимают сразу четыре руки. Две принадлежат Лоле, а другие - Лондон, новой соседке и самой замечательной типичной американской девчонке: светлые золотистые волосы, веснушки, ямочки на щеках и неизменная улыбка. Все это прекрасно сочетается с ее секси-очками девочки-ботаника и сумасшедшим стилем одежды. Вот сегодня на ней голубая футболка Тардис, желто-зеленая юбка в горошек и черно-белые полосатые гольфы.

Лола в черном платье стиля ретро и с гладкой прической а-ля Бетти Пейдж. На их фоне окружающие выглядят простовато.

- Привет, Лола-Лондон! - говорю я, прижимаясь лицом к шее Лола, это сейчас *то, что мне надо*.

Голос Лола звучит у меня в волосах:

- Знаешь, это похоже на имя стриптизерши.

Лондон смеется, освобождаясь от клубка объятий.

- Или как название коктейля.

- Один Лола-Лондон со льдом! - заявляю я.

- Запросто, - отвечает Лондон и показывает на холодильник на кухне. - Мы можем попытаться придумать его сегодня; клянусь, я принесла все, что только может понадобиться: шейкер,

выпивка, пиво, орешки и... – она поднимает правую руку и горланит: – *Фритос!* [марка начос, кукурузных чипсов – прим. редактора]

Она разворачивается и убегает, чтобы открыть дверь, а я одобрительно киваю Лоле и говорю:

– Мне нравится эта девчонка.

– Кое-кто сказал мне, что в этом casa [исп. дом – прим. редактора] сегодня фиеста! – я оборачиваюсь на глубокий голос Анселя с акцентом. Все в доме замолкают, после чего раздается бурный хохот и аплодисменты. Он входит с сомбреро на голове, заполненной чипсами. Ну до чего же он очаровательный идиот.

Миа отрывается от него, направляется ко мне и обнимает за плечи:

– Ты в порядке?

Чуть ранее я звонила Лоле и Миа вкратце рассказать о последних событиях, и они меня хорошо знают, чтобы определить масштабы моей паники.

Я еле отвлекаюсь от завораживающего зрелища Анселя, исполняющего несколько странный танец тореадора.

– Ну... Как тебе сказать.

Она чуть отходит и изучает мое лицо, решая, что я здесь исключительно, чтобы отвлечься от обсуждений маминой болезни. Мы все переключаемся на Анселя, когда он начинает всем предлагать чипсы из сомбреро. Серьезно, внутренний ребенок, живущий в этом мужчине, просто бесподобен.

Я очертила круг над головой:

– А что это за иде...

– Без понятия, – перебивает меня Миа. – Он сходил с Финном за пивом и вернулся вот с этим. Не снимал это дурацкое сомбреро несколько часов и уже трижды заполнял чипсами. Так что в сторонку, дамы, – она наклоняется и достает пиво из холодильника. – Он только мой.

Как только упомянули его имя, в другом углу комнаты я увидела Финна. Наверно, они зашли вместе. У меня в желудке становится горячо, когда я слышу, как он смеется над шуткой Анселя и поднимает руку, чтобы поправить свою бейсболку. Его бицепс напрягается, и мой живот сводит. Я залпом выпиваю половину своего пива, чтобы прогнать это чувство выходящим воображаемым паром.

– Я не знала, что Финн будет здесь.

О чем я только думала? Ведь они не оставят его одного дома. Финн еще больше загрузил мой и так уже замученный и с трудом справляющийся со всем этим мозг. Миа вертит в руках свое открытое пиво, слегка улыбаясь одними глазами:

– Это ничего?

Мы – цивилизованные люди и члены одной компании, напоминаю я себе.

– Ты же знаешь, я в порядке.

- Пока он не начнет с тобой разговаривать, да?

- Ага, - смеясь, киваю я.

Лола гладит меня по спине и кивком сообщает остальным, что готова присоединиться к карточной игре.

- Тебе тут хорошо?

- Да, я просто побуду здесь и посмотрю, как вы развлекаетесь.

Когда я дала понять, что могу побыть одна, девчонки оставили меня на ярко освещенной кухне наблюдать, как они рассаживаются за столом. Ансель облизывает большой палец и начинает умело раздавать карты игрокам по кругу. Я чувствую себя немного потерянной, словно мне не стоит быть здесь, но и домой пойти я так же не могу. Мне не комфортно и слишком жарко в этой квартире.

Я заметила, как мимо меня кто-то прошел, обернулась и увидела крашеного блондина с ирокезом, который доставал холодное вино.

- Интересный выбор напитка, любитель пунша. - говорю я. Он оборачивается, смеется и кивает в знак согласия.

Он великолепен, немного небрежен, с белоснежной улыбкой - ну, конечно, хиппи Ла-Хойа.

- Ты это хоть раз пробовала? По вкусу, как сок.

Это что, дешевое охлажденное вино теперь забавная новинка? Он определенно наш хиппи.

- Я Харлоу, - протягиваю ему руку. - И если ты хочешь сок, почему бы не выпить обычный сок?

Он пожимает ее.

- От сока маловато проблем, - говорит он, после чего указывает бутылкой себе на грудь. - Я НеДжо.

- Начос?

- Нет, я *НеДжо*. Оливер, мой новый босс, зовет меня Джоуи. Он стебется надо мной, как над своими кенгуру, он же австралиец. Но меня зовут не так.

Я жду, что он скажет мне свое настоящее имя, но Оливер уже больше пары месяцев называет его так, и тот его не поправляет, будто привык, что все зовут его НеДжо.

- И что, тебя все зовут НеДжо?

- Ага!

- Постоянно?

- Ну да.

- Ну ладно, тогда приятно познакомиться, - несмотря на то, что НеДжо меня немного пугает, внимательно оглядев его, я понимаю, что он мне нравится. На нем серферские шорты и

футболка, и он точно знает, что находится там, где надо. – Так бы будешь работать в магазине? – когда он кивает, осушая бутылку одним глотком, я добавляю: – Завтра у вас будет захватывающий день, парни.

– Все пройдет замечательно. Оливер – самый лучший босс, ну, или будет таким. Он очень непринужденный.

Я смотрю на Оливера, который так сосредоточен на своих картах, что, кажется, он может их испепелить. В отличие от Финна, которого не волновала его внешность, Оливер всегда был гладко выбрит, с короткой стрижкой и в какой-то степени был горячим. Не знаю, я особо не обращала на него внимание, но все равно он достаточно интересный парень, ему тридцать, и он открывает привлекающий внимание магазин комиксов в самом удачном месте сбора хиппи в Сан-Диего. Не думаю, что он такой уж простой и непринужденный, как надеется НеДжо.

Я снова поворачиваюсь к парню:

– И чем ты там будешь заниматься?

– Продавать комиксы и всякое такое.

Я смеюсь. Оставить этого парня без присмотра будет то еще зрелище.

– Так что, значит, будешь на передовой?

– Ага, и охранять тылы, – он смеется сам над собой. – Мер-чен-дай-зер, – поет он.

Мы оба хихикаем.

– Слушай, ты под кайфом, НеДжо?

Он перестает двигаться и словно проводит внутреннюю инспекцию по всему телу.

– Хорошенько так.

– Хочешь еще выпить?

Поскольку я точно знала, что не буду заниматься сексом с НеДжо, у меня было второе любимое занятие с парнями – это напиваться с ними.

Мы выпили по паре стопок и поставили на стол, когда я увидела, как из-за стола поднимается Финн. Он отбрасывает свои карты, снимает бейсболку, почесывает голову и надевает обратно. Меня бесит, что я считаю это сексуальным. Он поднимает взгляд и видит меня с НеДжо, слегка прищуривается и идет к нам.

– Вот дерьмо, – я бормочу себе под нос.

– Ты что, с этим здоровяком? – спрашивает НеДжо.

– Нисколечко.

– Замри. Посмотри, какой напряженный взгляд, – пьяно шепчет он. – Прямо рыщущий лев, – задрожав, он, кажется, сбросил с себя транс и тут же защебетал, как обычно: – Схожу-ка я в комнату для маленьких мальчиков.

- Ну, спасибо! - ворчу я ему вслед как раз в тот момент, когда Финн скользит между мной и стойкой и облакачивается на нее бедром.

Сегодня я сама не своя, мой энтузиазм пропал, а вместе с ним и общительность с уверенностью. В мозгу срабатывает сигнализация, что общение с Финном сегодня - не самая лучшая идея. Все закончится либо спором, либо трахом, и Финн занимается и тем, и другим без какой-либо нежности. Но я отказываюсь отступать и чувствую, как от его груди исходит тепло. Его бейсболка натянула на глаза, а по его губам очень сложно определить его настроение. Он кажется скучающим, злым, задумчивым или сонным.

- Забавно тебя тут встретить.

- Финн, - кивком отвечаю я.

Его улыбка расплывается по всему лицу, и будь проклят это невероятно развратный рот.

- Харлоу.

Я наблюдаю за ним, прикусив нижнюю губу. Бестолковая болтовня здесь точно не сработает, и я не уверена, что смогу сегодня устоять, ведь я очень расстроена. Финн не вписывается ни в одну мою классификацию мужчин, может, поэтому я хочу его раскусить.

Он непонятный, но на него так приятно смотреть, и не важно, какой бы ни была бредовой эта идея, но не возможно не приблизиться к нему.

Будем спорить или трахаться.

Оба эти варианта меня полностью устраивают.

Глава 2

ФИНН

Я уже и не помню, когда последний раз был на домашней вечеринке в окружении несносных двадцатилеток разной степени обдолбанности. Я не тусовщик и согласился прийти, потому что Ансель в городе, и виделись мы последний раз в Вегасе, когда все закончилось этим безумием с женитьбами. И почему-то в конечном итоге я стою с выпивкой в руке, впервые за месяц близко к Харлоу Вега и могу к ней прикоснуться.

Я не удивлен, что мы стоим так близко и что я хочу ее касаться.

Меня удивляет, что Харлоу отстранилась от всех и болтает на кухне с укуренным парнем, который работает в магазине у Оливера.

Несмотря на нашу свадьбу в Вегасе и трахо-марафон у меня дома, я мало что знаю о ней. Но я знаю таких девчонок, как она - они всегда самые заводные, и если поблизости есть стол, они обязательно будут или лежать, или танцевать на нем.

- Почему ты здесь, а не уделяешь нас в покер?

Харлоу пожимает плечами, кладет руки мне на талию, чтобы отодвинуть меня, и открывает дверцу верхнего шкафчика.

- Нужно отвлечься, я немного расстроена, - она хмуро заглядывает в переполненный шкаф. - Бог ты мой, что тут за бардак?

- Ты что, будешь убираться у них в кухне? - я слышу звон передвигаемых бокалов. - Прямо посреди вечеринки?

- Возможно.

Ее рыжие волосы обрамляют лицо, когда она убирает прядь за ухо. Она тянется до верхней полки, открывая свою длинную шею. Я сразу же подумал, как мог бы оставить небольшие отметинки, посасывая ее от уха до ключицы.

- Занята утром, - говорю я, попивая и разглядывая ее обнаженные плечи. - Расстроена вечером.

Она достает две чистые стопки и молча смотрит на меня. А теперь я вспоминаю заворачивающий взгляд этих глаз - скорее янтарных, нежели карих - и искушение ее пухлых кокетливых губ. Откручивая крышку с бутылки довольно неплохой текилы, Харлоу отводит взгляд и наполняет стопки до краев.

- Я смотрю, НеДжо хорошо тебя отвлекал, - говорю я ей. - Но думаю, тебе следует притормозить выпивать с парнем, который сам себе организовал пирсинг на члене.

Честно говоря, когда Оливер мне рассказал об этом, я чуть бутербродом не подавился.

Харлоу протягивает мне стопку, но ее рука зависает в воздухе.

- Он... что?

- Дважды, на головке и на стволе.

Она моргает.

Я наклоняюсь ближе, и от того, как она смотрит на мой рот, по моей коже проносится дрожь.

- Как сказал Оливер, такое случается, когда НеДжо напивается.

Она перевела взгляд с моего рта и посмотрела на меня, подбородком показывая на играющий за столом народ.

- Ты полагаешь, вместо этого я должна играть в покер с людьми, которые в качестве проигрыша заставляют пить Clamato? [томатный напиток с ароматом моллюсков и специями, добавляется в пивные коктейли - прим. редактора]

- Уж лучше так, - содрогаясь, говорю я. - И вообще, это Clamato с Будвайзером [4]. Называется челада и, знаешь, неплохо согревает.

Она смотрит на меня с таким же лицом, с каким глядела на бариста, предлагающего ей тыквенный мокко утром: полным ужаса и отвращения.

- И что, люди такое пьют? Как такое может нравится?

Я смеюсь.

- Знаешь, вопреки здравому смыслу, мне нравится, когда ты ведешь себя, как дива.

Она немного наклоняет голову и, недоверчиво глядя на меня, интересуется:

- С каких это пор отказ от пива со вкусом томатного соуса и бульона из морепродуктов делает из меня диву?

Похоже, я уже достаточно выпил, чтобы пропеть единственную песню дивы, о которой знаю: «I Will Always Love You» - и залпом опрокидываю свою стопку.

Харлоу смотрит на меня, как на спятившего, но могу точно сказать, что это ее позабавило. В ее глазах появляется озорной блеск, даже несмотря на нахмуренные брови.

- Ты же знаешь, что песня тебе не поможет.

Вытирая рот рукой, я говорю:

- Ничего, вот слышала бы ты, как я играю на рояле.

Она прищуривается:

- Ты что, процитировал Смита?

- Удивлен, что ты узнала, это же не из репертуара P. Diddy.

Смеясь, она говорит:

- М-да, у тебя довольно нереальное представление обо мне.

- А то. - я чувствую, как текила попадает в кровь и согревает мою грудь изнутри. Я придвигаюсь поближе, чтобы вдохнуть ее аромат. Она всегда пахла *теплом*, естественно и сладко. Как пляж, крем для загара и жимолость. За последние пять минут я сказал Харлоу больше приличных слов, чем за весь ее период пребывания в Канаде, и удивлен, что с ней не только легко общаться, но и весело. - И мое представление о тебе постоянно развивается, теперь ты не просто красотка, сидящая у меня на коленях.

- Ты такой первоклассный мудака, Финн.

- Знаешь, разговоры помогают расширить наши горизонты.

Она поднимает еще одну стопку, проглатывает и морщится, прежде чем сказать:

- Не воображай о себе многого, Солнышко, мне нравится наше соглашение.

- У нас что, есть соглашение?

Она кивает и наливает еще по одной.

- Мы или спорим, или трахаемся. Хотя трах мне нравится больше.

- Не могу с этим не согласиться.

Когда она протягивает мне вторую стопку - а перед этим я еще выпил три пива с Анселем - я спрашиваю:

- Зачем ты приехала ко мне тогда? Прости, не смог в тот день тебя об этом спросить, большую часть времени ты сидела на моем лице. Знаешь, это было... неожиданно.

- Но ведь было классно? - вскинув бровь, спрашивает она, ни капли не допуская, что я стану отрицать.

- Разумеется.

Она облизывает руку, сыплет соль и секунду задумчиво молчит.

- Правда? Я просто не уверена, что могу доверять собственной памяти после Вегаса.

- Ты имеешь в виду свои воспоминания о том, что секс был хорош?

- Ага.

- Так все и было, - заверяю ее я.

- Уж теперь-то я знаю точно, - она слизывает соль, опрокидывает стопку и закусывает ломтиком лайма, немного его посасывая и бормоча сквозь свои влажные сморщенные губы. - Жаль только, когда к пенису прикреплен мужик-неудачник.

Я сочувственно киваю.

- Точно.

- А ты забавный, - она немного отходит и разглядывает меня, словно впервые по-настоящему увидев. - С тобой неожиданно легко.

- А ты пьяная.

Она щелкает пальцами перед моим лицом.

- В этом и суть, выпитая текила делает тебя забавнее.

Я смеюсь, вытирая рот рукой.

- Сейчас ты в лучшем настроении.

- Просто сделала кое-какие дела и стараюсь пока не думать об этом. К тому же, - говорит она, поднимая очередную на стопку, - это очень помогает.

- И сколько ты выпила?

- Достаточно, чтобы забыть, но недостаточно, чтобы забыться.

Это очень мрачный ответ для такой живой, сексуальной и беззаботной девушки. На самом деле я мало что знаю о жизни Харлоу. Знаю, что она из обеспеченной семьи, и, возможно, у нее всегда целая вереница богатеньких ухажеров на крыльце. Она верная подруга Миа и Лолы, и настолько любит всем помогать, что именно с ее помощью Ансель помирился с Миа. На этом все. Я даже не знаю, кем она работает... И работает ли вообще.

- Хочешь о чем-нибудь рассказать? - без особого энтузиазма спрашиваю я

- Не-а, - отвечает она и выпивает еще одну стопку.

В моем кармане вибрирует телефон, и мой теплый пьяный комфорт сменяется ужасом. Еще не видя, я знаю, что это сообщение, которое я ждал. Мой младший брат Леви дома проверяет нашу самую большую лодку «Линду», названную в честь мамы, на предмет безопасности, и я почему-то уверен, что меня ждут плохие новости.

«Короткое замыкание в рулевой рубке, система управления не работает».

Вот блять...

В ответ хочу написать кучу мата, но сдерживаюсь. Вместо этого убираю телефон в карман, наливаю стопку и выпиваю залпом. Ух-х, помогло.

- Ты в порядке? - глядя на меня, спрашивает Харлоу.

Я сжимаю челюсть, чувствуя, как тепло доходит до желудка.

- Мне нужно немного отвлечься.

- Супер, тогда еще по одной! - она наливает еще две стопки и протягивает одну мне.

Это, конечно, не особо поможет. И когда с утра я протрезвею - даже если днем позже - проблемы с рулевым управлением никуда не денутся, и все наши гребаные бабки на жизнь будут все так же под вопросом, как и сейчас. Но, черт возьми, я хочу обо всем этом ненадолго забыть.

Поднимаю стопку, смотрю на прозрачную жидкость, наклоняюсь к Харлоу, и мои губы оказываются в миллиметре от ее уха.

- Мы с тобой оба знаем, чем закончилась наша последняя совместная пьянка.

- Точно, - говорит она, немного отодвигаясь, чтобы видеть мои глаза. - Но тут поблизости нет круглосуточной церкви, в которой нас могли бы поженить, поэтому мы в безопасности.

А ведь и правда.

Харлоу опрокидывает еще одну и морщится.

- О-о-о, по-моему, мне хватит, - она поднимает руки, притворяется, что насчитала около тридцати выпитых стопок и улыбается. - Еще одна, и я усну лицом в приготовленных Лондон Фритос, о которых она так беспокоилась.

Она, может, и сбилась со счета, но я нет. Четыре стопки, выпитые с Харлоу на кухне, и это первый раз, когда я напился - не считая Вегаса - за много лет.

Казалось, что прошло больше часа, но наконец вернулся НеДжо, окутанный облаком веселящего курева. Он протягивает руку и очень медленно произносит:

- Я НеДжо... Приятно познакомиться.

Смеясь, я напоминаю ему:

- Мы уже знакомы, Оливер уже представил нас в магазине, когда еще раз все проверял перед

открытием.

НеДжо хихикает и говорит:

- *То-то* ты мне кажешься знакомым.

Это было три часа назад, и, должно быть, парень дышит не иначе как через косяк.

- Ты лесоруб из Новой Шотландии? [провинция Канады и одноименный полуостров, расположен на противоположной стороне от Ванкувера - на атлантическом побережье - прим. редактора] - спрашивает он.

- Нет, я рыбак с острова Ванкувер.

Харлоу хохочет:

- Бедняга Финн.

Он смотрит то на меня, то на Харлоу.

- Так вас, ребята, тоже Оливер познакомил?

- Не совсем, - говорит она и глупо хихикает. - Финн мой бывший муж.

Глаза у НеДжо становятся огромными и круглыми, как блюдца.

- Бывший *муж*?

вернуться

4

Budweiser - торговая марка пива выпускаемая в Чехии, но американская компания «Anheuser-Busch» считает ее своей

Я киваю:

- Все верно.

Парнишка смотрит на Харлоу, внимательно оглядывая ее с головы до ног, так что мне захотелось мысленно ему двинуть, чтобы он ни хера не пялился на нее.

- Ты не выглядишь достаточно старой, чтобы быть уже разведенной, - наконец выдает он.

Я наклоняюсь к нему, чтобы отвлечь его внимание от ее груди.

- А я да?

Теперь он смотрит на меня, правда с гораздо меньшим интересом.

- А вот ты да, ты же старше ее?

- Да, - говорю я, а Харлоу с наслаждением хихикает, глядя на меня. - Спасибо.

НеДжо запускает руку в пакет на столе, берет несколько кукурузных чипсов и интересуется:

- Наверное, странно тусоваться со своим бывшим?

Харлоу отмахивается в ответ.

- Не-а, с Финном легко.

- Да неужели? - смеюсь я, потому что это точно не то слово, которым меня можно описать. Это с Анселем легко, мне же чаще достается слово «сдержанный». Я иногда бываю очень закрытым, и уж точно не *легким* в общении.

Кивая и изучая меня некоторое время, она продолжает:

- Ага, ты любишь долгие прогулки по пристани, делаешь маленькие ловцы снов из остатков лески, и обожаешь посплетничать по вечерам в компании канадских копов, любителей молодых мамочек в каком-нибудь баре под названием «Лосиные рога».

Я закатываюсь смехом:

- Вот как, значит?

Ее губы надуваются, когда она протяжно произносит:

- Хм-м.

- Ну ладно, - отвечаю я. - С тобой тоже легко, ты же забавная фифа, обожающая шопинг, маникюр и... - притворяюсь, что обдумываю, чтобы в итоге снова повторить: - шопинг.

С игривым выражением на лице она кладет руку мне на щеку.

- Обожаю, что мы так хорошо знаем друг друга.

- Я тоже.

Одновременно поднимаем пустые стопки и чокаемся.

- И почему вы развелись? - спрашивает НеДжо. - Похоже, вы друг другу действительно нравитесь.

- Это мы-то? - спрашиваю я, не отводя взгляд от Харлоу. Я вообще не уверен, что она мне нравилась до сегодняшнего вечера.

Наконец Харлоу отводит взгляд и отвечает НеДжо.

- По правде говоря, мы были женаты одну ночь и полдня в Вегасе. Мы провели вместе порядка двадцати четырех часов, и большую часть этого времени были либо пьяные, либо голые.

- Или и то, и другое, - добавляю я.

- Серьезно?

Мы оба киваем.

- *Жесть*.

- Уж поверь, еще какая, - соглашается она и смотрит на меня. - *Очень жестко.*

Я смотрю на ее губы, когда она их облизывает, и по моей коже вниз прямо к члену проходит легкий разряд. На самом деле, я уже достаточно пьян, чтобы предложить ей снова познакомиться с ним ее язычок.

- Мне кажется, каждый должен это попробовать в своей жизни, - рассуждает НеДжо, отвлекая меня от уже улыбающегося ротика Харлоу. - Пробежать марафон, прочитать «Кандид» Вольтера и жениться в Вегасе.

Харлоу смеется и начинает ему объяснять, как это чертовски дорого и по большей части неудобно. Мы могли бы потрахаться и расстаться после этого совершенно бесплатно. Пока она рассказывала НеДжо о наших злоключениях в Вегасе, извинившись, я решаю немного проветриться.

В гостиной вечеринка намного более шумная и пьяная. Лондон горланит песню, усевшись прямо на покерном столе, Миа на коленях у Ансея и в его сомбреро играет в карты. Лола и Оливер - самые трезвые из собравшихся, и я посмеиваюсь, глядя на них. Оливер общеизвестный отличный игрок и сосредоточенно смотрит на карты, точно так же, как и Лола. Остальные за столом поддались пьяному угару, и только эти двое изо всех сил стараются продолжать игру. Это то же самое сейчас, что стараться обхватить руками воздух.

Когда я выхожу из ванной, Харлоу ждет своей очереди. Она скользит мимо меня с нахальной маленькой улыбкой, и я ни хрена не знаю, что сделать: отпустить шутку, попялиться на нее или поцеловать, но она уже закрыла передо мной дверь.

Я и забыл, как выпивка делает меня немного заторможенным и затуманенным. Это весело, но в глубине моего сознания начинают появляться тревожные знаки. *Опасность. Опасность.*

Осмотрев коридор, я раздумываю, вернуться ли за стол поиграть в покер или пойти на кухню, но мои ноги не двигаются, и как бы весело ни было сыграть с Анселем и Оливером, я так и остаюсь стоять на месте.

Выйдя из ванной, Харлоу находит меня стоящим у стены напротив и даже не удивляется. Ни на секунду. Она стоит в дверях, изучая меня, а потом подходит чуть ближе.

Она просто смотрит на меня, и это чертовски по-новому. словно это другая женщина, не та тусовщица из Вегаса, не та голодная лисица, почти сломавшая мою входную дверь. *Эта* Харлоу кажется спокойной, соблазнительной и охуенно *привлекательной*. Под ее прямым взглядом я сейчас вижу, чего не видел раньше: ту глубину, что была спрятана внутри, словно сегодня она сбросила маску.

Знаю, что дело не в алкоголе, потому что я уже видел ее пьяной. И не в похоти, этим мы тоже занимались.

Чем дольше Харлоу смотрит на меня, тем больше мне кажется, что сердце начинает расширяться, словно надуваемый шарик. В груди все сжимается сильнее и сильнее, еще и еще.

Я знаю, что она немного подкрасила губы блеском, и они сияют красным, когда она улыбается.

- Мы собираемся пошалить?

Ее слова выводят меня из транса, я хватаю ее за руку и тащу в спальню слева. Эта комната

почти пустая, кроме постельных принадлежностей, комода и коробок в углу.

- Какого черта в этой квартире есть еще одна свободная спальня?

Я подхожу к мансардному окну во всю стену. Эта трехкомнатная квартира вдвое больше моего дома на Ванкувере. Отсюда открывается захватывающий вид на гавань, а вдалеке можно разглядеть район Коронадо.

- Это была комната Руби, - отвечает Харлоу, прислонившись к стене справа от меня. - Лондон унаследовала эту квартиру несколько лет назад. А Руби съехала пару недель назад, как раз когда въехала Лола. Ей предложили прекрасную стажировку в Лондоне.

Я смотрю на нее, немного сбивый с толку:

- Эм-м, Руби... И Лондон?

- Да нет, Руби переехала в Лондон, в Англию, - чуть медленней говорит она. - И да: соседка Лондон переехала в Лондон. Вечная тема для шуток. Как будто здесь живут Эббот и Костелло [5].

Оттолкнувшись от стены, она подходит на пару шагов ближе ко мне и смотрит в окно на воду.

- Им нужна еще одна соседка, так что если ты знаешь кого-то, кто хотел бы освободиться от деспотичного режима в Канаде...

- А почему ты не переезжаешь к ним? - спрашиваю я.

- Мне нравится моя квартира. И жить одной.

Я киваю. Я тоже живу один. Мой родной городок очень маленький, и иногда приятно представить, что я могу закрыть дверь и отгородиться от всех. Хотя даже тысячи миль не дают мне забыть о всем том дерьме, что творится дома. Я словно чувствую свинцовую тяжесть своего телефона и поэтому вытаскиваю его из кармана и кладу на одну из коробок.

Харлоу наблюдает за мной, после чего делает то же самое: достает свой телефон из кармана потертой джинсовой юбки и кладет экраном вниз рядом с моим.

Я делаю шаг вперед, а она поворачивается ко мне и закрывает глаза, когда я рукой скольжу по ее шее и ныряю в волосы.

- Ты пахнешь, как чертова мечта.

- Правда?

Я киваю, но из-за того, что ее глаза все еще закрыты, она не видит этого.

- Дай мне свое нижнее белье.

Ни притворства, ни прелюдий, и она даже не испугалась. Все мои беспокойства лежат на коробке в полутора метрах от меня, а передо мной сейчас мягкая и теплая девушка, делающая все это неважным.

Взглянув на меня, она запускает руку под юбку, виляя бедрами, снимает свои трусики и отдает мне крошечный голубой кусочек кружев.

Я убираю его в карман, наклоняюсь и целую ее.

Это тоже ново. Поцелуй слаще, более честный, чем те дикие, жесткие и кусающие, что были у нас раньше.

Всего один поцелуй, легкое касание, и я застонал, когда ее руки скользнули по моей груди и обернулись вокруг шеи. Наши губы с легкостью находят нужный ритм. Нет никаких затруднений или неловкости – только Харлоу, предлагающая мне свою полную нижнюю губу, легкое касание языка и ее нетерпеливые маленькие вздохи. Я чувствую вкус ее вишневого блеска для губ и текилы, что мы вместе пили на кухне. Она не сильно пьяна, только щеки горят от алкоголя, а тело гибкое и расслабленное. Я уверен, что могу ее согнуть, как только захочу. Могу разложить ее на полу, закинуть ноги себе на плечи и оттрахать ее так сильно, что народ в другой комнате услышит, как наши тела бьются друг о друга.

вернуться

5

Abbott and Costello - знаменитый американский комедийный дуэт

- Ты иногда представляешь, как я трахаю тебя? – спрашиваю я, целую ее шею и спускаю лямку с плеча, оставляя легкие следы губ и зубов на ее коже.

- Да.

- Расскажи мне.

- Я думаю об этом, когда ласкаю себя, – не колеблясь, признается она.

- То есть ты думаешь обо мне пять раз в день?

Харлоу смеется и слегка вскрикивает, когда я задираю ее юбку и сажаю ее на комод, раздвинув ноги и подойдя ближе. Я уже твердый и чувствую, что ее обнаженную теплую киску и мой член разделяет только ткань моих джинсов, заставляет меня прошипеть ей рот и толкнуться бедрами ближе.

Она прижимается ко мне, и, скользнув рукой между нами, я касаюсь мягкой и скользкой кожи у нее между бедер.

Блять.

Она издает эти идеальные всхлипы и дрожит рядом со мной, а я такой твердый, что нужно всего лишь расстегнуть молнию, достать член и потереться им о нее, но вместо этого я скользну пальцами по ее невероятно мягкому телу. Она – единственная женщина, с кем я был все это время. Мне тяжело сдержаться и не пометить ее следами *моих* укусов и поцелуев на шее, губах, плечах. И очень легко притвориться, что за пределами этой комнаты все не имеет значения или хотя бы временно забыто, и чувство расслабленности – даже воображаемое – посылает острые ощущения вниз по спине, плотно свивая их в паху. Такого стояка, как от этой девчонки, у меня никогда раньше не было. Клянусь, я все еще ощущаю, как два месяца назад ее губы были на моем члене и она направляла его в себя.

- Ты хоть представляешь себе, что я сейчас чувствую? – я немного отступаю назад и наблюдаю,

как мои пальцы поглаживают ее клитор и скользят ниже, внутрь. Я чертовски люблю, как они выглядят, когда становятся влажными от ее соков.

- Боже, с каких пор твоя киска стала такой сладкой? - я смотрю на нее, а она, сильно прикусив губу и опустив глаза, наблюдает за моими движениями. Я вдруг почувствовал, как каленым железом в меня вонзилась ревность. - Ты позволила вчерашнему ублюдочному молокососу лизать себя.

Она закрывает глаза, толкаясь бедрами в мою руку, а я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее шею. Ее молчание означает «да», и в груди я ощущаю вспышки ярости. Но тут же вспоминаю, как она выглядела сегодня утром: словно она хотела одновременно оттрахать меня и поколотить.

- Скажи, что ты любишь мой рот.

Она скулит и задыхается:

- Я люблю твой рот.

- Ты помнишь, как кончала от него?

- Да.

- Сколько раз?

Ее хихиканье превращается в стон, когда я кружу большим пальцем по клитору, снова и снова.

- *Очень много.*

- Я помню, как сказал тебе ползать по комнате, прежде чем позволил тебе кончить.

Она вонзает ногти мне в плечо.

- *Мудак.*

- Но ты так и сделала, - я целую ее шею и подбородок. - А я обожаю облизывать тебя, люблю твои тихие непристойные стоны.

Тут раздается стук в дверь, и мы замираем. Харлоу напрягается и удерживает мою руку, чтобы я не останавливался ее трогать.

- Финн?

Вашу мать, это Ансель.

- Что?

- Эм-м, слушай... Мы уже собираемся ехать, на случай если ты хочешь, чтобы мы тебя подбросили к Оливеру.

Я практически чувствую, как Харлоу ждет моего ответа, ее тело сжимается вокруг меня.

- А когда Оливер собирается? - обдумывая все варианты, спрашиваю я.

- Он ушел еще десять минут назад, захотел еще раз проверить магазин.

Тяжело вздыхая, я убираю свою руку от нее и по привычке потираю рот рукой, а мои пальцы все в соках Харлоу. И теперь я вдыхаю ее запах, чувствую ее вкус, и я пиздец какой твердый, что моя челюсть сжимается от напряжения.

Она наблюдает за мной, но я не могу разглядеть ее лицо из-за темноты. Если я сейчас не уйду с ними, мне придется ехать на такси, а семье Робертс и так нужны каждые наши жалкие \$5000 в банке, и мне правда не хочется тратить тридцать из них сегодня на такси.

- Мне нужно ехать с ними, - говорю я ей.

- Я знаю, - она не выглядит рассерженной ила разочарованной... просто уставшей.

- Только не садись сама за руль, - предупреждаю я. - Ты много выпила.

Она моргает, и когда смотрит на меня, замечаю, что она снова прячет свои чувства. Меня окончательно охлаждает накопившее разочарование, когда она говорит:

- Ты думаешь, я совсем дура, да?

- Нет, конечно, - я тянусь за своим телефоном и кладу его в задний карман. Странно, но я чувствую, словно она сегодня поиграла со мной. - Может, поедешь с нами?

Он качает головой.

- Нет, сама доеду.

- Увидимся завтра? - я наклоняюсь, чтобы ее поцеловать, но она отворачивается и отталкивает меня, наполовину раздраженно, наполовину игриво.

- Пока, Солнышко. Знаешь, эмоциональные прощания не входят в наше соглашение.

Точно, и такая Харлоу мне знакома. Я поправляю бейсболку и киваю ей, перед тем как выйти за дверь.

Глава 3

ХАРЛОУ

Я начинаю понимать, что, не смотря на свой вид мягкого и немного отстраненного, у Оливера хорошее деловое чутье. После нескольких месяцев исследований он нашел недавно отремонтированное пространство на G Street в районе Gaslamp, между популярным тату-салонем и баром.

Место просто потрясающее, даже если бы тут сейчас не было толпы и целого ряда знаменитых художников, рисующих комиксы, сидящих за столами и раздающих автографы.

Поймав взгляд Лолы, стоящей в нескольких метрах от меня, я вижу, что она тоже впечатлена.

Я ни разу не была в таких магазинах, но сразу видно: планировка внутри просто гениальная. Я ожидала толкотню и узкие стеллажи с яркими цветными книжками и журналами, но Оливер сделал полки вдоль стен - разных размеров, асимметричные, напоминающие страницы комиксов. Они были набиты книгами и другими товарами, также было большое место для панелей в виде изогнутых страниц, где были прописаны названия всех комиксов. Перед

огромным окном стоял диван и кресла из ярко-красной кожи, специальное место для чтения.

- А народ не будет просто тупо сидеть читать, вместо того чтобы купить? - спрашиваю я Оливера, когда он закончил показывать мне магазин.

Но он уже отошел к покупателю; да уж, местечко быстро набирает популярность. И тут я слышу голос Финна:

- Я спросил его об этом же.

Его голос хриплый и тусклый, словно он вчера вечером его перетрудил. Я все еще чувствую послевкусие прикосновения его пальцев, трепет от сказанных им пошлых слов, и это все только усиливается с каждым его приближающимся шагом.

Обернувшись, я встречаюсь с ним взглядом. Я ожидала легкую неловкость после его вчерашнего стояка вхолостую, но он смотрит мне прямо в глаза и улыбается. Сегодня его глаза скорее зеленые, нежели карие, а ресницы гуще и темнее. Губы немного припухшие, и мне сразу же хочется их пососать. Я с ним пообжималась в пьяном тумане, и после этого он стал выглядеть еще горячее? Алё, Вселенная, это не справедливо.

Мы оба стараемся выглядеть спокойными, но похоже, он на меня влияет так же сильно, как и я на него. Какое-то время его внимание было приковано к моим губам, прежде чем он продолжает:

- Но Оливер сказал, что все эти фанаты комиксов захотят себе в коллекции копии прочитанного. Он хочет, чтобы люди зависали тут, общались. А новички могут посидеть, поизучать и найти подходящие для себя сюжеты.

Объясняя это, Финн, видимо, выдал больше слов, чем за все время, что я его знаю.

- И ты это запомнил.

- Ага.

- Ну, это имеет смысл.

Я делаю паузу и жду. Он закрывает глаза и потирает переносицу.

- Ты в порядке, Робертс? - спрашиваю я. - Ты сейчас выглядишь, словно героически пытаешься понять, о чем я тут вообще говорю.

Он открывает один глаз.

- Никогда больше не буду пить.

Его слова вызывают у меня хохот. Непобедимого Финна одолело похмелье?

- Знаешь, ты слишком стар для таких заявлений.

- Практически среднего возраста, - соглашается он. - Может, отпустит, если выпью пива на завтрак.

- Завтрак? - я показываю на его огромные brutальные водонепроницаемые наручные часы. - Уже почти 11.

- Я поздно встал. Знаешь ли, засиделся допоздна, - он рычит, порочно улыбаясь.

От этого его взгляда сразу же всплывают воспоминания, как его пальцы скользнули в меня - *Боже, когда твоя киска стала такой сладкой?* - как его дыхание согревало мою шею. Я помню его жадный рот, посасывающий мою шею, плечи, и его твердый член, прижимающийся через джинсы ко мне между ног.

А потом он ушел. И я практически кричала от сексуального неудовлетворения.

Но мне не должно быть так легко с ним сегодня. Тогда почему это так?

После небольшой паузы он спрашивает:

- Ты нормально доехала до дома?

Я смотрю мимо него, пытаюсь мысленно восстановить события. Беллами еще не спала, когда я заявила около двух часов ночи. Она сидела на кухне и смотрела в пустоту: *«Я пошла гулять. Попыталась забыться, провести веселую ночь, - сказала она. - Но чувствовала себя по-идиотски. Разбитой, понимаешь? И теперь не могу уснуть»*.

Я моментально почувствовала себя виноватой, потому что забыла обо всем и обо всех у Лолы на кухне, а потом с Финном. Утром мама выгнала меня сразу после завтрака и сказала, что я не сидела по субботам дома с самого детства, и не должна пропускать грандиозное открытие магазина Оливера.

- Я немного поспала в постели Лолы, а потом вызвала такси, - бросая на него быстрый взгляд, отвечаю я. - Именно так я и делаю после наших перепихов, очевидно же.

- Ну-ну, - по-моему, он не оценил мою шутку.

Когда он на что-то смотрит через мое плечо, у меня появляется возможность его разглядеть. Я не нахожу ни одного изъяна в теле этого мужчины, и могу честно признаться, что я просто одержима его предплечьями. Они мощные, накаченные, виден каждый мускул. Хотелось бы посмотреть, как он на своей лодке вытаскивает сеть с большим уловом. Боже, он шикарно бы смотрелся в порнушке про рыбаков.

- О чем задумалась? - спрашивает он, и я перевожу взгляд на его лицо.

- Да вот решаю, покупать или нет те сапоги, что видела по дороге сюда.

Я нагло вру, и, кажется, он верит. Очевидно, Финн привык думать, что я ветреная и шопоголик, и ему не стоит знать, что я только что утвердила его на роль Непристойного Рыбака №1 в малобюджетном фильме *«Полировщики Палубы На Борту Ее Королевских Округлостей»*.

- Покупай, не раздумывая, - сухо отвечает он. - Я же так должен быть сказать, верно?

- Не думаю, что ты должен болтать со мной о сапогах.

- Слава богу, - бормочет он, после чего поворачивается и замечает вошедших Ансея и Миа.

Он вчера так бесцеремонно уехал. И сегодня никаких проблем, все легко. Видите? Нам не надо пересказывать друг другу произошедшее и вести разговоры а-ля я-вчера-был-слишком-пьян. Мы с Финном уже проходили все это после женитьбы с сексуальным закреплением нашего союза и утреннего неловкого разговора.

Миа проходит мимо Финна, подмигнув ему, и протягивает мне пластиковый стаканчик с зеленой фруктовой смесью.

- Ансель хотел попробовать эту дикую мешанину. И, конечно же, налил себе полный стакан капустного сока. Я думала, его стошнит прямо в машине.

Я подозрительно смотрю на стакан.

- А в твоём смешан банан, манго и ананас, - она слегка толкает меня локтем. - Говорят, это выводит из тела токсины сомнительных решений.

- Вообще-то, вчерашний вечер был *веселым* решением. Боже, я не могла устоять, чтобы не насладиться этим телом, - признаюсь я.

Я инстинктивно смотрю туда, где Финн стоит с Анселем и Оливером, и он замечает мой взгляд. Он отворачивается, и парни подходят ближе, слушая, что он им рассказывает. Очевидно, он что-то объясняет.

- Он тебе что-нибудь говорил вчера? - шепчет Миа. - Я знаю, как тебя бесит, когда он пытается общаться.

- Немного, но вполне допустимо. И в основном грязные пошлые словечки, - наклоняясь ближе, я говорю: - Кстати, мы вчера не занимались сексом.

- Я так и поняла, - кивая, отвечает она. - Финн что-то пьяно бормотал в машине про посиневшие яйца. А где Лола?

Я оглядываюсь и вижу ее там же, где и раньше, и показываю Миа. Лола полностью погрузилась в чтение книги и, кажется, не понимает, что они *отмечают открытие*, люди вокруг разговаривают, фотографируются, НеДжо обслуживает покупателей, и все поздравляют Оливера, как здорово он все тут устроил.

Могу с точностью сказать, Финн заверил парней, что мы не находимся в «зоне неловкости». Ансель подходит к Миа и обнимает ее за плечи. Он прижимает ее к себе, чтобы, склонившись, поцеловать. Она такая миниатюрная, а он такой высокий, что их пара довольно забавно смотрится; Миа даже не видно из-за него.

- Ребята, может, вам уединиться? - интересуюсь я.

Ансель отвечает, не разрывая поцелуй:

- Спасибо, было бы чудесно. Гони всех отсюда.

Смеясь, я похлопываю его по плечу, и он обнимает ее еще крепче, удерживая. Миа прижимает два пальца к его губам и смотрит на него, краснея и задыхаясь, и на мгновение - всего на секундочку, на один маленький удар сердца - я так хочу таких же отношений, как у них, что в груди колет.

А потом все исчезает.

- Мы хотим пойти пообедать, - говорит Финн, стоя за моей спиной, и - *вот же черт!* - по моей груди прокатывает еле уловимая волна тепла. Миа смотрит на меня и оценивает мою реакцию. Финн прямо у меня за спиной, и с расширившимися глазами я даю ей понять: *я в порядке, со*

мною все прекрасно.

- Мы пришли всего пятнадцать минут назад, - говорю я ему, медленно поворачиваясь к нему. - Разве мы не должны остаться немного подольше?

Он осматривается.

- Здесь полно народу. Друзья приходят создать массовку. Что мы и сделали.

Мне стоит пойти с ними, я уверена, что будет весело, но мне хочется быть дома и ухаживать за мамой.

- Ты сегодня уезжаешь или завтра? - спрашиваю я его.

- Эм-м... - он смотрит на Ансея, который, наклонив голову, ждет с забавным выражением лица. А Миа стоит с широко раскрытыми глазами, словно я граната, а Финн собирается выдернуть из меня чеку.

Он почесывает подбородок.

- На самом деле, я останусь у Оливера еще на две недели.

Мои мысли сейчас, словно колода карт, которую я перетасовываю и потом складываю по порядку. Я не могу заикливаться на маминной операции в ближайший понедельник. Не могу думать о возможных секс-приключениях с Финном. Мне не хочется ходить по магазинам, заниматься серфингом и даже есть. А моя работа с частичной занятостью просто смешна. Так что сейчас суббота полдень, и я в доме родителей, одетая в купальник и готовая плавать в бассейне, пока мои конечности не онемеют. По крайней мере, я могу быть поблизости и не прятаться.

Очевидно, у папы точно такая же идея. Он заканчивает заплыв и выныривает, опираясь локтями на бортик бассейна, когда видит меня. С его наполовину седых волос на загорелую кожу стекает вода, он сдвигает очки на лоб и, закрыв глаза, поднимает лицо к небу. Я бы все отдала, лишь бы не видеть папино беспокойство.

Я сажусь возле него и опускаю ноги в воду. Мы сидим в тишине, пока он восстанавливает дыхание.

- Привет, Тюльпанчик.

- Привет, дружище.

Я погружаюсь в воду, наслаждаясь холодной сентябрьской водой. И, вынырнув на поверхность, спрашиваю:

- Давно тут зависаешь?

Он смеется без особого веселья, снимает очки и бросает их на полотенце в нескольких футах от него.

- Да не особо, - папа все еще немного задыхается. Он просто в невероятной физической форме, должно быть, плавает, как маньяк. - А ты?

Я пожимаю плечами. По какой-то причине я чувствую, что не могу быть такой же потрясенной, как папа. В конце концов, папа всегда был более активно принимающим участие в моем воспитании родителем. Мамина карьера была на пике, когда мне было всего два года, и пошла на убыль, только когда я поступила в колледж. Во время моей учебы на втором курсе папа получил свой первый Оскар. Он безумно нас любит, я всегда этому поражалась, но мама всегда была для него солнцем, луной и звездами.

- Ты сегодня идешь в офис? - спрашиваю я.

Он улыбается, явно поняв мой отвлекающий маневр.

- Да, но всего на час. Думаю заняться новым проектом с Сэлом. Он задержит меня дома до апреля, это точно.

Сальваторе Марин - продюсер, режиссер, близкий друг папы и его деловой партнер. Я знаю, вопрос о работе очень тяготит папу: как сбалансировать рабочее время и в то же время быть рядом с мамой. Он часто бывал в разъездах, и, я уверена, что мысль надолго уехать от мамы его просто пугает.

- Звучит хорошо, - кратко отвечаю, подвинувшись к солнцу.

- Мне кажется, тебе понравится фильм, - его улыбка сразу меняется, становится озорной и настоящей. - Он о парнях на лодке.

- Ой, очень смешно, - я брызгаю на него. Я соскучилась по его смеху и легким улыбкам, так что если подтрунивание надо мной по поводу Финна или другого парня сделает его счастливее, он может развлекаться столько, сколько ему захочется.

- Так чем ты вчера занималась?

Я быстро ныряю под воду, чтобы намочить волосы.

- Была у Лолы.

Чувствую, как он смотрит на меня и ждет. Он привык, что я делюсь подробностями.

- И как? Повеселилась?

- Да, было нормально, - я пытаюсь увильнуть от ответа и смотрю на него, щурясь от солнца. - Кстати, забавно получилось... Финн тоже там был.

Я вижу, как поднимаются его брови.

- Значит, Финн, да?

Я всегда полагалась на папино мнение, чтобы разобраться со своими делами, переживаниями или приключениями.

Так что он был в курсе всех подробностей моей поездки в Вегасе: как мы встретились в баре, напились и поженились. Конечно, он знает только сокращенную версию: я рассказала, что мы просто вместе днем сходили и все аннулировали.

Также он знает, что я летала к Финну на один день. И когда папа услышал, что Финн тоже вчера был на вечеринке, он сложил два и два.

- Это было неплохое отвлечение... - бормочу я и чуть тише добавляю: - Хотя ничего особо и не было.

Папины глаза заблестели, он еле сдерживается, чтобы не начать меня поддразнивать.

- Так он приехал на грандиозное открытие?

Я киваю, пропуская ту часть, что Финн останется в городе на пару недель. Я сама не знаю, как реагировать на эту новость: радоваться или злиться. У меня сейчас и так достаточно мыслей в голове, поэтому не знаю, стану ли я специально искать встречи с ним.

Папа наблюдает за мной, как я рисую каракули мокрым пальцем на бетонном покрытии. Я никогда не скрывала от него свой интерес к парням, девчачьи драмы, страхи или простые жизненные переживания. Пока я росла, мы договорились, если случится что-то важное, я сразу же приду к нему, и папа не будет читать мне лекции, осуждать или, как мама называет, показывать «Покровительственную Латиноамериканскую Ярость».

- Отвлечение иногда может быть приятным, - глядя на меня, замечает он.

Знаете, есть огромная проблема, когда тебя воспитывает такой замечательный мужчина: с ним невольно сравниваешь всех своих парней. И, к сожалению, сравнение не в их пользу.

Я молча пожимаю плечами.

- У тебя сейчас столько всего происходит, и очень обидно, что он живет так далеко от тебя.

Я поднимаю на него взгляд.

- Он пробудет здесь еще пару недель.

Папа смеется над моим мрачным выражением лица и выходит из бассейна. Вода стекает к его ногам, отражая сотни солнечных лучей на земле.

- Я обожаю тебя, моя красивая маленькая злючка, - он берет полотенце и вытирает грудь и руки, продолжая говорить. - И я тебя знаю. Ты уже надумала кучу причин, чтобы с ним не встречаться.

- Конечно, я не должна...

Он мягко обрывает меня на полуслове, приподнимая руку вверх.

- Семья для тебя - самое важное, именно так я тебя воспитывал. Скоро ты будешь присутствовать на каждой встрече с врачом и будешь рядом каждую секунду. Ты постоянно будешь на связи и прочитаешь все возможное, что только найдешь. Будешь ухаживать за ней, кормить, укутывать, делать подарки, смотреть вместе кино. Я буду делать то же самое, и это будет сводить твою маму с ума, - он садится рядом. - Пожалуйста, Тюльпанчик, позволь себе немного отвлечься, повеселись. Я тебе немного завидую.

Дом Оливера - это крошечный, одноэтажный коттедж на пляже Пасифик, цвета морской волны и с красными ставнями. Тротуар перед домом в небольших трещинах, а газон пестрит желтыми, зелеными и бордовыми цветами. По сравнению с глянцевым магазином Оливера, его дом, конечно, проигрывает. Но я знаю, сколько стоит аренда в таком месте, а наличие крыши с шикарным видом на закат - это огромный бонус.

Немного поплавав, я вернулась в дом и нашла родителей сидящими в обнимку в гостиной. Я предложила сделать им ланч, но они не были голодны. Предложила побегать по их поручениям, но у них и этого нет. Я постояла, а потом потихоньку ушла в свою комнату, видя папину грустную улыбку.

Я буду нужна маме, но только не сегодня. Сейчас ей нужен только ее мужчина, именно он сейчас - весь ее мир.

Я доезжаю до Оливера, как в тумане, на автопилоте, стараясь не предугадывать свое следующее действие. Папа практически подтолкнул меня насладиться Финном - хотя и не такими словами - но почему бы и нет? У нас нет никаких ожиданий друг от друга. Суммарно мы провели вместе не больше одного дня, и большую часть этого времени - голыми. До этих выходных наш самый большой разговор случился, когда я появилась у него на пороге, и он предложил располагаться и чувствовать себя, как дома, пока сам побежал за презервативами.

Широко улыбаясь, увидев дверной молоток в виде R2-D2 [робот из «Звездных войн - прим. редактора], я дважды стучу в дверь.

В доме тихо, и морской ветер хлещет меня по ладоням. Наконец, я слышу шаги, и открывается входная дверь.

Финн стягивает кухонное полотенце со своего плеча и вытирает руки. Он без рубашки, и джинсы сидят на бедрах так низко, что я вижу черную резинку его боксеров.

- Привет, Имбирная Барби.

Один удар сердца, и я перестаю переживать, ненавидя этот момент. Я чувствую себя уязвимой и на грани слез, но не ожидаю особенного сочувствия от Финна. Пьяный Финн - это просто аномалия, игривый и мягкий во всех отношениях. Финн в свете дня - умелый и грубоватый, он хорош в рыбалке, сексе и - судя по всему - даже в мытье посуды.

- Знаешь, что... - глядя на свою припаркованную машину, говорю я. - Это была глупая идея.

- Подожди, ты ведь пришла увидеться со мной, не с Оливером? - он делает шаг ближе.

- Да...

- Ты пришла, чтобы закончить вчера начатое?

Я уже собираюсь уходить, не зная, что ответить на его слишком прямой вопрос. Я имею в виду, конечно, я пришла за этим. Но это больше, чем просто желание пошалить. То, чего я хочу с Финном - это секс, который полностью поглощает меня и выключает мозг. Я не хочу играть в кошки-мышки, не хочу это обсуждать. Просто хочу *делать* это.

Я слышу игривую насмешку в его голосе:

- Если ты этого хочешь, тебе нужно просто сказать, Харлоу.

Я стою лицом к дороге и делаю несколько глубоких вдохов. Мимо проезжает машина с такой низкой посадкой, что почти царапает асфальт, звуки басов разносятся в разные стороны и вибрируют под ногами. Машина замедляется, и на меня пялится парень с пассажирского сидения.

Последняя юная и странная, с которой я встречался, была рыжей, – доносятся слова песни, искажаясь через дерьмовые динамики.

Я расправляю плечи, когда взгляд парней с моего лица опускается на грудь.

Я отвел ее в дом, и она мне отсосала.

После таких слов песни парень широко улыбается, поднимая брови и как бы спрашивая, может ли это быть правдой, словно именно я была той сумасшедшей. Машина останавливается посреди улицы, будто водитель ждет, что я запрыгну к ним в машину и поеду развлекаться. Я хочу подойти к своей, но чувствую себя в ловушке между этими парнями и дерзким ублюдком у себя за спиной.

Финн выходит из дома, убирает полотенце и встает передо мной, закрывая меня одним плечом, и смотрит на придурков в машине.

– И какого хера уставились? – рычит он себе под нос.

Теперь мне плевать на них. Меня никто, кроме папы, никогда не защищал. А парни, с которыми я спала, могли или притвориться, что не замечают машину, или тревожно прошептать, чтобы я возвращалась в дом. Но в отличие от остальных, Финн просто огромный. Я никогда не видела его кожу на солнце, но, похоже, они встречались тысячу раз. Я, конечно, высокая, но он на несколько дюймов выше меня и вдвое шире. У него загорелая и накаченная грудь без единой татуировки, только с небольшими шрамами. Порез там, отметина здесь. Он видел гораздо больше настоящей жизни, чем живущие тут мальчишки-серферы или тощие уличные бандиты. Машина с визгом стартует и двигается дальше по улице.

– Эти мудаки даже близко не знают, как с тобой обращаться, – тихо говорит он, глядя на меня, словно я уже согласилась с ними ехать. И снова этот его взгляд, точно такой же, как я видела вчера – собственнический, с интересом и голодом – как будто он увидел другую меня, не ту, которой всегда считал... И что, возможно, та я ему понравилась.

Под действием адреналина мое сердце дико стучит, я еще больше хочу войти с ним в дом, чтобы он заставил меня обо всем забыть.

– Ну ладно, да. Я здесь, чтобы закончить начатое.

Он ждет, обдумывая. И я понимаю, что впервые вижу его без бейсболки. Я могу разглядеть его глаза на солнце, увидеть их без всякой тени или без приглушенного тяжелого света. Мне нравится, как он все обдумывает и изучает, особенно меня.

Его глаза гораздо умнее, чем рот.

Словно придя к какому-то заключению, он говорит с небольшой ухмылкой:

– Девчонки, как ты, приносят больше проблем, чем пользы.

Боже, какой же он мудака. Но искорки в его глазах ясно дают понять, что он чертовски

счастлив, что я здесь. И, если честно, он даже может считать меня капризной дивой, до тех пор пока будет помогать мне на некоторое время забыться.

- Ясно.

- Мы будем заниматься сексом, и все. Надеюсь, это понятно.

Я смеюсь.

- Я здесь исключительно ради секса, а не глубоких отношений.

Он делает вежливый знак рукой, чтобы я первой вошла в дом.

Мне требуется несколько секунд, чтобы оглядеться после яркого солнца. Финн закрывает дверь и прислоняется к ней, скрестив руки на груди. Я отворачиваюсь, ощущая, как на моей шее пульсирует вена, пытаюсь успокоиться и притворяюсь, что осматриваю комнату. Это просто неожиданность, заставшая меня врасплох, и я стараюсь забыть о нервозности.

Через окно со стороны океана льется свет, и куст акации отбрасывает тень на гостиную и столовую. Мебель кажется старой и переделанной, но со вкусом расставленной. Диван и кресла разных оттенков синего. Большой пуфик, отделанный тканью в стиле ацтеков, в качестве журнального столика. Несколько оформленных фотографий стоят на столике возле дивана, а рядом небольшая ваза из плетеного бамбука. Стол был сделан из цельного куска дерева, из темной и светлой древесины, но все-таки гладко и хорошо отполированной, а естественные неровные края предают ему поразительно живописный вид.

- Оливер меня удивил, этот дом не выглядит, как холостяцкая берлога.

Финн смеется.

- Он чистюля.

Я смотрю на полотенце у него на плече.

- Ты моешь посуду.

Слегка пожимая одним плечом, он бормочет:

- Я тоже чистюля.

- Значит, Ансель неряха? - улыбаясь, спрашиваю я. Мое сердце стучит так сильно, что я слышу шум в ушах. Мне не хватает пьяной раскованности в общении. Он смотрит на меня с удивлением, и я поясняю: - Кто-то же должен быть грязнулей, основываясь на статистике.

- Вообще-то, он самый помешанный на чистоте придурок из всех, кого я знаю. Перри неряха. Так что все сходится.

- Конечно, неряха, она же чудовище.

Финн стоит молча, и сложно понять его выражение лица. Я не жду, что он начнет оскорблять кого-то из своих лучших друзей, и не важно, какой бы ужасной она ни была.

- А почему ты все еще в городе? - наконец спрашиваю я. - Ты же никогда не пропускаешь смену на работе?

Он проводит рукой по губам и подбородку, удерживая мой взгляд.

- Ты кажешься хорошим поводом для исключения из этого правила.

- Это не похоже на ответ.

- Я тут по делам.

- По делам?

- Ага, - он медленно подходит ко мне. - А почему *ты* здесь?

- Мне кажется, мы это выяснили еще на улице.

- Я знаю, *зачем* ты здесь, но не *почему*.

- Я... - я замолкаю, сразу передумав говорить ему настоящую причину. Это слишком тяжело. Слишком... много. - Я просто хотела сбежать из дома.

Он хмурит брови, и кажется, что у него на языке вертится куча вопросов, но вместо этого он подходит ближе. Держа руки перед собой, он слегка покачивает ими из стороны в сторону, указывая на варианты:

- Финн... Обувной магазин... Финн... Обувной магазин...

- Думаю, ты выиграл.

Он сдается улыбке, с которой боролся.

- Скажи, почему *я*? В городе полно богатеньких парней, которые только и ждут, когда ты заберешься к ним под одеяло.

Кровь наполняется жаром, когда он протягивает руку и играет с лямкой моего платья.

- Они не достаточно хороши, - признаюсь я.

- Да неужели? - похоже, он не удивлен.

- У меня еще не было парня, который бы заставил меня кончить. Без моей помощи.

Я игнорирую его самодовольную ухмылку, когда говорю это. Но я стараюсь скрыть, что внутри меня все отчаянно дрожит, что я переполнена ощущениями, когда он касается меня. Но, возможно, пусть он увидит. Может, это заставит его захотеть сегодня превзойти самого себя.

- Чтобы было понятно, - шепчу я. - Я использую тебя только для секса.

Финн заводит руку за мою голову, и в ожидании его первого прикосновения мои глаза закрываются, а чувства обостряются. Он осторожно собирает мои волосы, едва касаясь моего затылка, и наматывает их на кулак.

- Тогда поцелуй меня для начала.

Он держит меня за волосы, я пытаюсь, но не могу пододвинуться ближе.

Пытаюсь еще раз, но он все еще держит меня, улыбаясь прямо возле моих губ. Я закрываю

глаза и провожу рукой по его голому животу вверх к груди. Его кожа такая горячая. Он твердый, гладкий, соски напрягаются под моими ладонями, и когда я провожу по ним ногтями, он резко шипит и ослабляет хватку на моих волосах. Мне знакомо это чувство, но все же не совсем: на этот раз секс не быстрый, не неуклюжий, не пьяный и не спонтанный.

Он осознанный, и у нас впереди весь день.

По крайней мере, я на это надеюсь. Неопределенность в связи с его делами здесь немного беспокоит, но тут же забывается, едва мои руки двигаются к его шее, и мой рот обрушивается на его. Со стоном он скользит губами по моим, окунает язык внутрь, и все становится лихорадочно жарким. Он толкает меня, разворачивает, ведя дальше по коридору и, спотыкаясь, мы с силой прижимаемся к стене, где он нависает надо мной.

- Прошлой ночью я хотел съесть твою киску, - говорит он прямо мне в ухо. - Я и сейчас хочу. Хочу, чтобы ты дико извивалась у меня на лице. Что ты об этом думаешь?

Я думаю, что это превосходный план.

Пока Финн ведет меня по коридору, я насчитываю три спальни - совсем небольшие - и его самая дальняя окнами выходит на боковую улицу. Она довольно пустая, с большой кроватью Икеа у стены и комодом напротив нее. Его чемодан стоит прямо у двери шкафа. Спрятанная от солнечного света, эта сторона дома прохладная. Мы останавливаемся всего в паре сантиметров друг от друга. Идущее от его груди тепло растет с каждым жарким вздохом. Я практически задыхаюсь, мое сердце бешено стучит.

Я редко когда чувствую себя испуганной - и будь я проклята, если позволю парню взять над собой верх - но когда в комнате находится этот альфа-самец, я сама не своя. Забросив кухонное полотенце на другое плечо, Финн переводит взгляд от моего рта к моей шее и ниже. Мои соски напрягаются под тоненьким платьем, и он облизывает губы, одобритительно рыча.

- В этот раз я собираюсь связать тебя, - говорит он мне, спуская лямку с моего плеча. Его губы путешествуют по моей шее. - Как тебе идея?

Я моргаю, чувствуя, что немного застигнута врасплох. Я... *Хочу ли я этого?* Меня никогда не связывали. Но если честно, я не сильно удивлена, что Финн этого хочет. В Вегасе, а потом и в Канаде он был как грубым, так и нежным в равной степени - сильнодействующее сочетание. Он шлепал меня, удерживал руки над головой и сдерживал оргазмы, когда замирал во мне, и целовал так нежно, что в итоге я с криками кончала. После чего он выходил и своим ртом заставлял меня кончить снова.

В нашу первую ночь мы занимались сексом всего один раз, пока не отключились, но продолжался он целых три часа. Финн называл это шотами - как стопка текилы - а прямо сейчас я хочу ему отдаться.

- Мне нравится.

- В прошлый раз ты появилась неожиданно, и я просто хотел трахаться, - говорит он. - Сейчас же хочу наслаждаться и смаковать. Конечно, если ты никуда не торопишься.

Я качаю головой и закрываю глаза. Это так приятно - передать все в его руки. Я отброшу беспокойства и позволю себя связать, облизать и оттрахать так, что не смогу ходить. Я плохо знаю его, чтобы довериться полностью, но вот собственное тело могу отдать без оглядки.

- Ну так что? - почти резко спрашивает он и чуть наклоняется, чтобы встретиться со мной взглядом.

- Нет, - мой голос едва слышен, и я прочищаю горло. - Мне никуда не нужно.

Он кивает, идет к своему шкафу и достает с верхней полки длинную красную веревку.

- И с чего это у тебя в шкафу веревка? - мой голос звучит громче и пронзительней.

- Не хотел оставлять ее в грузовике, - улыбается он. - Это очень хорошая веревка.

Я, конечно, сомневаюсь, что люди с пляжа Пасифик понимают, что лежащая в его грузовике веревка *очень хорошая*, но я не жалею. Я рада, что ему не пришлось идти за ней.

Когда я смотрю на нее, то понимаю, что ее не используют на судах. Она мягкая и сделана из шелковых нитей.

- Ты возишь с собой шелковую веревку для постельных игр? Мне стоит хорошенько погуглить тебя, Финн?

Он немного смеется и кидает ее на постель.

- Я был уверен, что в итоге ты окажешься здесь голой, пока я тут, - он слегка поднял подбородок, указывая мне, что делать.

- Самоуверенно.

Он поднимает брови, как бы спрашивая: «Ну?» Потом снимает полотенце с плеча и обходит меня по кругу, пока я через голову снимаю платье. Спустив белье по ногам и вышагнув из него, я слышу легкий шорох ткани возле бедра. И тут же последовал легкий удар в том же месте. Со вздохом я поворачиваюсь и смотрю на него. Он хлестнул меня полотенцем, как чертов подросток на кухне. Место удара начинает теплеть, и я еще больше начинаю ощущать прохладу в комнате.

- Иди сюда, - говорит он, не обращая внимания на мое удивленное лицо.

- Ты же не собираешься высечь меня *кухонным полотенцем*?

- Конечно, нет, - когда я подхожу ближе, он опять меня шлепает, едва касаясь моего бедра. - Я буду тебя им дразнить.

- А что случилось с банальным раздеванием и...

Он шлепает еще раз, и на этот раз повыше.

- Ты пришла ко мне, а не к какому-нибудь малолетке с тощим членом из Del Mar. И я буду делать так, как мне хочется, - его взгляд смягчается. - Не переживай, милая, я не заставлю тебя долго ждать.

Мой выдох выходит прерывистым, и я согласно киваю. Что бы он ни придумал, я здесь именно за этим. Я закрываю глаза и отдаюсь почти опьяняющим ощущениям от его близости, когда я могу чувствовать только его.

Он наматывает на палец небольшую прядь моих волос и скользит по ней по всей длине, мягко

потягивая.

- Посмотри на меня.

Я поднимаю взгляд, фокусируюсь на изгибе его нижней губы, его ироничной ухмылке и жду его дальнейших указаний.

- Поцелуй мою шею, - шепчет он, и я целую. Встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его пульсирующей вене.

Это предлог, чтобы увидеть, как я действую на него, так же быстро его кровь бежит по венам, как и моя, когда он рядом. Но его пульс ровный, и под своими прикосновениями я ощущаю размеренное бум... бум... бум...

- Лизни, - его пальцы скользят по моей шее и цепочке с кулоном, прижимаются к коже головы, зарываются в волосы и сжимают их.

Мой язык поглаживает, едва касаясь его кожи, и он стонет, низко и жаждающе. На вкус он соленый и свежий, будто с самого детства его, не отпуская, омывал океан.

- Иди ложись, - его пальцы отпускают меня, но взгляд еще на мне. Сейчас я вспоминаю, что Финн на десять лет меня старше, и я, наверное, выгляжу наивной и испуганной. Интересно, он догадывается, что у меня еще не было такого опытного любовника, как он.

- Я свяжу тебя и буду целовать твою сладкую киску. И хочу слышать свое имя, когда ты кончишь на мои губы.

Забравшись на кровать, я поворачиваюсь и усаживаюсь прямо посередине. Я выросла на пляже, поэтому свободно себя чувствую, находясь в купальнике на людях. Но с Финном мы обычно играли в темноте. И это немного странно - быть перед ним абсолютно голой, когда он сам практически одет, и ползает на четвереньках при свете дня.

Стою на коленях и жду, что он присоединится ко мне, но он лишь отрицательно качает головой.

- Ляг на спину и закрой глаза, - на мой подозрительный взгляд он отвечает спокойным глубоким голосом: - Ты хочешь этого или нет?

Прежде чем сделать так, как он сказал, я смотрю на ширинку его джинсов, мягкую от длительной носки и с выпирающей эрекцией. Он всегда уверен, что мое тело готово, и я знаю: чем бы мы ни занимались, тут нет места страху или панике, и моя потребность переключиться на что-нибудь, кроме собственных мыслей, делает меня нетерпеливой.

Он замечает, куда я смотрю, потирает рукой по всей своей длине и сжимает сквозь джинсы.

- Потерпи еще немного, ты его получишь. Ложись.

Подушка немного твердая, но хлопок под моей обнаженной кожей ощущается мягким и теплым. Матрас продавливается у меня между ног, когда Финн забирается на кровать, ладонями поглаживая мои голени.

Финн пропускает конец веревки поперек моего тела и наматывает вокруг своей руки. Заводит ее сзади, спускает по центру тела и крестом обворачивает спереди и сзади. Обматывает вокруг

одной моей руки и протягивает обратно по груди до другой стороны. Обернув вокруг другой руки, он нежно связывает их таким образом, что они зафиксированы по сторонам вдоль бедер. Прямо по середине, над пупком, он завязывает сложный и красивый узел. Я наблюдаю за ним все это время, он сосредоточен и связывает очень аккуратно, чтобы не было слишком туго. И по его взгляду я точно знаю, что ему все это нравится. Когда он заканчивает, проводит руками по моим бедрам, животу, груди и шее.

- Я и не догадывалась, что тебе такое нравится, - шепчу я.

Он пожимает плечами, но ничего не говорит. Моя грудь зафиксирована крестом на грудной клетке, и веревка мягкая, но крепкая. Я чувствую, как она давит на нежную кожу по всему телу.

- Не слишком туго? - спрашивает он, пальцем рисуя маленькие круги вокруг соска.

Я проглатываю вздох.

- Нет.

- Тебе нравится?

Я слышу неподдельную заботу в его голосе. По его подрагивающим рукам, пронзительному взгляду и выпирающему сквозь ткань джинсов твердому члену могу сказать, что он в восторге. *В полном.* И ему важно, чтобы мне тоже нравилось.

И, черт возьми, мне нравится. Я не против, чтобы мои руки были связаны по сторонам так сильно, как я и думала. И я чувствую *все*: шелковое скольжение веревки, когда я немного двигаюсь под его пристальной проверкой, прохладный воздух на моей коже, пульс, эхом отдающийся в шее, груди и между ног.

Я забыла, какие у него загрубевшие от постоянной работы руки - сильные и большие. Он может закрыть большую часть моего тела, когда проводит пальцами по внутренней стороне мои бедер, раздвигая их.

Я сопротивляюсь, но он цыкает на меня, легко переубеждая и покачивая головой. Он не смотрит мне в лицо, он смотрит на меня *там*, между ног.

Я считала себя современной женщиной - повсюду говорят о том, чтобы быть свободной и готовой к новым открытиям - но до сих пор это была просто теория. В двадцать два года у меня еще не было достаточно опытного любовника, который бы замедлял и ускорял меня под своим чутким руководством. Я еще не была с таким уверенным мужчиной, который оставался бы спокойным, глядя на меня. И меня, конечно, не связывали. Я ни с кем не наслаждалась всем этим, как с Финном. И даже Финна я еще толком не знала.

Опираясь на локти, он устраивается у меня между ног, целует мое бедро и смотрит на мое перевязанное красной веревкой тело.

- Ты выглядишь потрясающе.

Я сдавленно шепчу в ответ «Спасибо», глядя, как он наклоняется и приоткрывает губы. И боже, я ему верю.

В течение секунды он стонет, прежде чем касается ко мне, и от этого мне кажется, что во мне

взорвалась бомба. Словно что-то разбивается внутри от влажного скольжения его языка. Я откидываюсь назад, руки жестко привязаны, спина немного отрывается от матраса, и я выгибаюсь, придвигаясь ближе. Я знаю, что ждала этого не только с прошлой ночи, но и каждую секунду с тех самых пор, когда в последний раз чувствовала его язык у себя между ног. Его рот горячий и властный. Он движется, словно целует мои губы, легкие касания и нежные ласки доводят меня до крика, он хмыкает и проталкивает язык в меня, и тогда я просто... *теряюсь* во всем этом.

Финн всегда был на грани грубости и определенно хотел контроля те два раза, что мы были вместе, но это... Сейчас все иначе. Это не просто веревка вокруг моих запястий или то, как он ими удерживает меня. Это ощущается, словно мы перешли на другой уровень – до этого был просто секс на одну ночь или повтор по-быстрому, просто секс. Сейчас же кажется, что он, отбросив поверхностное, открывается мне.

Словно со стороны я наблюдаю, насколько он громкий, посасывающий и причмокивающий, как громко кричу я, выкрикивая его имя и какие-то неразборчивые слова, но я не могу сдерживаться. Я не могу, потому что сквозь меня проходят вибрации его стонов, и эти безумные ощущения, когда он использует узел на моем животе, чтобы ритмично подтягивать меня ближе к своему рту, и я кончаю так быстро, так сильно, что ногтями вонзаюсь в свои бедра, и чертово блаженство растекается серебром по мои ногам. Кожа ощущается покрасневшей и наэлектризованной, и я слышу, как собственные хриплые крики эхом разносятся в практически пустой комнате.

Финн все еще не отрывается ртом от меня, но я задыхаюсь, после того как кончила, мои ноги дрожат и тяжелеют. Я хочу сдвинуть их вместе, но его руки удерживают меня за бедра, открывая меня еще больше и прижимая к кровати.

Он рычит: «*Нет*», и тянется, чтобы резко шлепнуть по внешней стороне мое бедра. Мне так хорошо, что я даже не чувствую шока. Когда он накрывает рукой место, где шлепнул, потирает своей грубой рукой медленными и успокаивающими кругами и начинает одобритительно мычать, я тут же хочу, чтобы он меня снова шлепнул, хочу почувствовать это блаженное тепло под его ласковыми прикосновениями.

Финн наблюдает за мной, его губы мягко прижаты к моему клитору, а внимание сосредоточено на лице. Он немного отстраняется, чтобы прошептать:

- Скажи, как это тебе.

Это он про шлепки или крышесносный оргазм? Или о том, что я благодаря ему едва могу двигаться, и мои мышцы свело судорогой. Хотя какая, блин, разница, ответ будет один и тот же. Моргая, я открываю рот, медленно формируя в голове фразу, и произношу в голове: «*Так... охрененно... хорошо*».

Прежде чем я это произношу, он улыбается и продолжает свои сводящие с ума поцелуи, облизывания и потягивания веревочного узла. Я произношу, наконец, слова, все остальные мысли просто улетучиваются из моей головы, и я снова прижимаюсь к нему, кружа бедрами у его рта.

Мое лицо и щеки горят. Веревка щекочет кожу, когда он приподнимает и опускает меня в такт с дразнящими движениями своего языка. Соски напряжены, ноют, и я хочу чувствовать на них его пальцы и рот. Хочу его везде. Я чувствую отчаяние, и весь мой мир сосредоточен только на тех местах, где он меня касается и где еще не успел.

Должно быть, я что-то сказала, потому что услышала звук его прорывающегося сквозь туман голоса:

- Это точно, - произносит он, тихо бормоча. - Блять, ты только *посмотри* на себя.

Но я смотрю *на него*. На его мягкие волосы у себя между ног, его глаза, на эти чертовы глаза, что смотрят прямо на меня и ждут. Внутри меня он приподнимает вверх кончик пальца, опускает голову и продолжает посасывать, и мне этого достаточно. Моя спина выгибается над матрасом, и я кричу, снова рассыпаясь на кусочки в шелковой паутине его веревки.

Я, как растопленный шоколад, разлитый по его кровати, и тихо постанываю, когда руки Финна нежно поглаживают мой живот и развязывают узел.

- Когда сниму веревку, может немного покалывать, - он целует место, где только что был узел, след от которого смотрится, почти как цветок на моей коже. - Это будет чувствительно.

- Хорошо, - на глубоком выдохе говорю я. И он прав. Как только он распутал веревку на запястьях, а затем и крест на теле, я чувствую, как обдает воздухом легкие отметины на моей коже, но через секунду Финн губами проходит по всей следам, облизывая, целуя, успокаивая во всех чувствительных местах.

Это ошеломляюще приятно - что он так нежен. Как только он освобождает мои руки, я провожу ими по его плечам к шее и удерживаю его лицо, пока он облизывает и посасывает следы от веревки под грудью. Наконец, он берет в рот сосок, обводя его языком.

- Охренеть как хорошо, - мурлычет он, переключаясь на другую грудь и лаская пальцами исчезающие линии.

Его руки находят мои запястья и запрокидывают их за голову, снова связывая веревкой.

- Так нормально? - шепчет он.

- Да.

Связанная, я не могу опустить руки или обнять его за шею. Но сейчас я оставляю их, как есть, наслаждаясь ощущением мягкого одеяла под своей спиной, когда Финн хватает меня за бедра и подтягивает меня к изножью кровати.

Расположившись у меня между ног, он гладит меня двумя пальцами, рисуя галочку вокруг клитора, затем погружаясь внутрь и повторяя это движение снова, снова и снова.

- Ты чертовски горячая, - он нагибается и целует мое бедро.

Финн отстраняется и отходит, чтобы я видела, как он снимает джинсы и стягивает трусы, пинком отбрасывая их. Он достает презерватив из коробки, лежащей в верхнем ящике тумбочки, но пока не надевает.

Вместо этого он забирается на кровать и усаживается на моей груди. Нависая надо мной, он источает огонь и жар, это ни на что не похоже из всего, что я чувствовала раньше. Мне кажется, что в тех местах, где касалась веревка, все мои ощущения стали ярче.

Он кладет руку мне на голову, а другой сжимает свой член.

- Поцелуй его.

Когда широкая головка его члена касается моих губ, я закрываю глаза, слушая его стоны. Я обожаю его и его вкус. Облизываю его головку и открываю рот чуть шире, когда он проталкивает его глубже, просто входя и выходя, пока я с ним играю, смачивая, чтобы он легче скользил между губами.

- Тебе нравится? - осипшим голосом спрашивает он. - Это ощущение моего члена у себя на языке?

Кивая, я открываю глаза и вижу выражение его лица, таким я его еще не видела: неистовое обожание, словно раньше он никогда не видел ничего прекрасней.

- Я никогда не кончал тебе в рот, - тихо говорит он. - Я не могу перестать об этом думать, но когда я собираюсь это сделать, возникают другие идеи.

Отстраняясь, он подтверждает только что сказанное, седлает мои бедра, разрывает упаковку презерватива и раскатывает его по всей длине. Если бы это был момент из фильма, я бы снова и снова пересматривала эти три секунды. Мне нравится, как он выглядит, когда надевает латекс, как сжимает себя и, опускаясь рукой вниз, берет в ладонь свои яйца. С небольшим рычанием он слезает с меня и встает у подножья кровати у меня между ног.

- Оберни свои ноги вокруг моей талии. Сожми меня ногами.

Я делаю все, как он сказал, потому что мне больше ничего не нужно, кроме Финна во мне, прямо сейчас. Он держит свой член, опираясь ладонью о матрас возле моего бедра, и немного вводит головку.

Немного туда и сразу обратно.

Снова туда.

Снова обратно.

Входит.

С диким взглядом и приоткрытыми губами наблюдая за мной, он опять выходит.

Я начинаю стонать, опуская голову обратно на матрас и сжимаю зубы.

- Мне нравится видеть тебя такой нетерпеливой, - шепчет он, наклоняясь и целуя мою ключицу. - Хотя бы представляешь, как ты сейчас выглядишь? Сочащаяся влагой вокруг меня.

Он знает, что у меня нет слов, да и он особо и не ждет моего ответа, просто медленно входит в меня, сантиметр за сантиметром, кружа большим пальцем вокруг клитора, бормоча:

- А-а-а-а... Не кончай.

Но когда он выходит, едва успевает вдохнуть, чтобы ворваться снова, и понимаю, что вот оно... началось. Это все он, его сильные толчки, его низкие животные звуки, что он издает при каждом движении. Его руки такие большие, кружат по моему телу и удерживают меня, когда он трахает меня так жестко.

Я наслаждаюсь, как этот мужчина говорит мне сдерживаться.

Подожди.

Не сейчас, Харлоу. Блять, даже не смей кончать без меня.

Я сказал, подожди. Я уже близко. Охуеть, совсем близко.

Он выходит за секунду до того, как я готова разлететься на части, с легкостью входит обратно и шепчет у моей шеи:

- Хочешь кончить?

И да, я хочу.

Хочу.

Пожалуйста, пожалуйста.

Я умоляю и понимаю, на моем втором, может быть, третьем «пожалуйста» - что ему очень нравится, я точно знаю - он снова звереет, и на крошечную, безумную долю секунды у меня откладывается в голове, что *это нечто большее*.

Я плотно сжимаю веки и снова проваливаюсь в те чувства, где не существует ничего, кроме Финна и ощущений, появившихся благодаря ему.

Ясные мысли исчезают так же быстро, как и появляются, и я снова кричу, когда он двигается во мне и врывается, вонзается, вдальбливается, пока я кончаю. Его ладони хватают мою попу и прижимают к себе, его губы на моем плече, а член так глубоко, что я даже и не подозревала, что могу чувствовать себя настолько заполненной. Финн вздрагивает надо мной, его тело напрягается, и он стонет, прижавшись к моей коже. Я чувствую, как он изливается внутри меня, как бьется его сердце - или это мое - и у меня нет слов. Я просто не знаю, где заканчивается он и начинаюсь я.

Я не уверена, кто из нас больше устал. Финн сделал все сам, двигался на мне, во мне, толкая и притягивая меня, как ему хотелось, но все же я совершенно измождена. Мои ноги тяжелеют, кости, словно резиновые. Кажется, я могу проспять несколько дней.

Да, именно за этим я здесь.

В это время Финн развязывает мои запястья и потирает пальцем красные отметины.

- Это пройдет, - говорит он, внимательно изучая их, и я слышу сожаление в его голосе. - Наверное, через час.

Кивая, я закрываю глаза, считаю до десяти и встаю. Я начинаю одеваться, чувствуя его взгляд на себе.

- Господи, Харлоу, ну зачем так спешить? - его голос слабый и сонный. Небо на улице темно-лавандового оттенка после заката. - Оливера допоздна не будет дома.

- Мне нужно... - я показываю в сторону дома.

Он кивает, наблюдая, как я одеваюсь, и кладет свою тяжелую руку на кровать.

- Харлоу, тебе не стоит убегать, - он поднимается и садится. - Остайся, позволь мне... Бля, ну не знаю. Приготовить тебе ванну или... Просто остайся здесь. Это же было мощно. Правда же?

Да, так и было. Так мощно, что я начинаю пересматривать приведшие меня сюда причины. Как я понимаю, это желание от всего отключиться, и теперь не уверена, близость с Финном – это мой побег или более опасная моя навязчивая идея.

Глава 4

ФИНН

Меняется сигнал светофора, я шагаю с тротуара и перехожу улицу в середине небольшой толпы. С прижатым к уху телефоном я слушаю, как мой брат Колтон перечисляет, что нужно наладить на судне, до того как оно сможет покинуть док.

- А ты уверен насчет проводки? – спрашиваю я. Все внутри замирает, и мне нужно подтверждение. – Ты точно знаешь, что это проводка целиком, или ты посмотрел только в панели предохранителей?

Я слышу, как он вздыхает, и представляю, что сейчас снимает бейсболку и почесывает козырьком затылок. Сегодня вторник, и он все это время работает без выходных. Уверен, он разбит.

- Я сам проверял панель, пока Леви был в рубке. Мы заменили все старые предохранители, и каждый проклятый из них взорвался, как только мы переключили выключатели.

- Вот херня.

- Именно.

- И какой у нас план? – спрашиваю я, укрываясь под ярко-красным брезентовым тентом. Солнце сейчас активное, поэтому тротуары пустынные и практически без тени.

- Мне надо заменить несколько проводов, выяснить, как выбрать их из поврежденной линии. Думаю, это займет некоторое время.

- Господи. Мне нужно быть дома, а не в этой, блять, Калифорнии.

Прислонившись к стене ближайшего здания, я пытаюсь понять, как такое могло случиться. Есть чувство, что все навалилось разом в один год: сначала большая часть года с плохим уловом, потом нехватка денег и под конец эта гребаная Калифорния.

Но Колтон так не думал.

- Так, стоп. Мы тут со всем справимся. А ты должен быть там, обдумывая следующий шаг. У нас были времена и похуже. Разберемся.

Я немного молчу, перед тем как задать вопрос, ответ на который так боюсь услышать:

- Ну и как долго?

Он выдыхает, и я практически слышу его подсчеты в уме.

- Мне нужно снять панель и вытащить ее из рулевой рубки, – говорит он. – Как минимум, пара дней.

Так, вроде неплохо, могло быть хуже. Я прикидываю, сколько мы потеряем по деньгам, если не выйдем в море.

- А двигатель ты проверил? - спрашиваю я.

- Первым делом, - отвечает он.

- И? Также? Хуже?

Он колеблется:

- Немного хуже.

- Вот блять. И как долго он продержится?

- Согласно отчету, как минимум шесть месяцев. Но это было полгода назад, Финн, и еще шесть месяцев до этого. Сейчас всего два процента осадка в заправляемом масле, в отличие от прошлого раза. Я бы сказал, что мы легко отделались в этом году. Скоро закончится сезон, и все будет хорошо. Мы справимся.

- Ладно, - отталкиваясь от здания, говорю я. Прохожу мимо несколько магазинов, ресторанов и небольших баров и теперь чем дальше я иду, тем больше тротуары заполняются народом. Солнце в Сан-Диего жарит неслабо, и я чувствую, как тепло просачивается сквозь мою черную футболку и ткань моих джинсов. Колтон был прав, могло быть хуже. Еще рано нажимать на тревожную кнопку.

Тогда какого хрена я тут делаю?

- Ты готов к встрече? - спрашивает он, и в его голосе я слышу тревогу.

- А она нам точно нужна?

Его нервный смешок прорывается сквозь разговор.

- Финн, давай хотя бы рассмотрим этот вариант, хорошо?

- Я знаю, Колт. Но, блять, я мысленно с вами, - хотя я не был. Не особо. Я хочу, чтобы мой бизнес был таким же, как и раньше, и поступившее из Лос-Анджелеса предложение - это *не* вариант.

- И когда встреча? - спрашивает он, словно не эта дата не отпечаталась у него в мозгу. Мы все ее помнили.

- На следующей неделе, - я опять останавливаюсь у здания, потирая руками лицо. - И какого хера я сюда приехал так рано? Я мог бы с вами чинить это дерьмо и...

Он стонет.

- Господи, да прекрати ты волноваться. Проведи немного времени с Анселем и Оливером, повеселись. Ты еще помнишь, что такое веселье, Финн? И ради всего святого, пожалуйста, переспи хоть с кем-нибудь, пока ты там.

Я чуть не споткнулся, когда он это сказал, потому что, господи боже, мой пресс все еще болит после вчерашнего секс-марафона с Харлоу.

- Проблемы все еще будут ждать тебя, когда ты вернешься. Ты меня понял? Веселись.

Я прохожу мимо высокого кирпичного здания справа от меня и заглядываю в окно. Смотрю на свое отражение с оживленной улицы, но тут же останавливаюсь и стою, как вкопанный. Потому что там за столиком, хмуро уставившись в ноутбук, сидит Харлоу.

Повеселиться, значит.

- Да, я понял.

Как только я вхожу, мне улыбается сидящая за небольшим подиумом администратор. Она в какой-то степени горячая, выглядит, как пин-ап модель и хорошо бы смотрелась на капоте винтажного автомобиля. У нее короткая прическа фиолетового оттенка с небольшим пробором на бок, на губах и в носу пирсинг, обе руки расписаны цветными татуировками. Я почти готов перезвонить Колтону, это девушка точно в его вкусе.

- Я сяду там, - улыбаясь, говорю ей и показываю туда, где сидит Харлоу, все еще одна, все еще смотрящая в экран ноутбука, внимательно изучая все, что она там нашла. Она на секунду берет свой телефон, пролистывает его и кладет обратно.

Администратор улыбается мне в ответ и позволяет пройти, подавая меню и подмигивает, до того как я успеваю отвернуться. Здесь темно и, слава богу, прохладно. Октябрь на Ванкувере довольно промозглый. В Сан-Диего же словно начало лета. Вечное лето. Не удивительно, что почти все местные такие расслабленные.

Гладкие черные подушки, диваны вдоль стен, расставленные в виде небольших зон в ближайшей половине ресторана, и высокие столы и стулья в другой. Это место скорее похоже на бар, чем на пиццерию.

Харлоу сидит за длинным деревянным столом. На ней сегодня желтая юбка, а ее загорелые ноги, обутые в коричневые сандалии, закинута на рядом стоящий стул. Волосы у нее собраны в узел, одновременно и беспорядочный, и замысловатый, а когда я подхожу ближе, я более чем рад заметить небольшой засос на ее плече.

- Здравствуйте, мисс Вега, - говорю я.

От звука моего голоса она подпрыгивает, поднимает глаза, ее улыбка исчезает, переходя в изумление... и, возможно, расстройство.

- Финн.

Я замечаю, как она отодвигает ноутбук, когда сажусь на стул напротив.

- Пожалуйста, - говорит она сухо. - Присаживайся.

- Знаешь, я прямо слышу, как ты закатываешь глаза, когда это говоришь, - отвечаю я. - Это талант.

К нашему столику подходит официантка, и я обнаруживаю, что у Харлоу только стакан чая со льдом.

- Я буду то же самое.

Я возвращаю взгляд на Харлоу и вижу, что она наблюдает за мной.

- Планируешь тут остаться?

- А почему бы и нет, похоже, тут круто.

Она хмыкает в ответ - ее шея краснеет, и она делает вид, будто я не связывал и не трахал ее три дня назад - и снова смотрит в свой телефон.

- Во сколько тебе надо уходить? - спрашиваю я.

Она качает головой.

- Мне никуда не надо.

Я притворяюсь, что смотрю на часы.

- Не хочу показаться назойливым...

- Верится с трудом, - перебивая, бормочет она.

- ...но ты же вроде работаешь?

- Работаю, - говорит она, глядя больше на экран, чем не на меня. Ее глаза все еще опущены, и небольшая подвеска у нее шее немного покачивается при каждом ее вдохе. Я с легкостью вспоминаю, как она выглядела, лежа на спине, когда из одежды на ней только цепочка и моя веревка вокруг...

Так, соберись, Финн.

- Разве ты не должна быть в офисе или с девочками на обеде?

Она нарочито медленно закрывает свой ноутбук.

- Не сегодня.

- Почему?

Она определенно начинает раздражаться от моих вопросов, и это, признаться, еще больше разжигает мое любопытство.

- Потому что сегодня я не работаю. Мама плохо себя чувствует. Мне нужно было найти кое-какую информацию.

- И чем же ты занимаешься на работе?

- Я практикант на канале NBC [6].

Я опять показательно смотрю на часы, сейчас, правда, еще более драматично. На часах 12 часов дня, вторник, она сидит в пиццерии, уставившись в свой ноутбук, и играет в телефоне.

- На полставки, - поясняет она. - Я работаю около двенадцати часов в неделю. - *двенадцать?* Видя мое изумленное выражение, она переспрашивает: - Что?

- Не оплачиваемая?

- Я прак-ти-кант, - произносит она более медленно, чтобы было понятней. - Я хочу работать в киноиндустрии, и для начала нужно с чего-то начинать, а NBC находится здесь.

- Понятно. И что, ты приносишь кофе и всякое такое?

- Время от времени.

- А они ничего не перепутали? Ты же дочка кинозвезды и большой голливудской шишки, и они сделали тебя подающей кофе девочкой?

Я подшучиваю над ней. В смысле, мне интересно, чем все закончится.

- Я не только этим занимаюсь, - отвечает она, глядя на меня, улыбаясь и понимая, что я издеваюсь. - Вообще-то да, они заставляют меня делать паршивую работу именно потому, кем является мой отец. Столько, сколько я себя помню, я работала с ним и знаю куда больше, как создаются фильмы, чем люди, на которых я сейчас работаю. Но папа всегда говорил, что сначала я должна заработать уважение через смирение, поэтому я сейчас на этой работе. Но я не всегда буду этим заниматься.

Ха. Это было неожиданно и немного настораживает, ведь именно также сказал бы и мой отец.

- Так ты закончила колледж по специальности...

- Связи.

- А-а, связи. Ты типа спец по Твиттеру и Фэйсбуку?

Она складывает губки, игриво изучая меня.

- Ты слышал про Твиттер?

Ох, ее стоит отшлепать за это.

- А ты что здесь делаешь? - спрашивает она и начинает убирать свой серебристый ноутбук в сумку. - Не таинственные ли дела тебя сюда привели?

- Решил пообедать и сделать пару звонков, - говорю я и изучаю меню. - А что? Хочешь предложить пару идей, как убить время? А то я уверен, что некоторые могу рассмотреть.

- Ну, мы с тобой в Basic, и ты уже здесь, я чувствую, что обязана, пока ты в Сан-Диего, заставить тебя остаться и поесть. Здесь вкусно кормят, и у них есть пиво.

- Пиво точно облегчит мой обед с тобой.

Я слышу ее шутливый вздох и не уклоняюсь, когда в мое плечо впечатывается ее кулачок.

Готов признать, Харлоу была права.

- Я что, правда, только что съел пиццу с картофельным пюре? - беря пиво, спрашиваю я.

- Ага, и признайся, что это самая лучшая пицца.

Она и была, я уверен, но ей я этого не скажу. Я съел половину пиццы с моцареллой, нарезанными помидорами и беконом. Харлоу и половины не осилила.

- Все было вкусно.

- «Вкусно», - повторяет она, покачивая головой. - Знаешь, ты не сломаешься, если проявишь немного энтузиазма, Финн.

- Я могу сказать кучу комплиментов, если ситуация того стоит.

- Например?

- Помнится, я говорил про твою киску, что она вкусная.

Ее глаза округляются от изумления и *да*, именно этого я и ждал. Есть что-то в том, как Харлоу реагирует на меня - будь то шок, сопротивление или ярость - словно тянет из меня какие-то первобытные инстинкты. Знаю, это делает меня дикарем и мудаком, но это приятно, и заводит нас обоих. И психоанализ мне сейчас совсем не нужен.

- Кстати об этом. Почему ты так быстро сбежала в субботу? Я мог бы тебе в душе спинку потереть.

Я вижу, что она не готова к откровенности, поскольку моргает пару раз, не находя слов, но потом все же собирается с мыслями.

- Потому что было слишком интенсивно. И я вообще-то пришла только потрахаться.

Я хмыкаю и откусываю небольшой кусочек пиццы.

- И что ты будешь делать со своим либидо, когда я уеду?

Она поживает плечами и говорит:

- Больше мастурбировать, - и откусывает огромный кусок от своей.

Я смеюсь. Мне нравится проводить с ней время.

- Так значит, твоя специализация - связи, и твой папа шишка в кинематографе. Что я еще должать о тебе знать?

- Финн, ты помнишь о нашей договоренности? Все, что тебе надо знать - это что я люблю *оргазмы*. Не напрягайся.

- Да ладно тебе, Имбирная Печенька.

- Ну, хорошо, - она вытирает рот салфеткой и кладет ее на стол. - У меня есть сестра Беллами.

- Она миленькая?

Харлоу смотрит на меня с отвращением.

- Ей всего восемнадцать, ты, хищник.

- Я имею ввиду для моего *брата* Леви. Господи, не нервничай.

Она смеется.

- Она великолепная, но совершенно сумасшедшая.

Я поднимаю бровь и говорю:

- Генетика - так еще сука, верно?

- Ха-ха.

- Она учится где-то здесь?

Пожимая плечами, она отвечает:

- Она ходит в школу искусств, но я совершенно уверена, что это просто прикрытие.

- Ты серьезно? - я чувствую, как мои глаза расширяются. Я слышал такие истории про Калифорнию но...

- Нет, конечно, я шучу, упокойся, канадский осведомитель [7]. Но мне кажется, это немного сложная программа. Я уверена, после выпуска ей будет сложно найти работу, разве что в Бургер Кинге.

вернуться

6

NBC - американская телевизионная сеть

вернуться

7

DEA - отдел по борьбе с наркотиками

- А ты все еще живешь с родителями?

Она прищуривается, глядя на меня.

- Финн, мне двадцать два года.

- Но твои родители живут здесь, и ты неоплачиваемый практикант, работающий 12 часов в неделю и подающий кофе. Прости, конечно, мое безумное предположение, но у тебя точно должно быть какое-то укрытие.

- У меня есть трастовый фонд, - она качает головой и показывая на меня куском пиццы. - Вот только не надо делать вид, что ты удивлен.

- Я удивлен, что ты *признаешься* в этом.

- Мои родители ответственно подходят к деньгам, и я тоже, поэтому вложила их в покупку недвижимости в Калифорнии и в собственную квартиру.

- Я должен поздравить тебя с тем, что ты знаешь, как тратить родительские деньги? - смеясь, спрашиваю я.

Она наклоняется ближе.

- Очень мило, что ты считаешь меня богатенькой дурочкой, но я дурочка не больше, чем ты, тупоголовый лесоруб.

- Рыбак.

- Что?

- Я рыбак, Харлоу.

Она облизывает губы и рычит.

- Какая. К черту. Разница. Да, моя работа не такая гламурная, но я прекрасно с ней справляюсь. Да я, блин, лучше всех подаю кофе.

Я начинаю хохотать.

- Ты неподражаема.

- А ты горячая задница.

Я откидываюсь на стуле, покачиваясь на двух ножках, и вижу, как она наблюдает за мной. Она, без сомнения, самая сексуальная из всех знакомых мне девушек. И, к моему удивлению, возможно, и самая умная.

- Ага, я знаю.

- Так что насчет тебя? У тебя есть родственники? Братья, да?

Я киваю, беру стакан и делаю глоток пива.

- Колтон и Леви.

- И вы, ребята, работаете вместе?

- Ага, плюс еще папа. У него был сердечный приступ и инсульт пару лет назад, так что он мало работает, не то что раньше, но он всегда рядом.

- А мама?

Я качаю головой.

- Мама умерла от рака груди, когда мне было двенадцать.

Я вижу, как меняется ее лицо, улыбка исчезает, и она берет трясущимися руками свой стакан с чаем и делает глоток, перед тем как сказать:

- Финн, боже, я не... - она покачивает головой, делает глубокий вдох и закрывает глаза. - Это

такое горе.

Что еще можно сказать в такой ситуации, кроме как:

- Да. Это было давно.

Она отворачивается от меня, и впервые я замечаю, что она выглядит обессиленной.

- Ну и что же ты как усердно изучала? Штудировала просторы Фэйсбука в свой выходной?

Я уверен, что она хотела съязвить мне в ответ, но ее выражение лица смягчается, и она говорит:

- Так, искала кое-что.

- Модные новинки обувных коллекций?

- Да, что-нибудь из них.

Ого, а Харлоу совсем не умеет врать. Но если она не хочет рассказывать, я не буду настаивать. В любом случае я тоже не горю желанием выкладывать свои секреты.

- Давай.

Она смотрит на меня с изумлением, приподнимая брови. Я встаю и протягиваю ей руку.

- Пойдем.

Как и следовало ожидать, мы вваливаемся к Оливеру, руки в волосах друг друга, губы повсюду. Ее тело такое теплое, кожа мягкая, и она охрененно пахнет.

Харлоу сегодня во главе, она ведет меня по коридору прямо в мою комнату.

- Оливер? - кричит она, отстраняясь, так чтобы можно было оглядеться и прислушаться к звукам в пустом доме. Ее губы выглядят покусанными, щеки розовые. Ее волосы выбились из прически, и небольшие прядки спадают на ее лицо и плечи.

- Его нет дома, - говорю я и притягиваю ее для поцелуя. Наши ноги заплетаются на деревянном полу, и мне интересно, хватит ли мне времени трахнуть ее прямо здесь, перегнув через диван, или чтобы ее руки упирались в стену, а крики разносились бы по всей комнате. - Я не уверен, когда он вернется, но, как думаешь, мы сможем сделать это по-быстренькому? - я кружу пальцем вокруг ее соска, и она стонет.

- М-м-м, я пришла сюда не для того чтобы все сделать по-быстрому.

Кстати, я тоже. И я уже начинаю сожалеть, что мы не поехали к ней. Там-то мы точно могли не торопиться и заниматься этим целый день.

Мы заходим ко мне, и я закрываю дверь на замок.

- На кровать, - говорю я.

Харлоу разрывает поцелуй и – к моему удивлению – делает все, как я сказал, эффектно снимает обувь и забирается на матрас. Я пересекаю комнату и встаю над ней, наши взгляды встречаются, когда я расстегиваю ремень.

- Раздевайся.

Харлоу кивает, и мы оба начинаем раздеваться: сначала рубашки, потом ее лифчик, мои джинсы. Она раздевается медленно, но не показательно, а словно понимает, что мой взгляд блуждает по каждой оголяемой части ее тела, и она пытается продлить это. Ее сиськи просто бесподобны, упругие и полные – и умещаются в моей руке, а руки у меня большие – с твердыми розовыми сосками, которые заставляют мой рот наполниться слюной. Она ложится на спину, чтобы снять юбку, я шагаю ближе и стягиваю ее вниз по ногам.

- Интересно, а как ты будешь выглядеть со связанными и подвешенными лодыжками, – говорю я, кладу ее ноги себе на плечи и начинаю целовать ее икры. Я хочу этого, но не сейчас, Оливер может вернуться в любую минуту, но я хочу ее немного подразнить, так, чтобы мы оба дико завелись. Но она вспоминает последний раз, и моего предложения достаточно, чтобы глаза Харлоу округлились, а дыхание ускорилося.

Держа одну руку у ее головы, второй я тянусь между нашими телами и ныряю пальцем ей в трусики. Она всхлипывает, и я нажимаю чуть сильнее, добавляю второй и большим пальцем начинаю кружить по ее клитору.

- Смотри, какая ты влажная, – говорю я. – Мы всего лишь разделись. И я едва тебя коснулся, а ты уже голова кончить мне на руку.

Харлоу задерживает дыхание, словно пытается решить, нужно ли ей это отрицать, но продолжает покачивать бедрами, принимая большее от моих пальцев. Я целую вдоль ее ребер, поднимаюсь выше, зажимаю губами сосок, посасывая, пока он не становится мокрым и скользким. Она снова задыхается, и я покусываю, сначала легонько, а потом сильнее.

- Еще, – стонет она, и я переключаюсь на другой, посасываю, кусаю. Я не хочу сделать ей больно – это все не для этого – но мне хочется, чтобы она потом это чувствовала. Эти маленькие постоянные покалывания, которые будут заставить ее врасплох. – Финн, *еще*.

- Перевернись, – говорю я и хватаю ее за бедра, помогая лечь на живот. Ее кружевные трусики просто крохотные, и я стягиваю их вниз, снимая полностью и оставляя ее полностью обнаженной передо мной.

- Блять. Твоя попка, – говорю я и сжимаю ее, уже не зная, куда смотреть. Я прижимаю ее крепче, немного грубо провожу по ней рукой, снова и снова подготавливаю к тому, что будет позже. – По-моему, у меня были на нее свои планы.

Все ее тело напрягается, практически дрожит, каждая мышца натянута в ожидании. Мне нравятся мои руки на ее бедрах и на ее копчике, я провожу ногтями по ее коже. Она издает маленькие звуки, и я слышу каждый ее вдох, как она старается их контролировать, явно ощущая себя немного не уверенно.

- Кто-нибудь шлепал тебя по попке, Имбирная Печенька?

Она качает головой возле моей подушки, и ее темно-рыжие волосы рассыпаются по спине.

- Только ты.

Я стараюсь не обращать внимание на накативший приступ гордости и пытаюсь успокоить растекающееся внизу живота тепло.

- А ты хочешь этого? - спрашиваю я.

Она кивает, но я хочу не этого, и я заносу руку и делаю легкий шлепок по ее заднице, чтобы привлечь ее внимание.

- Скажи мне, Харлоу.

- Д-да, - говорит она. - Да.

Я делаю это снова, моя рука соприкасается с ее кожей, но немного сильнее на этот раз. Харлоу вздыхает, сжимая руками простыни, и подставляет мне попку. Она хочет большего.

- Я же говорил, что дам тебе все, о чем ты меня попросишь? - говорю я и шлепаю по другой стороне. Звуки, которые она издает теперь, намного громче, более отчаянные. Я шлепаю ее еще несколько раз, пока ее кожа не нагревается и не розовеет, и она стонет, когда я поглаживаю кожу рукой. Интересно, она думала об этом раньше, представляла, как сильно ей это понравится?

Несомненно, Харлоу Вега получает удовольствие от небольшого рукоприкладства, хотя мне хочется думать, что это из-за меня. Есть в этом что-то горячее, что она мне это позволяет. Она знает, что может в любой момент вернуть себе контроль, но мне кажется, она этого не хочет. Я чувствую, что, возможно, именно сейчас ей хочется, чтобы ею управляли.

От десяти шлепков Харлоу становится невероятно мокрой, а я твердым, как никогда раньше. Ее рука исчезает у нее между ног, пальчиками поглаживая скользкую кожу.

- Тебе это нравится, - говорю я. - Я чувствую это, - я наклоняюсь ближе, трогаю там, где она только что прикасалась. Мои пальцы прижимаются рядом с ее, и *блять*... Мне срочно нужен презерватив.

Я встаю и тянусь к коробке, которая лежит в ящике комода. Харлоу переворачивается на спину и наблюдает, как я раскатываю презерватив по члену.

Я ложусь сверху, поднимаю ее руки и помогаю ей схватиться за изголовье кровати.

- Держи их здесь, хорошо?

Она кивает, и я вижу, как она усилила хватку, что даже костяшки побелели.

Я прижимаю головку члена к ней, двигая туда-сюда, перед тем, как начинаю входить.

- Ты сможешь быть тихой? - спрашиваю я, видя ее замершее выражение лица, когда я продолжаю двигаться. - Скоро может прийти Оливер. Тебе нужно быть тихой, ладно?

Она смотрит на свое тело, туда, где мои ладони скользят по ней, и кивает.

Я беру подушку рядом с ее головой, приподнимаю ее бедра и подкладываю ей под попку.

- Вот так, - я погружаюсь глубже и глубже и наблюдаю, как я полностью исчезаю в ней.

Она прикусывает нижнюю губу и тихонько стонет. Я слегка шикаю на неё.

- Ты так хорошо смотришься, - говорю ей, глядя, как покачивается ее грудь при каждом моем толчке. Кладу руку ей на грудь, прижимаю ее сильнее и люблюсь, как моя кожа сочетается с ее: грубая и загорелая моя и мягкая и золотистая ее. Я слышу, как шумит двигатель, и узнаю машину Оливера, он подъезжает и паркуется.

Маленькие стоны Харлоу слишком громкие, поэтому я дотягиваюсь до лежащих у ее бедра трусиков, сминаю их в руке, целую ее в губы и засовываю их ей в рот.

Ее глаза закрываются, будто она *признательна* мне за это, и она стонет - этого достаточно, чтобы я едва не кончил.

- Я же сказал, тихо, Имбирная Печенька, - я раздвигаю ее ноги еще шире. Поднимаю ее бедра повыше, так чтобы я не терся о ее клитор, пока я ее трахаю. И снова она стонет, эти глубокие отчаянные звуки заставляют меня трахать ее еще сильнее, чтобы она продолжала так стонать.

- Тебе определенно это нравится, - шепчу я ей на ушко. - Я уверен, ты думаешь, что позже я не смогу перестать об этом думать, каким мокрым мой член становится от тебя, - я посасываю ее шею, но бережно, чтобы кожа покраснела, но следов не осталось. - А ты знаешь, что мне тоже это нравится? Я чуть не кончил раньше времени.

Она стонет сквозь ткань и прижимает свои колени к моей талии, чтобы я стал еще ближе и глубже в ней.

- Интересно, смогу ли я увлажнить тебя еще больше? Может, посмотрим, сможешь ли ты сильнее намочнуть, когда будешь кончать?

Она кивает еще сильнее.

Я слышу, что Оливер уже во дворе, смеется и что-то кричит соседям. Я поднимаю ногу Харлоу повыше и, дотягиваясь, снова шлепаю ее по попке. Он кричит и сжимается вокруг меня. Ее кожа горит, соски твердеют, и она покрывается мурашками по всему телу.

- Он войдет в любую секунду. Как ты думаешь, сможешь оставаться тихой? Я сделаю тебе так хорошо, если у тебя получится.

Она кивает, и я трахаю ее сильнее, мои руки дрожат, шея уже затекла от напряжения, когда я сдерживаюсь, чтобы не кончить. И вот я вижу этот момент: как глаза Харлоу округляются, потом закрываются, и по щеке стекает слезинка, когда она сдерживается, чтобы не произнести ни звука.

Этого достаточно, чтобы я последовал за ней. Я наклоняюсь, почти ложусь на нее, когда толкаюсь в нее последний раз и кончаю, стараясь, заглушить свои звуки у ее кожи.

Когда я наконец могу двигаться и когда мое сердце перестает грохотать, будто готово вырваться из груди, я отталкиваюсь, осторожно выхожу из нее и снимаю презерватив. Я обнимаю ее, целую ее пальчики, запястья, уголки рта.

- Ты справилась, - я прижимаюсь губами к ее плечу, провожу носом по ее шее и рычу ей в ухо.
- Это было охуенно прекрасно, сладенькая.

Глава 5

ХАРЛОУ

Даже не могу представить, как я бы себя чувствовала, если три дня назад мне удалили грудь, такую важную часть моего тела. Но, наверное, я вела бы себя так же, как и моя мама, начиная с понедельника: спала и плакала. И никто из нас ничем – *буквально* – не может ей помочь. Мама никогда не была тщеславной, но очевидно, что ее карьера зависит от того, как она выглядит. Даже в свои сорок пять лет она без проблем могла показаться в бикини, если того требовала роль. Конечно, все журналы восхищались ее силой и храбростью, но она сильно сожалела, что теперь лишилась своей пары, надо признать, шикарных сисек. К тому же она долго и болезненно восстанавливается после операции.

Из больницы ее выписали в среду утром, и папа, Беллами и я большую часть времени проводили возле ее кровати, смотря повторы «Закона и Порядок» [8], пока она спит. К обеду четверга все мы были уставшие, невымытые и озлобленные друг на друга.

Теперь-то я знаю, что бы с нами случилось, окажись мы запертыми в каком-нибудь бомбоубежище: мы поубивали бы друг друга. Папа бесился от постоянно трезвонящего телефона Беллами. Беллами жаловалась, что в комнате очень душно. А мама заявила:

- Извини, конечно, милая, но если ты еще хоть раз предложишь мне поесть, то я запущу пультом от телевизора тебе в голову.

Для семьи, в которой обычно никто не ругается, сейчас мы слишком вспыльчивые.

Наконец папа выводит нас обоих в коридор.

- Девочки, я вас люблю, – говорит он и кладет руки нам на плечи. – Но, пожалуйста, выметайтесь из дома. Вернитесь на пару дней к своей жизни. Я позвоню, если понадобится.

Проблема в том, что это не так легко. Еще после разговора с Финном во вторник во мне засело болезненное надоедливое чувство, что моя мама может умереть. Я ни с кем не могу это обсуждать, а даже если бы и могла, то озвучив, допустила бы саму возможность этой мысли и – что хуже – реальность. У меня было слишком много времени для размышлений. Моя работа на полставки не особо меня загружала. Я могла бы бегать или проводить кучу времени на пляже, ведь большинство моих друзей были весь день заняты. Все, кроме Финна.

Когда Беллами уехала, я осталась стоять у дороги возле родительского дома и все пыталась взять себя в руки, буквально собраться по кусочкам. И вот я выпрямляю спину. Собираю все еще мокрые волосы в небрежный пучок. Разглаживаю руками футболку и джинсы. Надеваю фирменную улыбочку. Готова.

Я зову всех встретиться в кафе у Фреда, и без каких-либо возражений.

- Я не могу, – отвечает Лола, и я слышу громкий лязг на заднем фоне. – Сегодня не получится. Мне нужно закончить работу с панно. А Миа останется дома с Анселем, потому что он завтра улетает на несколько недель.

- Я едва могу это пережить это дерьмо, Лорелей Луиза Кастрл.

- Ого, ты собираешься называть меня полным именем?

- Я не расчесала волосы после душа, на мне старая футболка Беллами с рисунком Hello Kitty, потому что я забыла всю одежду дома, а наш Латино-машина любви... - девочки знают, что я так называю папу, - вышвырнул меня из дома. Так что тащи свою задницу в «Царскую гончую». [9]

Она вздыхает.

- Хорошо.

Фред Фёрли открыл свой бар «У Фреда» в 1969 году, когда ему было всего двадцать семь. Сейчас ему семьдесят два, он был женат и разведен шесть раз, любит мою маму почти так же, как мой папа. Здесь я отмечала свой двадцать первый день рождения, и мистер Фёрли разрешил выпить всего две стопки. Я возвращалась тогда домой одна и единственная трезвая. Он померил свой характер, но все еще любит играть роль моего отца, из-за чего, вероятно, мне очень комфортно тут бывать. К тому же, лучше собраться здесь, чем в кофейне - из-за выпивки, конечно же.

вернуться

8

Law & Order - американский полицейский и юридический телесериал

вернуться

9

Regal Beagle - бар в Сан-Диего, похожий на английский паб, где подают эль и сосиски

У него ушло семь лет, чтобы понять, почему мой папа его бар называет Царская гончая, но название прижилось, хотя мистер Фёрли и не выглядит, как аристократ. Он спокойный, загорелый, подтянутый и всегда дает мне то, что нужно.

А сегодня как раз тематическая ночь для девочек.

Ансель и Миа по дороге подхватили Лолу и Финна и приехали почти в одно время с НеДжо, который припарковал свой скутер с другой стороны здания.

- А где Оллс, Олли, Олзифер? - с глупой улыбкой спрашиваю я.

Лола чуть отходит, оглядывая меня.

- Ты что, уже пьяная?

- Нет. Просто... Настроение странное, - и это правда. Я была немного выбитой из колеи, словно перестань я двигаться, и тут же рассыплюсь или растекусь лужицей масла по всей улице. - Хотя мне, наверное, *лучше* напиться.

- Оливер приедет сюда сам, - говорит Ансель. Он единственный, кто не смотрит на меня так, словно мои волосы горят, а в руках я держу взрывчатку.

Финн наблюдает за мной, его глаза спрятаны под козырьком бейсболки.

- Ты в порядке, Имбирная печенька?

Я киваю:

- Нет, - я беру его за руку, пользуясь возможностью ухватиться за его упругие горячие бицепсы. - Или да? Не знаю, день сегодня странный.

- Ага, это я уже слышал, - говорит он и провожает меня внутрь.

Мистер Фёрли делал ремонт пару лет назад, но по настоянию моей мамы оставил почти все без изменения, только поставил новые столы, стулья, немного подкрасил и поменял полы. Как я говорила, Фред любит мою маму. Но главный плюс этого заведения в том, что у нас есть свой диванчик в углу, и там постоянно стоит табличка «Забронировано», даже когда нас нет. Конечно, бар редко бывает заполненным, чтобы народ претендовал на наш столик, но все же это позволяет почувствовать себя по-настоящему крутыми.

Мы приветствуем Мистера Фёрли, заказываем напитки и топаем к столику. Финн неуверенно следует за нами.

- По-моему, это похоже на традицию, - говорит он, решив облокотиться на спинку дивана, а не садиться рядом со мной.

- Ты пробудешь тут достаточно долго и поймешь принцип. Он не совсем простой, - я начинаю загибать пальцы, пошагово объясняя: - Ты идешь к бару. Заказываешь у Фреда любой напиток. А затем возвращаешься к столику.

Он медленно кивает.

- Подошел, заказал, ушел.

- Хороший мальчик, все понял.

Финн меня немного удивляет, когда касается большим и указательным пальцами моего подбородка и с нежностью смотрит на меня, прежде чем повернуться к Анселю.

Вот нам приносят напитки, и все решают заказать что-нибудь из еды, а мы с Лолой немного болтаем. Она недавно подписала контракт с фирмой Dark Horse на серию комиксов, и моя первая реакция до изучения гугла была: «О-о, я так рада за тебя».

После того как погуглила, мне захотелось себя ударить. Все это произошло сразу после нашего возвращения из Вегаса, и мне все еще трудно принять все эти изменения. За пару месяцев она стала популярной, раздавала интервью, посетила несколько небольших магазинчиков, и, наконец, ее детище, Рыбка Рэйзор (она рисовала этот персонаж с тех самых пор, как начала держать карандаш), выйдет в свет.

Пока мы разговариваем, возвращается Финн, снова облокачивается на спинку дивана и ждет, когда мы закончим.

Я смотрю на него через плечо.

- У тебя пустой стакан.

Он покачивает своим стаканом, глядя на жидкость со льдом.

- Нет, у меня еще есть немного.

- Ой, значит у меня пустой, - протягиваю свой и смотрю самым невинным взглядом.

Он смеется и берет его.

- Скажи, чтобы записали на мой счет, - кричу ему, когда он подходит к бару.

Он посылает мне хулиганистый взгляд через плечо.

- Я понял.

- Полегче, Госпожа Вега, - приподнимая бровь, говорит Лола.

- Тебя зовут Харлоу Вега? - спрашивает НеДжо, изогнув светлые брови.

Я киваю, закидываю оливку себе рот и повторяю:

- Харлоу Вега.

- А твои родители вообще хотели, чтобы ты училась в колледже, или решили, ты сразу пойдешь к шесту?

Я щелкаю языком и облизываю пальцы.

- Аккуратней, НеДжо, а то стояк уже виден.

- О! - НеДжо поворачивается к Лоле. - Кстати о стояках. Я так хочу, чтобы твою книгу напечатали и чтобы она продавалась с бешеной скоростью. Тогда на Comic Con [легендарный международный фестиваль, проходящий в Сан-Диего с 1970г., на котором представлены новинки поп-культуры: комиксы, научно-популярная литература, фэнтези, анимэ, видеоигры и т.д. - прим. редактора] будет что-то невероятное. Ты была бы цыпочка-автор, в сексуальной маске и костюме из спан...

- Ты что, под *кайфом*? - спрашивает Лола.

Понимая, что вопрос чисто риторический, тем не менее, НеДжо отвечает:

- Вообще-то да.

- Я не собираюсь демонстрировать глубокую глотку на корн-догах [10], облизываться с сисястыми девчонками в костюмах женщины-кошки, просто чтобы показать, что могу повеселиться с любителями комиксов.

Именно в тот момент к столику подходит Оливер, он выглядит ошеломленным с округленными глазами за его очками с широкой оправой. Он пристально смотрит на нее, но потом его взгляд смягчается и становится очень похожим на восхищение. Его реакция наталкивает меня на мысль. Наш тихий и милый Оливер увлечен *Лолой*? Я смотрю на Миа и понимаю, что ей в голову пришла точно такая же идея. Богом клянусь, если бы моя голова не была забита проблемами, я уже давно бы свела этих двоих вместе.

- А ты позволишь приударить за собой *парню* любителю комиксов в костюме женщины-кошки,

умеющему заглатывающей корн-доги? – спрашивает ее Ансель, кивком показывая на Оливера.
– Ну так, чисто теоретически.

– Предположу, что фанаты будут ошеломлены, независимо от того... – парирует Оливер, собираясь с мыслями, – глубоко ли в горле корн-доги или нет.

Миа морщит носик и покачивает головой, глядя на Олиера. Они практически никогда не может понять его австралийский акцент, и это забавно, ведь она замужем за парнем, у кого английский язык не родной.

– Фанаты будут рады, не смотря ни на что, – переводит для нее Лола.

Я вспоминаю тот первый вечер, когда мы зависали с Оливером. Миа как раз исчезла с Анселем в коридоре, и мы с Лолой остались с двумя пьяными незнакомцами. Внимательно его рассмотрев, мы поняли, что у Оливера на щеке несмывающимся маркером нарисован цветок.

– Любопытно узнать про цветочек, – сказала Лола, когда он подсел к ней поближе. На нем, как всегда, были его очки, черные прямые джинсы и футболка. Я была почти уверена, что это не татуировка... Почти.

– Простое, – загадочно ответил он и замолчал. Через пару секунд до меня дошло, что он сказал «Проспорил».

– Хочу подробности, – сказала Лола.

И Финн с удовольствием все рассказал. Оказывается, они только что закончили свой велопробег по Штатам, во время подобного и познакомились шесть лет назад.

– Спор был такой: у кого будут самые стертые шины, тот и получает рисунок перманентным маркером на лице. А Оливер не мог удержаться и использовал свой велик как горный. Я вообще удивлен, что они не превратились в месиво.

Оливер пожал плечами и стало ясно, что его абсолютно не беспокоил этот цветок на лице. Он тут был определенно не с целью кого-то впечатлить.

– Тебя все называют Олли? – спросила Лола.

Оливер посмотрел на нее в шоке от того, что это может быть его именем. С таким же успехом она могла спросить, не называют ли его Гартом, Эндрю или Тимоти.

– Нет, – категорично ответил он, и самое очаровательное, что его акцент слышался даже в одном слогге. Лола вскинула бровь – этот жест говорил о ее легком раздражении – и продолжила пить свой переливающий огоньками коктейль.

Лола почти всегда в черном, включая черные блестящие волосы и камушек пирсинга на губе. Но все же она никогда полностью не проявляла физическую агрессию и не подходила для «Бунтарских девчонок». С ее идеальной фарфоровой кожей и, пожалуй, самыми длинными ресницами в мире, она была очень деликатной. Но уж если она решила, что ты мудака, ей не важно, что ты об этом думаешь. Она начнет издеваться.

вернуться

corn dog - сосиска в тесте из кукурузной муки, зажаренная в горячем масле

- А цветочек тебе идет, - она наклонила голову, изучая его. - И у тебя красивые руки, кажутся такими мягкими. Может, нам стоит называть тебя Оливка.

У него вырвался смешок.

- А еще действительно красивый рот, - добавила я. - Нежный, как у женщины.

- Ой, да отъебитесь вы! - засмеялся он.

И вот так от незнакомцев мы перешли к пьяным лучшим друзьям, а под конец вечера превратились в супружеские пары. Но, в отличие от нас, Лола и Оливер не закрепили сексом свой брак. Лола была уверена, что Оливер в этом не заинтересован.

А теперь я понимаю, что она ошибалась.

- А где Финн? - спрашивает Оливер, усаживаясь на диван. - Привет, Джо. - обратился он к НеДжо.

- Обслуживает мисс Харлоу, - говорю я.

Он смотрит на меня с изумлением.

- Пошел за напитком для Харлоу, - снова переводит Лола.

Оливер кивает, смотрит на бар, а потом на меня.

- Будь милой с моим мальчиком, - подмигивает он мне, но по его тону я понимаю, что он не шутит.

- Потому что он неженка? Я тебя умоляю, - глумлюсь я. - Я всего лишь использую его огромный член и поразительное умение обращаться с веревкой. Не волнуйся о его задетых чувствах.

Закрывая руками лицо, Оливер стонет.

- Это больше, чем мне положено знать, - заявляет он, и как раз в тот же момент Лола кричит: «Слишком много информации!»

- Будешь знать, как меня поучать, - с ухмылкой отвечаю я. - Как дела в магазине?

- Хорошо. Много работы. Надеюсь, так будет и дальше.

Я вижу, как Миа наклоняется к Анселю, пока он, смеясь, медленно повторяет сказанное Оливером.

- Мне что, нужно говорить помедленнее, Ми-и-а-а-а? - спрашивает Оливер, изображая американский акцент.

- Да! - кричит она.

- А как зона для чтения? - спрашивая я. - Помогает привлечь новых покупателей?

- Кажется, да, - говорит он и ворует нетронутую бутылку пива у Миа. - Остается только узнать, кто из них станет постоянным покупателем.

- Так, скажи мне, друг, а ты уже кого-нибудь поймел после закрытия? - подперев руками подбородок, спрашиваю я.

Он смеется, покачивая головой.

- Знаешь, окно в магазине мало что скрывает, поэтому пока никак.

- Некоторым девушкам именно такое и нравится.

Он пожимает плечами и, ухмыляясь, опускает взгляд на пробку в своих руках, не глядя при этом на Лолу.

Нет, я точно сломаю этого парнишку, даже если мне будет плохо.

- Я думаю, первый магазинный перепахон Оливера будет у него в подсобке, - присоединяется Ансель, и - *ох!* - я *обожаю* этого парня.

Миа облакачивается на Анселя, и он наклоняется сказать ей что-то на ушко. Ее счастье - это лучшее отвлечение от моих забот. Хотя, может быть, помогает и алкоголь. Я так рада, что ее парень здесь больше чем на полтора дня. Он старается приезжать каждые две недели, но каждый раз у нас смешанные чувства - головокружительная радость от его приезда и вечный страх перед отъездом.

- А вы, ребята, так хорошо смотрите вместе, - говорю я и наклоняюсь поцеловать Миа в щеку.

- Представь только, как мы смотримся, когда занимаемся сексом, - кричит через весь стол Ансель. - Просто нереально!

Я сминаю салфетку и бросаю в него.

- Нет уж, спасибо.

- Это моя суперсила.

- А тогда какая моя? - спрашиваю я.

Ансель складывает руки у рта, чтобы перекричать музыку:

- Напиваться?

Он показывает на принесенную Финном стопку. За исключением нашей дикой ночки у Лолы и Лондон и захватывающего дух пьянства в Вегасе, я редко пью больше пары коктейлей. Но, думаю, Ансель прав: уж если я начала, меня не остановить. Я осушаю свою стопку, чувствуя, как сладость, тепло и алкоголь растекаются в моем желудке.

Я громко рычу, встаю из-за стола и объявляю:

- Я напилась и иду танцевать, - указывая на Финна, говорю: - Ты. За мной.

Он отрицательно качает головой.

- Ой, да ладно, - вздыхаю я и пробегаюсь руками по его груди. Господи, до чего же приятно - он такой крепкий и твердый, мышцы напрягаются от моих прикосновений, и я чувствую, что уже завожусь.

Вечер четверга у Фреда - это вечер для девочек, поэтому играет клубная музыка, чтобы дамы могли потанцевать. И вот я пьяная. А Пьяная Я живет без проблем. Трезвая Харлоу может быть слишком гордой, чтобы умолять, и вести себя, как капризная девочка. Но добавьте в нее немного алкоголя - и начинается шоу.

- Ну *пожалуйста*, - шепчу я и поднимаюсь на носочки, чтобы целовать его шею. - Пожалуйста, красавчик, потом получишь Харлоу голой.

- Она что, всегда такая? - спрашивает Финн у девочек, не отводя от меня взгляда.

Он смотрит на мой рот, словно готов перекинуть меня через плечо и пройти так все пять миль до дома Оливера.

- Почти с каждым встречным чертовым парнем, - врет ему Лола. - Я уже устала забирать ее из паршивых мотелей в Тихуане [11].

Финн хмурит брови. Я начинаю царапать ногтями его грудь именно так, как ему нравится. И чувствую, как он вздрагивает от моих прикосновений. Он отворачивается и смотрит на танцпол.

- Ну, тогда я уверен, что найдется другой парень, желающий с тобой потанцевать.

Я изучаю его немного и надеюсь, что мое разочарование на лице не такое явное.

- Конечно, найдется.

Я жестом зову Миа, а она тянет за собой Ансея. Мы втроем идем на по большей части пустующий танцпол, где - несмотря на предположение Финна - танцует всего пара людей: пожилая пара в медленном ритме под быструю музыку и группа девчонок, чьи документы срочно нужно проверить.

Мне все нравится в этом баре: теплые замшевые сиденья, интересные люстры, но больше всего я люблю здешнюю музыку. Когда мы выходим, диджей - и по совместительству недавно переехавший сюда двадцати однолетний внук Фреда Кайл - включает песню с тяжелыми басами и кивает мне.

Я могу танцевать и одна, мне нужно только двигаться. Я поднимаю руки вверх, покачиваюсь в ритме и закрываю глаза. Я чертовски обожаю эту песню, этот пульсирующий бас и откровенно сексуальный текст. Ансель и Миа пытаются танцевать, окружив меня, но, думаю, они понимают, что мне все равно - одна я или с кем-то. Поэтому они поворачиваются и танцуют вместе, прижавшись бедрами, размахивая руками и улыбаясь.

Боже, они и правда замечательная пара. Конечно, Миа изумительная танцовщица, она словно рождена для этого, а Ансель прекрасно владеет каждой клеточкой своего тела. Я довольная, но в то же время несчастная. На самом деле, я не несчастна. У меня легкая, дикая и насыщенная приключениями жизнь. Но почему мне кажется, что моя грудь словно заполнена ледяной водой?

Теплые руки движутся по моим бедрам к животу и прижимают к сильному твердому телу за

мной.

- Привет, - тихо выдыхает Финн.

Он словно выдергивает пробку, холод из-под ребер уходит, и я окружена только его нереальным теплом. Он прижимается ко мне, едва двигаясь под музыку. Я разворачиваюсь в его руках и начинаю танцевать около него, позволяя держать меня. И я ощущаю просто первобытное желание секса. Соединиться. Ощутить его внутри себя.

- Ты меня с ума сводишь, вот так танцуя, - он наклоняется, прикасаясь губами к уху. - Господи, ты прекрасно выглядишь.

Я дотягиваюсь до его уха губами, и мой голос немного срывается:

- Поехали ко мне.

Как хорошо, что Финн трезвый и может вести мою машину. Я показываю, куда ехать, и мы молча смотрим на дорогу. Я рада, что мы не разговариваем. Это бы отвлекло меня от ощущений, что дарит его рука на моей ноге - основание его ладони лежит на бедре, а пальцы гуляют по самой нежной и чувствительной внутренней стороне. Такое чувство, словно он бросил свой якорь, и я замерла.

- Ты в порядке, Имбирная Печенька?

Мне нравится, когда он так меня называет, словно только у него есть на это право.

Я киваю.

- Все хорошо, только...

- Переживаешь кризис четверти жизни? - он улыбается, но не насмешливо. Видимо, я выгляжу такой же отчаянно желающей отвлечься, как и чувствую себя.

вернуться

11

Tijuana - город на северо-западе Мексики, расположенный на границе с США, рядом с американским Сан-Диего

- Ага.

- Мне бы не хотелось, чтобы это прозвучало... - он убирает от меня руку, чтобы провести ею по своему лицу, оставляя на коже моего бедра призрачный след от каждого пальца. Но когда рука возвращается на место, я снова могу дышать. - Я не хочу, чтобы это звучало снисходительно. Помню, как и сам бесился, когда мне было чуть за двадцать, и хотел, чтобы все было понятней.

Я киваю, боясь заговорить, ведь тогда мой голос выдаст все мои эмоции.

- Как раз в это время папа и Колт уговорили меня принять участие в велопробеге.

- Ты рад, что послушал их?

Он молча кивает, и я указываю на поворот направо, вдоль по Eads Avenue. Мы находим место перед моим домом, и он заглушает двигатель.

- Ага, - глядя на меня, говорит он и протягивает мне ключи. - Я рад. Но жизнь всегда сложная штука. С возрастом просто смотришь на все по-другому.

Он идет за мной до лифта по коридору, приподнимая брови, но ничего не говоря. Держит руки глубоко в карманах джинсов, бейсболка низко натянута на глаза.

- Ты сильно пьяная?

Я пожимаю плечами.

- Достаточно.

Я вижу, что ему не нравится мой ответ, но он по-прежнему молчит, заходит со мной в лифт и наблюдает, когда я нажимаю кнопку четвертого этажа.

- То, что мы идем ко мне - это ничего не значит, - говорю я. - Мы могли бы поехать к Оливеру, сюда просто ближе.

Он игнорирует мои слова.

- Ты же живешь одна, да?

- Да.

- Тебе понравилось, чем мы с тобой тогда занимались?

- Когда именно? - я прислоняюсь к стене лифта и могу поклясться, что чувствую тепло его тела даже на расстоянии. - С веревкой или без?

Облизывая губы, он улыбается.

- Оба раза. Но я спрашиваю про веревку.

- А почему спрашиваешь?

Двери лифта открываются, и он пропускает меня первой. Стоя сзади, он начинает объяснять.

- Давно не делал этого с девушками, - я хотела было ответить, меня просто распирало от любопытства и от желания, чтобы он *пояснил*, но он продолжает: - А ты после этого так быстро убежала... что мне сложно было понять.

- Боже мой, Финн, - я останавливаюсь около двери и поворачиваюсь к нему. - У нас просто интрижка, верно? Тут нечего понимать.

Я хотела произнести это весело и легкомысленно, но вместо этого мой пьяный голос звучит медленно и невнятно. Он хмурится, забирает у меня ключи и открывает дверь ко мне в квартиру.

Войдя внутрь, Финн кладет ключи на столик у двери и оглядывается. У меня двухкомнатная комнатная квартира с большим балконом и видом на городские кварталы и океан.

- Ого, - тихо говорит он. - Неплохая инвестиция.

Я смеюсь и подталкиваю его сзади в плечо, чтобы он проходил в гостиную.

- Можно, я кое-что у тебя спрошу, и прости, если буду выглядеть полным мудаком, - предупреждает он, оглядываясь через плечо.

- Только *один* вопрос.

С легкой ухмылкой он спрашивает:

- Скажи, каково это - расти и не задумываться о деньгах?

Я улыбаюсь Финну и позволяю ему самому осмыслить только что сказанное. Потому что... он серьезно?

- А почему ты думаешь, у нас всегда было много денег?

Пробежавшись взглядом по квартире, он выразительно смотрит на меня.

- Когда мама только начинала работать на телевидении, я помню, как родители едва сводили концы с концами, - говорю я ему. - Она много работала, а папа снимал малобюджетные фильмы практически на заднем дворе у своих друзей. Нам стало полегче, когда я перешла в старшие классы, - глядя на него, я пожимаю плечами. - Когда папа получил свой первый Оскар, стало лучше, но разбогатели мы, только когда я уже училась в колледже.

Он кивает, и повисает немая пауза, но затем он нарушает молчание:

- Я хочу воспользоваться твоим туалетом, - он выглядывает в коридор, потом осматривает меня с головы до пят. - А ты, пожалуйста, выпей большой стакан воды, съешь кусочек тоста и выпей пару таблеток ибупрофена или еще чего-нибудь. Я не собираюсь трахать тебя, пока ты не придешь в себя.

Не дождавшись моей реакции на свой властный тон, он разворачивается, идет по коридору, заглядывает в ванную и с тихим щелчком закрывает дверь. Это хорошая мысль, и не потому что Финн мне так сказал, я и сама хочу немного успокоиться, поэтому иду на кухню в поисках воды, еды и ибупрофена.

Я слышу, как открывается дверь ванной, и он кричит:

- А где ты хранишь спортивные принадлежности или всякую хрень для серфинга?

- Мои что? - с набитым ртом спрашиваю я.

- Я не про доску спрашиваю, - я слышу, как он шарит по шкафам в прихожей и бормочет: - А, все, нашел.

Я залпом допиваю воду и смотрю, как он идет по коридору. Мое сердце замирает. Он стоит в дверном проеме, и я чувствую себя странно, немного напуганной. И особенно странно, что мне это нравится. Мне нравится мысль, что он такой - немного пугающий, не поддающийся влиянию. Нравится, что он может ворваться в мою жизнь, вытесняя из нее все остальное.

Он держит в руках моток эластичного шнура.

- И откуда мне было знать, что ты искал именно это? - спрашиваю я.

- Могла бы догадаться, я ведь намекал про тот раз с веревкой, - он берет меня под руку и ведет в гостиную. Я немного спотыкаюсь, и он смотрит на меня, снимает свою бейсболку, взъерошив волосы другой рукой. - Надеюсь, ты не забудешь об этом.

Меня беспокоит воздействие его голоса. Он хриплый и напоминает мне дорогое виски, что стекает по горлу и горячит кровь. Думаю, что больше не могу притворяться: я полностью одержима Финном Робертсом.

- Я постараюсь, - шепчу я, приподнимаясь на носочках и целуя линию его челюсти.

- Не могу дождаться, когда ты начнешь умолять меня кончить, - он чуть приподнимает подбородок и облизывает свою нижнюю губу. - И не могу дождаться, когда ты будешь умолять меня не останавливаться.

Я мгновенно трезвею от предвкушения невероятного кайфа, когда он будет у меня внутри.

Кивком указывая на мою одежду, он бормочет:

- Сними все.

Я снимаю футболку, скидываю туфли и стягиваю джинсы. Он наблюдает за каждым моим движением, неторопливо разматывая шнур. Я купила его пару недель назад, чтобы закреплять вещи при перевозке, когда предыдущий перетерся, но блин. Такое использование тоже подойдет.

- В этот раз будет намного грубее, - говорит он, показывая на шнур, но, я надеюсь, он говорит не только о веревке, но и о том, как собирается меня трахнуть.

Я уже голая, и он подходит ближе, наклоняется и целует меня. Мне нравится его вкус - сегодня он как смесь пива и мяты; он издает довольное «М-м-м» и тихо спрашивает:

- Скажи мне, что тоже этого хочешь.

- Совершенно *точно* хочу.

Он очень осторожно обвязывает шнур вокруг моей грудной клетки, по груди и спине. Поднимает вверх по плечам и опять вниз по груди. Заводит мои руки за спину, так что я обхватываю свои локти руками, и закрепляет оставшийся шнур у позвоночника, прямо между лопатками.

Моя грудь обрисована шнуром, перекрещенном на груди, а руки закреплены сзади. И как Финн сейчас на меня смотрит...

Я ощущаю себя гребаной королевой.

Он прижимает руку к моей груди, разведя пальцы в стороны, и только сейчас я по-настоящему замечаю, какие у него большие руки. Я словно вырвана из жизни и теперь умираю от голода. Я еще ни с кем не чувствовала себя такой неуправляемой, как с ним.

Он проводит кончиком языка по моей нижней губе и, будто читая мои мысли, спрашивает:

- Тебе же нравится, когда я немного грубый, правда?

Я киваю. Я сейчас так нуждаюсь во многом. Я словно стою на краю, еще один шаг - и я получу все, чего так жажду, и он даст мне все это. Но так же знаю, что он заставит меня ждать, и это предвкушение заставляет меня дрожать.

- Ты хочешь, чтобы я был лишь немного грубым? - спрашивает он, и его руки немного дрожат, когда он прикасается к моему лицу. - Или хочешь бешеного траха?

- Бешеного.

Он глубоко выдыхает через ноздри, и воздух обжигает меня, как огонь.

Финн тянется рукой назад и снимает футболку через голову, быстро расстегивает джинсы и опускает вниз их вместе с боксерами. Он смотрит на мое лицо, грудь, изучая мою реакцию на его обнажение. Затем отступает, садится на диван и подзывает меня пальцем.

- Садись ко мне на колени.

Я подхожу к нему, сажусь, оседлав его бедра, и неустойчиво покачиваюсь, но он удерживает меня за талию.

- Тебе удобно? - с тихим хрипом спрашивает он.

Когда я киваю, он руками проводит по моим бокам и обхватывает грудь, глядя на меня, начинает сосать, лизать и поигрывать пальцами. Его язык расслабленный, дразнящий.

Мои руки связаны, и он сам немного приподнимает меня, разворачивается и ложится на диван головой на подлокотник, вытянув ноги позади меня. Финн ставит меня так, чтобы мои ноги были раскрыты над его ртом, покачивает меня и стонет, прижимаясь к моей коже. Пока лижет меня, он продолжает говорить, как ему это нравится, какая я сладкая. Я слышу, как он произносит то, что *мне* так нравится, и я уже готова кончить. Я ощущаю жар, меня колотит. Он едва двигается, просто шепчет, целует и облизывает, и это так... Достаточно только его дыхания, тепла и прикосновения языка к клитору... И меня бросает в пот от напряжения, когда я пытаюсь удержать собственное тело в вертикальном положении. Его глаза горят, руки с груди перемещаются на шнур сзади, и он притягивает меня сильнее к себе.

Я не могу схватиться за диван. Не могу ухватиться за его. И не могу сосредоточиться *ни на чем*, кроме всего этого, и это так хорошо, что я готова отпустить. Сдаться. Я извиваюсь от этого интенсивного удовольствия, широко расставив ноги и ощущая, как тело жаждет больше трения, больше влаги, больше *его самого*. Весь мой вес на его руках, и я кончаю так сильно, что мои ноги дрожат, спина резко выгибается, и я не сдерживаю крик. Может быть, это скорее визг - я не понимаю свои чувства, я взрываюсь, растекаюсь и собираюсь снова, а он все еще продолжает говорить:

Умница

Ох, блять, как хорошо

Тебе нравится?

Нравится?

Ты, как конфетка у меня во рту, блять, такая сладенькая

Мокрая и такая готовая

Хочешь, чтобы я тебя сейчас оттрахал?

Именно этот вопрос возвращает меня к действительности.

- Да, пожалуйста... сейчас.

Его руки держат меня за бедра, он поцелуями скользит по моему животу, груди, шее, пока сам поднимается и снова усаживает меня к себе на колени.

- Подожди, подожди, подожди, - рычит он, когда его член потирается у меня между ног. Я всхлипываю, хочу почувствовать его в себе, чтобы он потерял контроль и врзался в меня.

Он шепчет:

- Ш-ш-ш, я почти готов, уже почти, - Финн тянется к презервативу и разрывает упаковку. Я задыхаюсь, по шее и груди стекают капельки пота. Чувствую прохладный воздух на лбу и на животе. Я дрожу возле него, пытаюсь сосредоточиться, но это бесполезно. Финн великолепен, гладкая сильная грудь, каждая мышца напряжена, кожа влажная от пота, и он надевает презерватив.

- О боже... - задыхаюсь я, когда он целует мою грудь, посасывает сосок и стонет.

Я еще никогда не чувствовала такого отчаяния - я связана, а он такой большой и может делать все, что пожелает, но... *смотрите* - как он заботлив и сосредоточен на мне, как он заставляет меня кончать, расхваливая, говорит со мной. И у меня в голове появляется маленькое сомнение, что это не просто мой способ сбежать от реальности.

Все дело в *нем самом*.

- Скорее, - заскулила я.

Он придерживает меня рукой за бедра, берет член в другую руку и шепчет:

- Хорошо, тише, *тише*. Все, я готов, готов. Иди ко мне, сейчас.

Финн помогает мне опуститься, и вот он во мне... *О боже*. Мне кажется, прошла целая вечность, прежде чем я почувствовала всю его длину в себе. Я дрожу, дико хочется двигаться и объездить его, но он держит меня сзади одной рукой за шнур, а другой за волосы. Он глубоко, так глубоко во мне - и я могу поклясться, что чувствую его пульс и его потребность раствориться во мне.

Он стонет, слегка покачивая бедрами.

- Не произноси ни звука, - бормочет он у моей шеи. - Твои маленькие стоны могут заставить меня кончить раньше времени.

Я прикусываю губу, чтобы замолчать, и он награждает меня за это поцелуем. Он держит меня за попу и поднимает и опускает меня, а когда снова приподнимает, то удерживает на весу и начинает быстрые безжалостные толчки снизу вверх. Он все это время что-то говорит, а я даже не понимаю и половины, потому что начинаю отключаться. Я воспринимаю только звук его

голоса, его глубину и уверенность. Слова такие приятные, ведут за собой, и я теряюсь, да и черт с этим, я ничего не понимаю от удовольствия.

Это так хорошо. Так приятно.

Сейчас я могу думать только об одном, снова и снова. Он заставляет меня смотреть ему прямо в глаза, и мне кажется, я чувствую, что он хочет именно этого. Но как смотрит на меня он... Со всей силой, одержимостью, нежностью и обожанием. Я не могу отвести взгляд, да и не хочу.

Я не помню, чтобы кончала когда-нибудь так сильно, чтобы не могла понять, откуда все началось и как долго это продлится. Я стараюсь быть тихой, очень стараюсь, но с моих губ срывается крик, и я чувствую вкус крови на губах. Я сдаюсь, кричу и сопротивляюсь шнуру, словно меня разрывает на куски неистовое блаженство.

Финн рычит и двигается быстро и жестко, а когда он уже близко, натягивает узел шнура, глубоко входит и так сильно кончает, что мне кажется, я могу сломаться пополам.

Он замедляется и потом замирает, обнимает меня и тихо стонет у моей шеи с каждым выдохом: «Блять, блять, блять» – еще долго, после того как кончил. Меня обнимают его подрагивающие от напряжения руки, он мокрый от пота, и я еще никогда и ни с кем не чувствовала себя такой потрясенной.

Я понимаю, что сейчас разревусь, как раз за секунду до того как по моим щекам начинают литься слезы. Его лицо по-прежнему прижато к моей шее, дыхание понемногу выравнивается.

- Харлоу, пожалуйста, не двигайся, дай мне минутку.

Я не думаю, что смогла, даже если бы захотела. Я не хочу вставать с него.

Он губами прижимается к моим плечам и начинает медленно массировать мои бедра, попу, спину. Осторожно меня приподняв, он опускает руку между нами и снимает презерватив, завязывает и кладет его на диван рядом с нами.

А потом он начинает развязывать узел на моей спине.

- Нет, – почти задыхаюсь я.

Он смотрит на меня, видит слезы на щеках и, возможно, думает, что я не хочу, чтобы он меня освободил. Я и сама не знаю, почему плачу. Я истощена, и если он не может больше быть во мне, мне нужно оставаться связанной. А если я не могу быть связанной, то мне нужен другой способ почувствовать, что я его, и он заботится обо мне. Что он обо всем позаботится и все исправит, потому что сама я не знаю, как это сделать.

Финн проводит большими пальцами по моему лицу.

- Милая, я должен, иначе останутся следы.

Просто мне кажется, это единственное, что удерживает меня целостной.

- Я знаю, – говорит он.

Боже мой. Я сказала это вслух.

- Ш-ш-ш, иди ко мне, – он разворачивает меня, как подарок, бережно поглаживая следы от

шнура, поднимает меня, как пушинку, словно у меня нет костей и мышц – только кожа, кровь и похоть – и несет в спальню.

- Сюда? – указывая на дверь в конце коридора, спрашивает он.

Я киваю, и он заходит, одной рукой снимает покрывало и кладет меня на кровать. Я пугаюсь, что он сейчас уйдет, но он остается. Ложится позади меня, прижимаясь ближе, успокаивающе проводит рукой по бедру, через живот вверх к груди, мягко очерчивает ее своей грубой рукой и целует в шею.

- Скажи, что с тобой все в порядке, – хрипло просит он. – Что я не сделал тебе больно.

- Я в порядке, – я делаю глубокий вдох и срывающимся на выдохе голосом говорю: – Только не уходи.

- Я и не думал, да я и не смогу. Я... Это и для меня было так же интенсивно. Я... Ладно, забудь.

Обычно я сплю очень чутко, но сегодня даже не просыпалась среди ночи. Ни попить, ни в туалет, ни даже чтобы перевернуться и завернуться в прохладные простыни. Когда я открываю глаза, солнце уже высоко, а мы с Финном лежим в той же позе, в какой и заснули.

Он еще не проснулся, а вот его тело – уже. Я пообещала себе кучу вещей: новые туфли, мороженное на завтрак обед и ужин и послеобеденный заплыв, только бы иметь сейчас силы встать с кровати, а не перевернуть его на спину и не оседлать, чтобы еще раз увидеть тот взгляд, каким он вчера смотрел на меня.

Я встаю с постели, потому что ужасаюсь, ведь первое, о чем я должна была подумать – это мама, которую я должна отвезти на консультацию после обеда, и то, как она спала прошлой ночью. Ведь так на самом деле *должно* быть. Пусть не всегда, но, *боже мой*, как минимум последние пару недель, когда моя семья – смысл моей жизни, моя вселенная – нуждается во мне

Я варю кофе, когда на кухню входит Финн в одних трусах, которые он нашел на полу в гостиной. Я даже не заглядывала туда, так как знаю, что увижу небрежно валяющийся на ковре шнур.

Он потирает глаза, подходит ко мне и целует в шею. Из-за того, что я стараюсь не реагировать и немного напрягаюсь, я слышу его смешок у самой шеи.

- Мне тоже немного не по себе после вчерашнего, – заверяет меня он.

- Да я не то чтобы... – начинаю объяснять я. Он немного отклоняется и смотрит на меня, его взгляд невозможно прочесть, пока он слушает. – Мне просто нужно было отвлечься, но мне совершенно не нужна еще одна одержимость.

Молодец, Харлоу, прямо в лоб.

Но он уже понимающе кивает. И выглядит чуть более спокойным.

- Я уважаю это, – говорит он, убирая руки с моих бедер, и отходит. Именно это мне сейчас и

нужно, но внутри... как-то не по себе. Финн добавляет: – Между прочим, мы с тобой в одной лодке. И прошлой ночью ты перестала быть просто легким трахом.

Я наливаю нам кофе, улыбаюсь и делаю глоток. Обманывая нас обоих, я продолжаю:

– У нас нет проблем, и мы может запросто вернуться к нашим пост-супружеским уже привычным отношениям.

Он приподнимает брови.

– Точно.

Глава 6

ФИНН

Если у меня и были сомнения, что магазин Оливера будет успешным, и толпа народу в день открытия – это просто случайность, то в пятницу днем все они рассеялись.

Оказывается, в Сан-Диего куча ботанов.

Мое появление озвучивает маленький колокольчик над дверью, и я просто замираю с широко раскрытыми от удивления глазами, увидев огромную толпу в этом маленьком пространстве. И самое странное, тут не только дети или придурки-хипстеры, как Оливер, но и взрослые, и мамочки-домохозяйки, в общем, люди всех возрастов.

– Ого.

– И не говори, – я оборачиваюсь на голос стоящего справа от меня НеДжо. Он откидывает свои блондинистые волосы с лица и тянется к ножу, которым открывал кучу коробок за спиной. – Я-то думал, буду работать в магазине комиксов, зависать тут целый день, читать потихоньку, иногда покуривая в подсобке, – он качает головой, пока я наблюдаю, как он все аккуратно выкладывает из коробки и приступает к следующей. – Но, чувак, это место? Блин, да тут постоянно куча народу.

– Да, я заметил, – пораженно отвечаю я. – Что, совсем мало времени на изучение материала, да?

– Что? – спрашивает он и снова качает головой. – Я не читаю комиксы. Тебе покажется странным, но они как-то пугают меня.

Я смотрю на его блондинистый ирокез, вечно обкуренные глаза и белую футболку, явно постиранную с чем-то цветным. Этот парень сам проколол себе член. И почему я удивляюсь, что комиксы его немного беспокоят.

– Что, совсем не читаешь?

– Читаю, но в основном фантастику, – признается он. – Или биографии, могу философию, если есть свободное время. Путеводители, ну и немного романтики, – добавляет он.

Я замечаю на столе книгу в мягком переплете, и мои брови просто взлетают вверх от изумления. Я точно уверен, что это не Оливера.

- Уолли Лэмб [12]? - спрашиваю я. - Это твоя?

НеДжо смеется.

- Ага, лучшее, что я когда-либо читал о самопознании и прощении. О поиске себя.

Ничего себе.

- Я... Ого.

НеДжо пожимает плечами и достает еще одну стопку комиксов.

- К тому же я состою в книжном клубе Опры, сам знаешь: если Опра говорит...

- Понятно, - перебиваю я. - Ты не знаешь, где Оливер?

- В последний раз я видел его где-то в подсобке. Хочешь, пойду поищу?

- Нет-нет, я сам, - я оглядываюсь, пытаюсь решить, сказать ли Оливеру, что я здесь, или встретиться с ним позже. Сейчас мне хорошо бы вернуться домой и как следует подумать, ну или хотя бы позвонить братьям. Большинство повреждений уже должно быть исправлено, но у меня было плохое предчувствие, что наши проблемы не закончатся, как только они снимут панель и более детально заглянут в лодку.

Моя встреча с парнями из Л-А будет уже через пару дней, а я все еще смутно представляю, что с ними обсудить, да и есть ли у нас другой выбор, кроме как согласиться. Мне сложно было сконцентрироваться на моей основной цели поездки, потому что Харлоу была права - нам надо сделать шаг назад, передохнуть и остыть.

Блять. Харлоу.

Со вздохом я падаю на диван, который Оливер поставил прямо у входа. Когда я был с ней, это мало походило на нашу удобную обоим *договоренность*. Если Харлоу не хочет этого признавать, то я должен. Я видел, как она вчера потеряла голову в моих руках, и даже посторонним взглядом было бы заметно - между нами что-то есть.

Господи, да она само гребаное совершенство. Я еще не встречал подобной ей женщины, она такая же сильная и упрямая, как и я, но она позволяет мне себя контролировать и рассыпается на кусочки от одного моего прикосновения.

Я достаю телефон и вижу одно непрочитанное сообщение, но мой палец замирает и никак не нажимает на него. Понимаю, что должен его прочитать. И я такой большой лицемер, предполагающий, что Харлоу просто сейчас в таком возрасте, когда не знает, что ей делать дальше. Когда я сам, в свои тридцать два, так же не уверен в своем будущем, как и она.

- По твоему виду кажется, ты о чем-то задумался, Геркулес. Смотри не сломай себе чего-нибудь.

При звуке ее голоса я подсакиваю, и от волнения сердце начинает биться чаще.

- Я не видел, как ты вошла.

Она подходит к прилавку, достает свой телефон и ставит его на зарядку, затем садится рядом со мной на диван, прижимаясь ко мне бедром.

- Идешь на работу? - спрашиваю я.

- Знаешь, когда ты говоришь «*работа*», - с милой улыбочкой говорит она, - у меня такое чувство, что ты просто издеваешься надо мной.

- Ага.

- По правде говоря, да, - она щелкает пальцами. - Иду на работу, - она берет мою руку и смотрит на часы. - Через полчаса мне надо доставить коробку с кексами для встречи и отправить пару факсов.

«*И почему ты здесь?*» - хотел было спросить я, но вовремя прикусил язык, зная, что меня расстроит любой ответ, кроме: «Потому что надеялась встретить тут тебя, придурок».

Очень странно видеть Харлоу в таком виде: она немного чопорная, в прямой черной юбке, ярко-оранжевой шелковой блузке, на каблуках, волосы мягко струятся по спине. Она веселая, очаровательная, владеющая собой, совсем не та Харлоу, которую я вижу в постели, умоляющую отшлепать ее или трахать *еще*, и *посильнее*. И кажется, только я один понимаю, что она использует меня и мое тело, чтобы забыться и расслабиться. И мне немного тревожно от мысли, что мне нравится эта идея, что только я знаю и могу видеть тайную сторону это золотой, красивой девушки.

- Раз у нас с тобой просто дружеские отношения, могу тебе сказать, что сегодня ты выглядишь охрененно красиво, Имбирная Печенька.

Она моргает от удивления.

- Спасибо.

- Просто в прошлый раз, когда я тебя встретил, вид у тебя был, будто ты только что выскочила из чьей-то постели, - я полностью игнорирую тот факт, что видел ее этим утром. Она не поправляет меня и... что ж, хорошо. И мы оба прекрасно понимаем, что лучше уж оставить эту тему в покое.

- А знаешь, оглядываясь на прошлое, я соглашусь с тобой. Хватит с меня таких, как Тоби Амслер. У меня осталось совсем немного пальчиков, так что я должна быть более осмотрительна в выборе.

вернуться

12

Wally Lamb - современный американский писатель

- Осталось немного пальчиков?

- Да, пальчиков, - говорит она и показывает обе руки, поигрывая пальчиками перед моим лицом. - Это мое личное решение, и многие могут понимать его, как хотят. Но я хочу, чтобы количество своих сексуальных партнеров я смогла бы сосчитать по пальцам обеих рук. Так что восемь уже есть, и у меня больше нет права на ошибку.

У меня ушла секунда, чтобы понять, что у Харлоу было всего восемь партнеров.

Или же что Харлоу была с какими-то семью парнями до меня.

И... у меня от этого смешанные чувства. С одной стороны, я удивлен. Не то чтобы у меня было какое-то предвзятое мнение, но мне кажется, что Харлоу специально заставляет людей думать про ее сексуальную жизнь и видеть то, чего нет.

А с другой стороны, я всегда считал себя современным парнем, и пока она не изменяет и никого не обижает, то может любить, выходить замуж или *трахать*, кого только захочет. Но гипотетически мне сейчас не очень-то приятно сидеть, кивать и слушать рассказ Харлоу о тех, с кем она спала.

И если я знаю Харлоу, она понимает это по моему лицу.

- Эй, что за... Что это сейчас было? Ты что, *осуждаешь* меня?

- Что? - говорю я. - Я *не* осуждаю, - и я рад, что это именно так, потому что она смотрит на меня с таким устрашающим видом.

- Точно осуждаешь. Ты стараешься пристыдить меня, Мистер С Веревкой и Невероятными Оральными Способностями?

- Да ты что, я бы никогда не стал осуждать...

- Даже не смей. То, что я позволила твоему члену быть во мне, не дает тебе права меня судить. Я люблю секс, также как и ты. И я трахаюсь, когда и с кем захочу, но не больше десяти человек. И если общество предпочитает, чтобы я была...

- Харлоу. Я ничего такого не говорил. Десять пальцев. Все в порядке.

- Ой, - она изучает мое лицо и понимает, что я искренен, и тут же немного расслабляется. - Хорошо.

- Хорошо, - повторяю я.

- А что насчет тебя? - спрашивает она.

- А что со мной?

- Сколько пальцев ты должен загнуть?

Я подаюсь вперед, смотрю по сторонам и показываю ей, что мы сидим в самом центре переполненного народом магазина.

- Я не думаю, что это подходящее место для такого разговора, Печенька.

- Ну а чем нам еще заняться? Мне надо убить двадцать минут, а сколько мы с тобой больше не трахаемся...

- Ну да, - откинувшись на спинку дивана, отвечаю я. - Знаешь, этот план сработал бы, если бы мы не занимались сексом пару часов назад. И я бы не был так напряжен.

- *Точно?* - Харлоу немного пододвигается на диване и кладет свои длинные голые ноги мне на колени. - Кстати говоря, ты прости, я вроде немного раскисла при тебе, - говорит она, и я чувствую тяжесть в груди.

Хоть Харлоу и была вчера связана веревкой, я словно наблюдал за ее раскрытием, и мне не нравилось, что она за это извиняется. Я не уверен, что видел когда-либо что-то более откровенное. За какие-то пару часов из легкого и непринужденного все переросло в обжигающее и честное. Мне нравится Харлоу. И решение, что мы больше не спим друг другом, просто охуеть какое неверное.

- Тебе незачем извиняться, - говорю я, и сам не понимаю, как моя рука оказалась на ее колене, сжимая его. Ее кожа такая теплая, и мои пальцы ноют от желания двигаться вверх к ее бедру, чтобы снова отвлечь нас обоих.

Вот блять.

Я хотел было убрать руку, но она берет ее в свою и внимательно изучает.

- Нет, - бормочет она. - Хочу извиниться, если из-за меня все стало странно.

- Это не так, - заверяю ее я.

Она смотрит на меня и, кажется, сдерживает смех.

- Спасибо, ты сегодня такой несдержанный на комплименты.

Я великодушно киваю.

- Для этого и нужны друзья.

- Так мы теперь что, друзья, да? - спрашивает она.

- Точно друзья, а может, и что-то большее. Все же мы когда-то были женаты.

- По правде говоря, самые счастливые двенадцать часов в моей жизни, - подражая Скарлетт О'Хара, говорит она. Когда она выпрямляет ноги, ее бедра немного дрожат, и мышцы сжимаются под моими ладонями. - День, когда от меня ничего не осталось, кроме бледного подобия.

Сзади подходит Оливер, держа большую стопку книг.

- Добрый день. Рад снова тебя видеть, приятель.

И тут до меня дошло: я сижу, ноги Харлоу все еще на моих коленях, и моя рука расслабленно лежит на ее бедре. Я моргаю, встречаясь взглядом с Оливером. Он ухмыляется со знанием дела; м-да, похоже, этот факт не остался им незамеченным.

- Чувак, - выходя из ванной с комиксом в руках, зовет НеДжо. Он показывает, чтобы Оливер увидел, и эти двое обмениваются понимающими взглядами. - Смотри, что я нашел.

Оливер рычит, и я понимаю, что он даже не взглянул на книгу.

- Только не говори, что опять?

- Опять, - подтверждает НеДжо.

Я взглядом слежу за НеДжо, когда он ставит комикс обратно на стеллаж.

- Это Чудо-Женщина?

- Ага. Каждый чертов раз, когда я убираюсь в туалете, там *всегда* лежит Чудо-Женщина.

Харлоу встает, и я сразу же теряю ощущение тепла ее кожи под своей ладонью. Когда Оливер кивает, она говорит:

- Ты имеешь в виду, что люди идут туда и...

Оливер снова кивает, берет пустую коробку и скрепляет ее степлером.

- Сукины дети, для них нет ничего святого.

Харлоу нагибается и заглядывает в коробку.

- Ну... Я бы не стала их в этом винить.

Она поднимает голову и видит три пары удивленных глаз и приоткрытые рты.

- Не могла винить в чем? - начинает НеДжо, и его вопрос повисает в воздухе.

- Да ладно вам, - она тянется и достает запечатанную коробку со стопкой Чудо-Женщины. На обложке она изображена сидящей на огромном морском коньке, ее Лассо Правды возвышается в воздухе, пока мужчина с подобием водного пистолета в нее целится. Все это предположительно происходит под водой.

- Вы только посмотрите на нее! - говорит Харлоу. - Даже я не прочь провести немного времени наедине с Принцессой Дианой.

- Ты *знаешь*, что ее настоящее имя Принцесса Диана? - спрашивает Оливер, и, богом клянусь, лицо у него было, как у собаки, которую хозяин подзывает к обеду.

Она пожимает плечами.

- Конечно, знаю.

Глядя на меня с огоньком в глазах, Оливер говорит:

- Финн, если ты не снова не женишься на этой женщине, это сделаю я.

Харлоу ушла пару минут назад, на прощание расцеловав в щеки всех нас, и я сделал вид, будто меня не волнует, что я ничем не отличаюсь от остальных. Я тоже ушел следом, договорившись увидеться с Оливером позже. Я решил поехать домой длинным путем, в надежде, что прогулка вдоль гавани поможет мне расслабиться, но тут вспомнил о непрочитанном сообщении в телефоне. И еще я пропустил звонок от Колтона. Оказывается, Харлоу была прекрасным отвлечением и без секса.

В итоге, я ездил туда-сюда по побережью и вернулся домой на закате, минут на тридцать раньше Оливера. Я открыл холодильник, заглянул в ящики и достал из морозилки упаковку пасты и нарезанных овощей. Мой телефон пристально смотрел на меня, лежа на столе. Я делал

все, что угодно, лишь бы оглядываться в его сторону. Приготовил ужин, загрузил посудомойку, посмотрел телевизор, даже вышел, чтобы взять из ящика почту Оливера, надеясь, что свежий воздух поможет. Не помог. Пора взглянуть правде в глаза и справиться с этим.

Положив конверты на стол, я беру телефон – пора быть мужиком и все решить. Это же могут быть и хорошие новости, правда? Если дело плохо, мой брат звонил бы без остановки, верно?

Сначала я проверяю почту. Там было уведомление из банка, пара видео-приколов от Ансея и письмо с подтверждением моей встречи в Л-А в понедельник в 10:00. Хотя от этого письма напряжение внутри так и не прошло. И, наконец, я перехожу к сообщениям и открываю то самое от Колтона.

«Мы все испортили, и мы в полной ЖОПЕ. Пойду напьюсь».

Кухня вся окутана паром от выкипающей в кастрюле пасты, и я слышу звук открывающейся двери.

- Милый, я дома!

Я расхаживаю туда-сюда между холодильником и столом, а мой желудок где-то в районе пяток, когда слышу, как Оливер бросает ключи на столик и разувается.

Колтон на мои звонки не отвечал, после чего трубку взял Леви. Как и было сказано в сообщении, Колтон ушел куда-то напиваться, а может, он трахался до беспамьяства с одной из своих постоянных постельных милашек, и это объясняет, почему он недоступен.

Как сказал Леви, сгорел один из двигателей, и это повреждение настолько серьезное, что коснулось основного корпуса двигателя, и восстановлению не подлежит. Хуже этого то, что усиленная нагрузка на второй двигатель показала: в пробе масла увеличилось содержание металлической стружки, а это значит, у нас всего неделя до поломки. Еще пару дней назад мы думали, что у нас есть небольшая надежда, и мы продержимся до конца сезона. А сейчас, как сказал Колтон, мы *в полной жопе*.

Мы вложили все свои средства, чтобы снова поднять семейный бизнес, и без прибыли мы вряд ли сможем покрыть все расходы на следующие полгода. Мы не сможем выйти на лодке, пока не починим ее, и я понятия не имею, как сможем себе это позволить.

Оливер пересекает комнату, выключает плиту и идет к раковине мыть руки.

- Эй, приятель, с тобой все в порядке? – внимательно меня разглядывая, спрашивает он.

- Ага, только ужин испортил.

Следующие слова просто застряли в горле: *«Я облажался. Мое будущее и будущее всей семьи превратилось в дым, и да, кстати, как твой магазин?»*

Нет, я так не могу. Я знаю, что мне надо поговорить, рассказать о проблеме и услышать в ответ, что все не так плохо, как кажется, и скоро все наладится.

Короче, надо, чтобы мне соврали.

Обычно с этой задачей хорошо справляется Ансель. Он до противного оптимистичный и любую, самую жуткую проблему предлагает решить ужасно простым способом. Но его сейчас нет в стране, и я уж точно не стану звонить ему и грузить его и без того нелегкую жизнь своими проблемами. Так что он отпадает.

Следующей можно позвонить Перри, она скучает и в прошлом была прекрасным слушателем. Но, ради всего святого, я не могу. Знаю, что не должен принимать чьи-то стороны, но то, так она поступила с Анселем и Миа... Теперь мы не особо с ней общаемся. Значит, и она в пролете.

У Оливера и до того забот по горло с этим открытием. И последнее, что ему сейчас нужно - погрузиться в проблемы моего загибающего бизнеса, когда его в самом расцвете.

И по правде говоря, я *не* хочу никому из них рассказывать. Не то что бы я не уверен, поймут ли они, просто не хочу беспокоить. И не хочу, чтобы они знали, как все плохо.

Видя мой мысленный упадок, Оливер идет на кухню и достает из шкафа разделочную доску.

- Значит, ты и Харлоу... - начинает он и берет нож.

- Харлоу? - спрашиваю я, отвлекаясь, и ее имя прозвучало немного громче положенного. - Между нами ничего нет.

- Конечно, нет. Просто заметил, как уютно вы смотрелись сегодня вместе.

Я про себя отмечаю, что стою с вытаращенными глазами.

- Она заноза в заднице,- отвечаю я, и это не правда. С большинством женщин, когда их красота приелась, я бы уже двинулся дальше. Но не с Харлоу. Я заметил, что с каждым нашим разговором она мне нравится все больше и больше.

- Ты уверен, что все в порядке?

Я поворачиваюсь к Оливеру.

- А почему нет?

Он пожимает плечами, словно хотел расколоть меня, но потом его лицо смягчается, и я удивляюсь, всегда ли он такой.

- Не знаю, правда. Просто... Ты никогда не рассказывал, зачем приехал. Дома все хорошо?

- Замечательно. Я тут, чтобы встретиться с парой новых инвесторов. Хочу сделать кое-какие улучшения после окончания сезона.

На его лице я замечаю вспышку облегчения.

- Финн, это ж замечательно. Посмотри на нас, на наши жизни. Друг, все, блять, налаживается.

Ну да.

Я отвожу взгляд и смотрю в окно. И понимаю, что хочу поговорить сейчас только с одним человеком.

- Слушай, - отходя от стола, говорю я. - Я вспомнил, что обещал отцу сегодня позвонить.

Ничего, если ты поужинаешь без меня?

Если Оливер что-то и заподозрил, то он достаточно хороший друг, чтобы не тыкать меня в мое дерьмо.

- Да, конечно. Я могу позвонить Лоле, и мы потусуемемся вместе. Ты сегодня вернешься?

Я беру бумажник и кладу его в задний карман.

- Не уверен, но ты оставь мне тарелочку, и я разогрею, когда вернусь. Мне правда очень нужно позвонить.

Оливер кивает, накрывая на стол, перед тем как помахать мне. Я уже держу в руке телефон и выхожу из дома.

Глава 7

ХАРЛОУ

Я мою пол. Зачем, спрашивается, в идеально чистом родительском доме я мою их пол?

Потому что не могу сконцентрироваться даже на мельчайших задачах и уронила всю сковородку с энчиладос на пол.

Входит папа, смотрит на мои рваные джинсы, старую фланелевую рубашку, затем на швабру в моих руках и разлитый на белой плитке соус и не говорит ни слова. Он просто подходит к холодильнику, достает оттуда йогурт для мамы, целует меня в макушку и уходит.

За следующие двадцать секунд я принимаю два важных решения. Во-первых, мне нужна другая работа.

Был крошечный шанс, что в начале января я получу полный рабочий день в NBC, но после разговора с Финном я понимаю, что я просто трачу свое время. Я там бесполезна, и ни одна уважающая себя независимая женщина в XXI веке не позволит себе работать всего лишь двенадцать часов в неделю.

Во-вторых, никакого секса с Финном. И я так же не могу каждую секунду проводить в доме родителей. Реальность маминой болезни довольно печальная, и она мешает ее бизнесу. Она не хочет, чтобы мы переживали, сейчас ей нужен только папа. Так что пора приступить к решительным действиям.

В-третьих, и самое важное - нужно решить, что же приготовить на ужин, потому что первое блюдо я уже размазала по полу.

Я стою на коленях и отмываю последние капли с кафеля, когда на столе звенит телефон, и появляется сообщение с незнакомого номера:

«Не хочешь выпить пива?»

Прищурившись, смотрю на экран в полутьме кухни и печатаю ответ:

«А это кто?»

«Парень, о котором ты постоянно мечтаешь».

«Полковник Сандерс?» [основатель сети закусочных KFC – прим. редактора]

Ответ приходит сразу же:

«Вторая попытка».

Я хихикаю и пишу:

«Итан?» Нажимаю «отправить», и тут же следом пишу:

«Нет! Ой, Джек, прости, пожалуйста».

Финн отвечает спустя минуту:

«Очень смешно».

Мы с Финном обменялись телефонами еще три месяца назад в Вегасе, но до сих пор не пользовались.

«Мы идем в бар для лесорубов?» – спрашиваю я.

«А мне кажется, что сейчас рыбак верное слово».

«Да какая разница, я просто поражена, что ты умеешь писать сообщения» – отвечаю я.

Я смотрю на свой наряд и решаю: да пошло все.

«Звучит идеально, кстати, я одета, как ты».

«Буду у тебя через двадцать минут».

Я поднимаюсь наверх, целую родителей на прощание и сажусь в машину в надежде, что приеду домой раньше Финна. Не хочу, чтобы он знал, что меня не было дома. Сама не знаю, почему, хотя, возможно, потому что Финн Робертс – и это шокирует – это мое счастливое место, и рядом с ним я чувствую себя лучше, а еще он никогда не спрашивает: «Как ты себя чувствуешь? Как твоя мама? Как ты держишься?»

Она настоящий боец.

Такая молодая и красивая.

Представить не могу, как ты себя ощущаешь».

Как ни странно, меня может понять именно Финн, и для меня огромное облегчение, что рядом с ним я не сталкиваюсь со всем этим.

Возвращаюсь домой в рекордное время, боги пробок были ко мне благосклонны. Я могла бы переодеться, но даже и не подумала. Раз мы не трахаемся, я не наряжаюсь.

Как настоящий джентльмен, он написал, что ждет меня внизу, я спустилась и запрыгнула в его грузовик.

– Я забыл, как ехать в бар к Фреду, – вместо приветствия говорит он.

- И тебе *привет*, - отвечаю я, пристегивая ремень. - Езжай по правому ряду до перекрестка, а затем налево на Draper.

- О, точно, - он выруливает с парковки и следует моим указаниям. - Оттуда я точно помню.

- Особенно, если учесть, что мы уже на Draper, - с нахальной ухмылкой говорю я.

Но Финн не улыбается в ответ и выглядит немного погруженным в собственные мысли. Он включает радио и настраивает волну, так что вместо разговоров мы слушаем, как Терри Гросс берет интервью у Хоакина Феникса. Пока стоим на красном, он барабанит пальцами по рулю и смотрит в окно, но только не на меня.

- Знаешь, эта вся штука отношения-без-секса очень помогает. Я очень рада, что мы спокойно можем потусить вместе, - я наклоняюсь поближе, чтобы получше разглядеть его лицо, он не вижу даже намека на улыбку.

- Мне надо немного проветриться, - уклончиво бормочет он.

Оливер живет всего в квартале от пляжа. И если Финну нужно проветриться, он может найти кучу других вариантов, а не везти меня в бар, где мы были пару вечеров назад.

Финн паркуется прямо возле бара, я жду его на тротуаре, и он, как обычно, жестом показывает, чтобы я проходила первой. Как только мы входим, меня приветствует мистер Фёрли и говорит Кайлу выгнать наглые задницы, занявшие мой столик.

- Да как они посмели! - игриво шепчу ему я.

- Сегодняшняя молодежь, - протирая стойку, говорит он, - это просто кучка маленьких засранцев. Как Маделин?

- Она держится, - я наклоняюсь через стойку, целую его в щетинистую щеку, хватаю две бутылки пива, которые он уже для меня приготовил, и говорю, копируя стиль Хамфри Богарта:
- Спасибо, любовь моя-я-я.

Протягиваю одну Финну, и он следует за мной в наш угол, смахивая пару чешуек от арахиса со стола, пока я усаживаюсь на диван.

- Ты из него можешь веревки вить, - говорит Финн, садясь рядом и глядя на мистера Фёрли за стойкой.

- Ага, он лучше всех, - я отпиваю и смотрю, как Финн делает то же самое. Боже, я без ума от его шеи. Такая загорелая и сильная, темная щетина спускается с щек... на челюсть и...

Я откашливаюсь, напоминая себе: *никакого секса*.

- Ну так что стряслось?

Финн пожимает плечами и смотрит в телевизор рядом с нами, где показывают бейсбольный матч.

Сначала тишина была комфортной: я пью пиво, он пьет пиво. Он смотрит игру, я наблюдаю за изумительной парочкой пенсионеров на танцполе. Но когда они сели за свой столик, я в полной мере ощущаю все напряжение между нами. Я же знаю, что Финн позвал меня не просто посидеть в тишине и попить пива.

- Так Оливер сегодня работает?

Похоже, он меня не слышит.

- Может, закажем немного еды, я голодная.

Опять ничего, он витает в облаках. Музыка тут громкая, но и я не шепчу. Да я вообще никогда не шепчу.

- Я тут решила сходить за пульт и узнать, может, Кайл захочет немного порезвиться со мной на танцполе, - ничего. - А может, просто трахнуть его на барной стойке. Или устроить маленькое шоу в задней комнате, - я наклоняюсь чуть ниже: - И очевидно, что «задняя комната» - это эвфемизм.

- Ага, сейчас, - говорит Финн и отрывается от телевизора. Ну наконец-то, начал реагировать.

- Ладно, в чем дело? - спрашиваю я его. - Если тебе нужно было просто попить пивка в тишине, мог бы взять с собой Оливера.

- Я хотел подумать.

- Подумать ты мог бы и один, или прогулялся бы по пляжу. Я же вижу, ты хочешь поговорить. Тебе нужны свободные уши или жилетка?

Финн смотрит на меня, явно не понимая, о чем я говорю.

- Ты хочешь, чтобы я помогла тебе до чего-то додуматься или чтобы просто выслушала и не перебивала?

- А ты так сможешь?

- Вообще-то да.

Финн встает из-за стола и, когда я начала возражать, поднимает руку:

- Я все тебе объясню. Я хочу выговориться, и не перебивай меня. Мне просто нужно еще пиво. А лучше три.

Он уже отошел, когда я крикнула ему вслед:

- И пусть мистер Фёрли принесет мне немного картофельных палочек.

Финн почти допил вторую бутылку, когда начинает рассказывать:

- Когда я сказал, что приехал сюда по делам, это была правда. Знаю, что звучит странно, ведь все мои дела сосредоточены на Ванкувере.

Я киваю, чувствуя необъяснимое головокружение от того, что узнаю причину его столь длительного пребывания в Сан-Диего. Чувствую себя особенной, ведь он выбрал именно меня, чтобы все рассказать, но не даю ему понять. Я демонстрирую невозмутимость.

- Это сложный бизнес, особенно если выдается тяжелый год, но ты можешь выкрутиться на следующий. Но вот когда у тебя два неудачных года подряд, дело труба. Пара провальных лет, на рынок вошли большие компании, плюс требующая капитального ремонта лодка... - он проводит рукой по лицу, большим глотком допивает пиво и тихо говорит: - Так что...

Внезапно моя голова перестает кружиться.

Уверена, он не будет слишком углубляться в особенности своей профессии, и думаю, он это делает, чтобы от меня был хоть какой-то толк. Но я молчу, и не потому, что ничего не понимаю, а потому что он еще не закончил. И я понятия не имею, что он дальше скажет.

- Так вот, примерно с месяц назад мне позвонили люди, у них есть пара идей, - он замолкает и какое-то время смотрит на меня. - Идей для шоу.

- Что-то вроде выставки? - спрашиваю я.

Он смеется и отвечает:

- Нет, телешоу.

О-о.

О-о.

Я наклоняюсь ближе, ставя локти на стол.

- И под «люди» ты подразумеваешь...

Он отворачивается.

- The Adventure Channel [13].

У меня глаза лезут на лоб.

- *Матерь божья*, Финн. Они что, хотят сделать телешоу о твоём семейном бизнесе?

- Обо мне, папе, Колте и Леви. Обо всех парнях семейки Робертс.

- И ты здесь, чтобы начать переговоры? - продолжаю выпытывать я. Adventure Channel - один из самых крупных. Да и что греха таить, у Финна лицо и тело, идеально подходящее для телевидения, хотя он и не настолько милый и пушистый.

Он качает головой и продолжает:

- Нет. Видишь ли, наша самая маленькая лодка давно к херам сломалась, но я не воспринимал всерьез, пока наша основная лодка «Линда» не начала барахлить. Оба моих брата согласны на шоу, а я считаю, что нужно все узнать, прежде чем принимать окончательное решение, - он снова потирает лицо. - Но примерно час назад я узнал, что, блять, и «Линда» окончательно сломалась, а ремонт обойдется в сто штук, а может, и в двести, - глядя поверх моей головы, он продолжает: - И теперь я должен согласиться на шоу или же совсем уйти из дела. А я этого не хочу, Харлоу. Это будет просто цирк.

- Ты встречался с кем-нибудь из организаторов?

- Нет, пока только обменялись парой писем. Я приехал пораньше специально на открытие магазина Оливера, да и Колтон волновался, что у меня будет сердечный приступ, как у отца, и вышвырнул меня из города, - он смотрит на меня. - Но у меня скоро с ними встреча. Они прислали мне рекламные материалы.

От мысли о сердечном приступе у Финна мне сводит живот, но от его игривого нерешительного взгляда и упоминания рекламных материалов я не могу сдержать улыбку.

- Так, говоришь, рекламные материалы. Я точно должна на них посмотреть.

Скорчив рожицу, он лезет в задний карман и достает из бумажника глянцевую фотку всей семьи на лодке.

- Пока прислали только это, - он вручает мне фотку. - Они также сделали логотип и футболки.

- Ого, - рассматривая фотографию, говорю я. Профессионально выставленный свет, насыщенные цвета. Каждый на снимке смотрится грубоватым и ухоженным одновременно. - Это рыбацкая версия снимка для гламурного журнала.

Он тянется за фото:

- Так, все, отдай, хватит смотреть.

вернуться

13

The Adventure Channel - американский телеканал о туризме и путешествиях.

Я выхватываю, прежде чем он успеваает убрать его в бумажник.

- Так значит это твои братья, да?

- Ага.

Финн стоит посередине, рядом отец и младший брат Леви, Колтон - средний брат - стоит с другой стороны. И расставлены они с определенной целью. Взгляд отца очень доброжелательный, Леви простой и открытый, Колтон же перед камерой старается смотреться сексуально. Финн выглядит серьезным и уставшим. Все четверо на фотографии возмутительно красивые.

- Ну спасибо, дорогой. Теперь мне надо вернуться домой и мастурбировать весь оставшийся вечер.

- Знаешь, если бы такое сказал парень, это выглядело бы очень жутко.

- Ой, прости, лохматик. Неужели двойные стандарты сексуальности делают тебя ворчливым?

Он сдержанно смеется.

- Ты просто заноза в заднице, Имбирная Печенька.

- Так значит, Adventure Channel хотят тебя как звезду для шоу знакомств?
- Нет. Они хотят сделать упор на наших жизнях *рыбаков* и...
- Именно это они написали на обороте этого гламурного снимка? - я переворачиваю его и притворяюсь, что смотрю.
- Харлоу.
- *Финн*, - я показываю ему фотографию. - Посмотри на вас. Тебе сколько? Тридцать два, да?
- Да.
- А Колтону сколько?
- Двадцать девять.
- А Леви?

Он вздыхает, начиная понимать, куда я клоню.

- Двадцать четыре.
- И я точно уверена, что в контракте, который вам предложат, будет пункт, что у вас к моменту начала съемок не должно быть серьезных отношений.

Его глаза округляются:

- А ты откуда знаешь?
- Ты что, шутишь? Моя мама несколько раз снималась в таких шоу, и каждый раз был пункт про отношения. А это шоу будет о том, как ты своими накачанными руками работаешь на лодке, а потом снимаешь рубашку и клеишь студенток?
- Ты сейчас вообще мне не помогаешь. Я уже не хочу в этом участвовать, - он ворует пару моих картофельных палочек. - Мои братья считают это хорошим шансом. Но они не понимают, как сильно это изменит их жизнь. Колтон постоянно спит, с кем копало, а Леви... Я уверен, он до сих пор девственник.

Я смотрю на светловолосого красавчика на снимке.

- Да ты спятил. Если этот парень не зажигает со всем, что движется, то Бога нет. Как и Санты. И Пасхального кролика.

Он отмахивается от меня.

- Да неважно. Просто я не уверен, что у нас получится хорошее шоу.

Ему и самому понятно, что это слабый аргумент. Увидев мое шокированное лицо, он морщится и отворачивается.

- Да ты что, издеваешься? Горячий блядун, горячий девственник и самый горячий старший брат, который явно слишком занят для любви? Да это настоящая сексуальная фантазия любого продюсера. Тут даже не надо ничего придумывать.

Уступая, он тихо говорит:

- Они тоже в этом полностью уверены. Отснимут для начала два сезона, уже купили нам грузовик, починят обе наши лодки и купят еще одну новую.

Я тихо присвистнула.

- Ого. Тебя расстраивает, что огромный телеканал дает тебе заработать денег? Бедный малыш. Почему ты не соглашаешься?

Он смотрит на меня, и теперь его очередь быть скептиком.

- Мне нравится моя жизнь, Харлоу. Она довольно тяжелая, и мы, бывает, едва сводим концы с концами, но для моего выбора есть причины. Мне нравится мой маленький домик на воде, работать на лодке и отпускать шуточки с братьями, или когда мы получаем нереальный улов. Но как только начнется шоу, все это будет уже не важно, - он оглядывается по сторонам, царапая ногтем крышку стола. - Мысль, что придет съемочная бригада и будет снимать 24 часа в сутки, вызывает у меня тошноту.

- А что Ансель и Оливер думают по этому поводу? - интересуюсь я.

- Они ничего не знают.

- Я знаю то, чего не знают они? - удивляюсь я.

Он пожимает плечами.

- Тяжело обсуждать этот выбор с лучшими друзьями. Я в точке принятия решения, и через пару лет могу оглянуться назад и подумать: *почему я вообще рассматривал этот вариант?* Я не хочу обсуждать это с людьми, присутствующими каждый день в моей жизни, если вскоре решу, что все это не имеет значения. Какой в этом смысл?

Выходит, он не думает что через пару лет я буду в его жизни? Блин, это больно. Я подношу пиво в губам и смотрю в сторону:

- Ты прав.

- Вот дерьмо, - шепчет он, понимая, как это прозвучало. - Ты же понимаешь, что я хотел сказать.

И, если честно, я понимаю. Я и сама не рассказываю ему про маму. Мне нужна поддержка от Финна, и мне нравится сама идея быть рядом с ним - это самое лучшее место, чтобы спрятаться. Может, его тоже устраивает, что мое мнение не имеет для него никакого значения.

Я мысленно отгоняю грустные мысли и улыбаюсь.

- Конечно, сейчас эта идея кажется тебе безумной, но ты не можешь не обращать внимание на те возможности, что даст шоу. Ты сделаешь имя своей фирме и...

- Сделаю нас посмешищем.

- И... - игнорируя его, продолжаю я, - они же купят тебе новую лодку? Я, конечно, ничего не понимаю в промышленной рыбной ловле, но уверена, что стоить она будет, как хороший

особняк в Ла-Хойе.

- Почти так же, - соглашается он. - Я не знаю. Не уверен, что купленная ими лодка будет ощущаться моей. Словно я продаюсь. Но раз ты, смеясь, не убежала отсюда, думаю не такая уж и безумная идея - пойти на это.

- Думаю, будет глупостью отказать.

Он кивает и снова переключает свое внимание на игру. На этот раз я уверена, что он закончил разговор.

Глава 8

ФИНН

Я проверяю адрес, что мне дала Харлоу, когда поворачиваю. Ресторан переполнен, и я еще раз преувеличенно фыркаю, что тут долго кружусь.

- Похоже, сегодня не наш вечер, - говорю я Оливеру, уверенный, что мои бегающие глаза и дурная актерская игра меня выдадут. - Наверное, нам лучше вернуться домой. Попробуем в другой раз.

Я уже начал было выворачивать грузовик на выезд, когда его рука, останавливая, ложится мне на предплечье.

- Все уже собрались, давай посмотрим повнимательней. Так что уже поздно менять планы, - говорит он, высовываясь из пассажирского окна. - И нет уж, спасибо.

- И что это значит?

- Это значит, что мне потребовалось больше часа, чтобы вытащить тебя из дома, и сейчас ты выглядишь, словно идешь на прием к зубному, а не на расслабляющий дружеский вечер с сомнительными шутками.

- Это неправда, - это правда.

- Ансель прилетел сделать сюрприз Миа и хочет с нами встретиться. И не важно, что ты вчера сказал, - ты отстойно выглядишь всю неделю.

- Я в порядке. Странно, что ты ушел, когда у тебя столько дел, - как обычно, пожимая плечами, говорю я. *Спокойно, Финн. Не суетись. Не избегай зрительного контакта.* - У тебя и так мало свободного времени.

По радио играет типичная попсовая песенка, и Оливер его выключает. Взглянув на часы, потом в лобовое стекло, я все еще делаю вид, что ищу свободное место на парковке.

Мне не нравится, как он на меня смотрит. Оливер слишком хорошо меня знает, и я уверен, что он вырвет мне руки и ими же изобьет, если выяснит, что я говорил об с Харлоу раньше, чем с ним.

- Я твой лучший друг, Финниган. Ты б не стал мне врать, правда?

И только я начал отвечать, как он тут же показывает на освободившееся место перед нами:

- Ой, вот... давай сюда, прямо сюда.

Я паркуюсь и, тяжело вздыхая, глушу двигатель. Похоже, мы все-таки идем.

Уверен, что никогда еще не выглядел таким виноватым, как сейчас. Никогда. Как пойманный на месте ограбления преступник.

Ко всему прочему, Харлоу наговорила мне кучу философского дерьма и сделала то, для чего я ее и звал: отпускала шуточки и использовала сарказм, чтобы смягчить ситуацию. Но ее взгляд, когда я объяснял, почему не рассказал Анселю, Оливеру или Перри, был как удар в грудь.

Я умудрился не брать в голову все это до тех пор, пока Оливер не захрапел на другом конце коридора. Но не смог уснуть, смотрел в потолок и думал. Может, стоит им рассказать? Не ошибка ли это - скрывать все от близких друзей, но при этом легко довериться Харлоу? С этой точки зрения я о на двоих не думал. Конечно, она - это дикое приключение, отвлечение и, конечно же, друг, но сейчас кажется, что мне этого недостаточно.

И я ни хера не хочу сегодня с ней встречаться. Не потому что понятия не имею, какие у нас отношения или чувства, или как мы должны дальше общаться, а из-за того, что она знает мой большой секрет. Тот, которым я не могу поделиться с лучшими друзьями.

Может, стоит сейчас рассказать Оливеру.

И мне точно не стоило разбалтывать всюду сующей свой нос Харлоу.

А если они поймут, что я от них что-то скрываю?

Или она проболтается?

Вашу мать.

В ресторане было темно и настолько шумно, что я задумался: может, у меня получится улизнуть, и никто даже не заметит.

Несмотря на количество людей и столиков в этом маленьком помещении, здесь градусов на двадцать прохладней, чем на улице. И я понял, что вспотел, когда холодный воздух коснулся моего влажного лба и шеи. *Господи боже, Финн. Возьми себя в руки.*

Мы слышим их раньше, чем видим. Даже сквозь гул голосов, громкую музыку и звон посуды смех Харлоу разносится до самых дверей. Она, как всегда, в ударе.

- Это самое лучшее, что я когда-либо слышал! - кричит и хихикает Ансель. Вы бы никогда бы не подумали, что двадцативосьмилетний адвокат может хихикать, но это же Ансель! Так что вы ошиблись.

Мои нервы стягивает неуверенность, когда мы подходим, и я чувствую, что начинаю хмуриться.

- Кажется, они начали без нас! - кричит мне через плечо Оливер, и я могу только кивнуть, идя за ним через зал к нашему столику и стараясь не выглядеть готовым блевануть.

Они сидят на огромном диване в конце зала. Ансель с одного края, раскинув свои длинные руки на спинке; ухмыляясь, он наклоняется поближе, чтобы лучше слышать рассказ с другого конца столика. Миа сидит рядом с ним. Лола справа от Миа и – как я уже не впервые замечаю – что-то рисует на салфетке. Харлоу на другом конце и с горящими глазами что-то эмоционально рассказывает Анселю, который опять смеется.

– Веселитесь? – спрашивает Оливер и останавливается сбоку от столика. – Вас даже на улице слышно.

Все поднимают на него глаза – затем на меня – перед тем как поздороваться.

Все, кроме Харлоу.

Ее взгляд встречается с моим на самый долгие пять секунд в моей жизни, после чего она поворачивается к Оливеру:

– Ну наконец-то, – говорит она, немного наигранно улыбаясь. Может, нервно? Или виновато? – Ты... – начинает она, но я ее тут же перебиваю:

– Над чем смеетесь? – выпаливаю я, и тут же хочу себя ударить.

Все смотрят на меня с выражением на лице: «Что за херня?»

Лола поднимает глаза, и я понимаю, что даже выглядя отрешенной, она не пропустила ни единого слова.

– Харлоу рассказывала, как однажды мы случайно закрылись после купания нагишом, и она единственная решила выбраться через окно. Голой.

– О-о-о, – говорю я и тут же пугаюсь собственной реакции на образ голой Харлоу, лезущей по стене в окно... Да куда угодно.

Харлоу смотрит на меня, прищурившись, а Ансель так, словно я пришел с надетыми трусами поверх штанов.

– Понятно, – говорит Оливер. – Я пока в туалет, а вы закажите мне бургер, ладно?

Раз Оливер ушел, мне остаются только два варианта: стоять, как идиот, или сесть рядом с Харлоу.

Вздыхнув, я беру себя в руки и сажусь на диван, осторожно оставляя между нами пару сантиметров.

Лола и Миа начали о чем-то болтать, и Харлоу наклоняется ко мне.

– Садись уже, Финник, – шепчет она. В любой другой момент я бы ей сказал, куда именно она может засунуть это маленькое придуманное мне прозвище. Но сейчас я хочу просто посидеть и собрать все свое дерьмо вместе.

– Что? – стараюсь выглядеть озадаченным, спрашиваю я. – Мне было интересно.

– Интересно? Да ты выглядел так, будто через секунду готов покинуть место преступления. Сильно нервничал и... – она пробегается по мне взглядом. – Господи, ты что, *вспотел*?

- Я в порядке, - я вытираю ладони о джинсы и откидываюсь на спинку дивана. - Просто мне немного не по себе из-за всей ситуации.

- Из-за какой? Ты же не думаешь, что я им все рассказала, да? - на самом деле, она выглядит немного обиженной, и я быстро отвечаю:

- *Что?* - черт, слишком быстро. - Нет, точно нет. Может, я волновался, ну, ты знаешь, у тебя не так хорошо получится скрыть эмоции.

- Скрыть... Какого хрена ты говоришь?

- Ты всегда вмешиваешься и... Черт, я подумал, что ты можешь проболтаться.

Прежде чем она смогла ответить - ну, вы поняли, заехать мне локтем по яйцам - возвращается Оливер, доликает всем напитки и плюхается на диван, толкая меня к Харлоу.

Пробормотав извинения, я отодвигаюсь, когда она качает головой и смеется, пододвигаясь ближе и шепча так тихо, что мне приходится закрыть глаза и сфокусироваться на ее словах:

- У меня для тебя новости, Финн. Я шесть лет имитировала оргазм, пока не появился ты. И у меня куча секретов, которые даже не поместятся в твоей большой пустой башке. Так что если кто и расскажет твой секрет про шоу знакомств, то это буду явно не я.

- Это не шоу зна... - остановился я и, глубоко вздохнув, потянулся к пиву. - Ладно, проехали.

Я знаю, это просто нелепо, но я все еще не могу расслабиться. Потому что сейчас я не только жду, когда Харлоу проболтается, но и внимательно за ней наблюдаю, замечая кучу мелочей. Я уверен, что выгляжу сейчас, как серийный убийца, но вся штука в том, что она не смотрит на меня. Вообще.

Появляется официантка и принимает у всех заказ, а я так задумался, что понятия не имел, что заказал, пока она не поставила передо мной огромную тарелку салата.

Просто замечательно.

Приходит НеДжо, заказывает пиво и проползает под столом, чтобы занять место рядом с Харлоу.

- Присаживайся, - хохочет она, быстро отодвигаясь. Ее бедра прижимаются к моим, и я едва сдерживаюсь, складывая руки на виду у всех, далеко, очень *далеко* от того места, где они на самом деле хотели быть.

- Следишь за фигурой? - спрашивает НеДжо, указывая на мою тарелку и хватая картошку фри с тарелки Лолы.

- Он уже не так молод, ему полезно, - отвечает Харлоу.

И *по-прежнему* не смотрит на меня.

Вместо этого она кивает Оливеру:

- Так как там с проблемой Чудо-Женщины? - улыбаясь и нарезая свой кусок стейка, интересуется она. Черт, я тоже хочу стейк. - Есть улучшения?

Допивая пиво, Оливер качает головой.

- Лучше и не спрашивай.

Ансель, который до этого времени сидел, зарывшись лицом в шею к Миа, внезапно спрашивает:

- А что за проблема с Чудо-Женщиной?

- Господи боже, - говорит Лола. - У тебя тоже маленькое пристрастие к Принцессе Диане, да?

Харлоу хохочет, а Ансель краснеет до кончиков ушей.

- Я... Эм-м-м...

- У меня тоже на нее виды, - поедая луковое колечко, говорит Харлоу. - В Чудо-Женщине что-то есть, надо это признать.

- Я ничего не понимаю, - признается Миа.

- Конечно, не понимаешь. Ансель постоянно пытается высосать из тебя душу, как какой-то Дементор, - замечает Харлоу и шепчет в мою сторону: - Это герой из «Гарри Поттера», Солнышко, запомни.

Пока Оливер объясняет, Ансель краснеет еще больше.

- А вот интересно, там хоть кто-нибудь занимался сексом? - спрашивает Лола, и мы все пялимся на нее. - *Что?* Я просто говорю, может, кто-то устроил маленькое вуайеристическое свидание с порно для ботанов, - пожав плечами, предполагает она. - Я бы так и сделала.

- Ну ты-то конечно, - подытожила Харлоу.

- Ну, я не трахаюсь в том туалете, - говорит НеДжо. - На диване? Возможно.

- Никто не посмеет трахаться в моем магазине! - кричит Оливер и тут же добавляет: - Это и всех вас тоже касается, даже не думайте.

- Слава богу, там нет камер, - рассуждает НеДжо. - Представляете, какое страшное кино бы получилось? Приходят странные люди и устраивают жуткое реалити-шоу.

Я давлюсь пивом и кашляю так сильно, будто лишился легкого.

Все за столом подскакивают, руки взмывают в воздух, крышки и бутылки падают, словно домино, пиво и пена заливают все вокруг.

- Боже мой, ты в порядке? - спрашивает Миа.

Я снова кашляю и чувствую, как на спину ложится рука Харлоу, похлопывая и слегка поглаживая.

- Соберись, мужик, - бормочет она, и я киваю, ища салфетку, чтобы промокнуть рубашку.

- Он в порядке, - объявляет она остальным. - Не в то горло попало

Успокоившись, я откидываюсь на спинку, пью пиво и стараюсь не смотреть остальным в глаза. Я псих.

Я концентрируюсь на ощущении прижатой к телу Харлоу, это так естественно. Я все ждал, когда она меня сдаст или отпустит шуточку, но она сидела с совершенно непроницаемым лицом – холодная и сдержанная – и едва смотрела в мою сторону. И я не мог попытаться понять, она это специально или нет: она просто не смотрит на меня или она и в остальные дни так себя вела и не смотрела на меня?

Я «случайно» пару раз касался ее руки, потирался об нее коленом. Даже нагло стащил кусочек стейка из ее тарелки. Никакой реакции.

И чем больше я на нее смотрел, тем больше мне хотелось, чтобы она посмотрела в ответ, поговорила со мной, среди всех придурков выбирая меня. Мне нравится, как она общается с остальными, всегда фокусируется на одном человеке, не пялясь на него, не переигрывает во время флирта. Хотя зачем ей. Она же одна из самых красивых девчонок здесь. Ей совсем не надо за кем-то бегать.

Но... Она бегала за мной, напомнил я себе. В Вегасе, когда приехала ко мне домой и даже здесь. Блять, мне так *хочется* похвастаться этим.

И я хочу, чтобы она флиртowała со мной, хотя бы чуть-чуть.

У НеДжо вибрирует телефон, он выходит из-за стола и говорит, что ему уже пора.

Вскоре и все остальные последовали за ним. Я заметил, что Харлоу не брала в руки свой телефон в течение часа, но когда проверила, она сразу же изменилась в лице. Плечи осунулись, и она побледнела.

Харлоу практически не пила, но когда все расселись по машинам, она решила пойти домой пешком.

- Прокатиться не хочешь? – спрашиваю я.

Она вскидывает бровь, и я смеюсь.

- Я не это имел в виду, – говорю я. – Оллс и я едем вместе, можем подбросить тебя до дома.

- Вообще-то да. Было бы замечательно.

Ее поведение изменилось, но я не стал спрашивать. Перекинув сумку через плечо, она идет за нами до моего грузовика и садится на заднее сиденье, позволив Оливеру сесть впереди.

Мы едем в тишине, но я постоянно смотрю на ее отражение в зеркале. Было сложно ее разглядеть, только в редких вспышках света проезжающих машин или в свете городских фонарей, или когда она смотрела в свой телефон, но какая же она охрененно красивая. Я моргнул, когда увидел, что она смотрит на меня, и я только и смог, что отвернуться и снова смотреть на дорогу, чтобы не убить нас всех.

Не знаю, как так получилась, но мне *нравится* Харлоу Вега. Очень. Я уважаю ее. Мне хочется узнать ее поближе. Я хочу ее трахать, и не только потому, что моему телу иногда нужна разрядка.

Пиздец, ну я и влип.

Мы довольно быстро доехали до ее дома, и я выхожу, чтобы открыть ей дверь и помочь выйти.

- Спасибо, - говорит она.

Я киваю.

- Это тебе спасибо. За то, что выслушала, и... что это осталось только между нами.

- Без проблем. Ну, еще увидимся, - говорит она и через плечо добавляет: - Пока, Оливер.

Он выглядывает в окно, прощается с ней, а потом она уходит по тротуару к освещенному зданию.

Уходящая Харлоу Вега - это все еще мой самый любимый вид. И я определенно буду вспоминать его позже, когда доберусь до дома.

Мы с Оливером вернулись домой и после быстрых пожеланий спокойной ночи разошлись по своим комнатам. Не теряя времени, я одолеваю коридор в два огромных шага и закрываю за собой дверь. Я и не подозревал, что даже не хотел лечь на кровать или быть приличным мальчиком и сделать это в душе - я просто встаю у шкафа и вытаскиваю из шлевок ремень. Мой мозг, как в тумане, а мышцы напряжены, когда я быстро расстегиваю ширинку, чтобы достать член.

Облегчение было мгновенным, и я прошипел сквозь зубы и остановил руку, напоминая себе, что в соседней комнате Оливер, а стены тут картонные.

Если я закрою глаза, то все еще буду чувствовать, как бедро Харлоу прижимается к моему, ощущаемый сквозь джинсы ее жар, взмах ее волос, когда она тянулась через меня. Я делаю глубокий вдох и выдох, позволяя мозгу вспомнить все грязные непристойные мысли, которые я подавлял, с тех пор как мы решили быть только друзьями.

Я представляю, что вечер мог бы закончиться по-другому. Что я пошел бы к бару за выпивкой, а она последовала за мной, прося встретиться в туалете. Может быть, я трахнул бы ее у стены, когда ее ноги широко разведены, а обе ее руки я удерживаю своей. Я бы мог ее немного отшлепать, так чтобы на коже остался отпечаток моей руки, и она была бы такой мокрой для меня. И вокруг меня.

По моему лбу и спине бежит пот. Рубашка прилипла к телу, я снимаю ее через голову и бросаю вниз. Звук моей руки, сжимающей член, просто непристойный, а пряжка ремня позвякивает так, что слышно на весь дом. Но все это делает меня еще тверже, и выступившая на головке капля облегчает скольжение, делая мою руку влажной.

Я думаю о том, как мы трахались в последний раз, как прекрасно она выглядела связанной, и как сильно хотела этого. Интересно, у нее еще остались следы от веревки или нежные потертости на теле, после того как я ушел? Интересно, надавливает ли она на них, чтобы почувствовать немного боли, достаточной, чтобы вспомнить, как все было, и каково это - быть связанной и знать, что я позабочусь о ней.

Я почти одурел, когда это случилось: кончил со сдавленным стоном и прикусил губу, чтобы остаться тихим, пока мурашки бегали по всему телу. Я все еще дрожил, и кожа похлюпывала, пока длился оргазм, продолжая медленные ленивые поглаживания. Я дотянулся до рубашки, вытер руку, тремя шагами пересек комнату и упал на кровать лицом вниз.

И не открывал глаза до самого утра.

Глава 9

ХАРЛОУ

Я медленно и со страшной силой схожу с ума, даже не отрицаю это. Присутствие Финна рядом – даже когда за ужином он вел себя как полный засранец – стирает из памяти все другие беспокойства, а находиться с ним в одной машине – значит сойти с ума. Я улавливала аромат мыла и чистый запах его пота. Чувствовала на себе его взгляд на протяжении всей поездки, снова и снова ловя его в зеркале заднего вида.

После того как он высадил меня у дома, я *ласкала* себя, лежа на диване и думая о нашей совместной ночи именно на этом месте, после чего тут же уснула, не раздеваясь. Финна ведь не было рядом, чтобы отнести уставшую меня на кровать и уютно обнимать ночь напролет.

Утром, отказавшись от привычных дел второй раз за две недели, я пошла в Старбакс, где наткнулась на него в тот день приезда. Внимание, спойлер: его там не было.

А сейчас я стою у «Downtown Graffick» в надежде, что он здесь проводит свое утро вместе с Оливером. К сожалению, через окно я вижу Оливера за прилавком, но Финна рядом нет.

Черт.

Надо было сразу поехать к ним домой, раз уж я явно растеряла свою гордость. Хотя чего я ожидала? Каким образом с прошлой недели и до сегодняшнего дня наша ситуация стала похожа на отношения? Он живет в Канаде. Я в Сан-Диего. Моя мама усиленно борется с раком, а его семейный бизнес идет ко дну, пока он не подпишет бумаги на участие в гламурном реалити-шоу, в котором у него не может быть девушки.

Но все *другие* препятствия – те, что еще на прошлой недели казались такими значимыми: наши постоянные стремления поругаться или его диктаторские замашки – сейчас уже не кажутся столь важными. Мы стали мягче и нашли успокоение друг в друге. Плюс ко всему мне нравятся его игры со связыванием. Нравится, что работа руками и с веревкой делает его тем, кто он есть, и дико хочется быть частью его мира; он буквально укутывает меня им.

Меня увидел Оливер и помахал, чтобы я заходила. Ну вот, теперь мне нужно зайти и притвориться, что я ищу Лорелей, потому что иначе зачем бы мне заявляться в магазин комиксов? Мы с ней дружим уже достаточно давно, и она знает о моем отношении к поп-культуре, а вот Оливер уверен, что могу отличить Хелбоя от Эйба Сапиена только благодаря коллекции футболок Лолы.

Так, глубокий уверенный вдох: я здесь *только* потому, что ищу ее.

Когда я толкаю дверь, звенит маленький колокольчик.

– А, Лола, вот ты где.

Лола отрывается от чтения и хихикает. Оливер занят с покупателем, отдает сдачу и благодарит за покупку, после чего смотрит на меня:

- Он сегодня уехал в Л-А.

- *Блин*, - бормочу я. - Попалась.

Мой пульс ускоряется от мысли, что Финн один поехал в Лос-Анджелес на встречу с представителями телеканала. У него самый сильный инстинкт выживания из всех, кого я знаю, но сердце немного защемило от того, что он не позвал меня с собой для моральной поддержки.

Ох-х, я определенно. Со страшной силой. Схожу с ума.

- А ты разве не работаешь сегодня? - интересуется Лола.

- Нет, - отвечаю я и сажусь на стул рядом с ней. - Я изменила расписание, потому что с сегодняшнего дня у мамы начинается химиотерапия, но потом папа сказал, что я смогу ее увидеть только завтра.

- И кем же ты работаешь, Чендлер Бинг [14]? - смеясь, спрашивает Оливер.

Я испуганно смотрю на него. Не думала, что у него была возможность нас услышать, и на секунду запаниковала, что упомянула про мамино лечение. Но Оливера это совсем не удивило. Либо он не слышал эту часть нашего разговора, либо Лола давно ему все рассказала, но он понимает, что не может со мной обсуждать эту тему.

Интересно, а он рассказал Финну об этом? Если да, почему Финн ничего не спросил?

- Статистический анализ и реконфигурация данных, - вру я, подыгрывая ему. - А что Финн забыл в Л-А?

- Без понятия, - отвечает он, и мне так нравится, когда из-за своего акцента он добавляет «р» на выдохе в конце каждого слова, оканчивающегося на гласную. Он хмурится. - Он не особо говорил, с какой целью приехал. Финн - один из тех типов людей, кто окутаны тайной. Знаешь, весь такой скрытный.

Я уже готова была дать самой себе пять, ведь я знала то, о чем не был в курсе Оливер. И это при том, что он знает Финна лучше всех. Хотя мы немного обсуждали его работу и семью, сексуальная же жизнь Финна всегда была для меня загадкой, и чем больше я хочу его видеть, тем меньше мне нравятся мысли о Финне с другими девушками, делающего с ними то, чем мы занимались у Оливера дома или на моем диване. Наши действия были похожи на туманный фильм, где демонстрировалась вся интимность и мой новый взгляд на секс.

И вот к чему это меня привело: я стою одна в магазине, а его нет. Но я не упущу возможность узнать о нем побольше.

- Значит, ты не в курсе, что здесь делает Финн уже пару недель? - я решаю начать издали, о *работе*. - Но, кажется, он сам руководит своим семейным бизнесом, да?

Оливер кивает:

- Его мама умерла, когда ему было двенадцать, так? Потом пару лет спустя у отца был сердечный приступ, и вот Финн стал всем управлять.

- Наверное, в таком положении трудно с кем-то встречаться? - *Унс*. Мой продуманный план медленно и верно пошел ко дну.

Лола фыркает, сидя рядом, переворачивает страницу комикса и все еще не смотрит на нас, а Оливер окидывает меня подозрительным взглядом.

- Я знаю, Финн бы мне все рассказал, - уверяю его я. - Если бы я спросила.

Оливер продолжает изучать меня и проводит пальцем по нижней губе.

- Ну так и спроси *его* об этом.

- Не хочу, чтобы он знал, что мне это интересно, - отвечаю я с лицом Капитана Очевидности. - Ну же, Оливер!

Смеясь он отвечает:

- Вы двое сами все запутали.

- Да? Это почему же? Что, только у нас могут быть секреты? - я показываю взглядом на Лолу, которая все еще читает, сидя позади меня.

Оливер смотрит на меня так, что я понимаю: попала в точку.

- Справедливо.

Он только что в слух подтвердил, что ему понравился Лола. *Вот я молодец!*

- К тому же, - продолжаю я, закручивая волосы на макушке в пучок, - я не так хорошо его знаю, как ты. Но все мы в курсе, что он рыбак и постоянно работает, и скорее всего, время у него есть только на перепих со шлюховатыми канадскими хоккейными фанатками, которых он встречает в местном баре.

- Он не спит с *фанатками*, - слегка обидевшись, заявляет Оливер.

Так, уже неплохо.

- Значит, просто вереница девушек на пристани, да?

Оливер хмурится.

Я сцепляю пальцы у себя за головой и улыбаюсь ему.

- А ты облегчаешь мне задачу.

Он начинает раскладывать квитанции.

- Не могу поверить, что ты была замужем за ним двенадцать часов, потом оседлала его у него дома в Канаде, оба дурачитесь тут последние две недели, и вы все еще не смогли обсудить эту тему.

- Мы больше не дурачимся, - говорю я. Когда он удивленно смотрит на меня, я поясняю: - У нас это слишком хорошо получалось. *Слишком* отвлекало.

И вот сейчас я ясно понимаю, что Лола все ему рассказала про мою маму. Он смотрит на меня с сочувствием и сожалением.

- Точно. Прости меня, Харлоу.

- Да ладно. С ней все будет хорошо.

- Зная твою маму, я уверен, что будет, - он нагибается, чтобы поднять что-то из-под стола, и все, что я могу сделать в этот момент - это сдержаться и не броситься его обнимать за такую уверенность. С тех пор как переехал в Сан-Диего, он раза три встречался с моей мамой - один раз во время барбекю, потом на вечеринке по поводу официального возвращения Миа и на дне рождении Грега, отца Лолы. И я могу сказать, что между ними была какая-то невербальная связь, когда встречаются два спокойных человека и сразу *ладят*.

- Я никому, кроме девочек, об этом не рассказывала, - многозначительно говорю ему я. Он поднимается, кивает и показывает, что его рот *на замке*. - В любом случае, рассказывай про его постоянную девушку.

Смеясь, Оливер отвечает:

- Вот же настырная. Да *нет* у него девушки. Я больше чем уверен, что длительные отношения - не его конек, и он скорее предпочитает сюрпризы в плащике, так же, как и ты, кстати.

Я задумалась об этом на минутку. Я действительно такое предпочитаю? Моя выходка с плащом и не больше двух свиданий? Раньше, может, так и было. Самые долгие отношения у меня длились четыре месяца, когда я в колледже встречалась в Джексоне Фордом. Они не продлились дольше, потому что я уехала к папе на съемки в Грецию, а еще проводить время с Джексонем было так же увлекательно, как читать этикетку на шампуне. Я всегда считала, что хочу отношений. Просто мне попадались не те парни, и все заканчивалось, не успев толком начаться.

Лола толкает меня локтем.

- И с чего это ты начала искать причины, почему вам не суждено быть вместе?

- Наверное, потому, что он ужасен, - вру я.

Она издает фыркающий смешок.

- У него фигура настоящего мужчины, занятого физическим трудом, сдержанное чувство юмора, и он просто помешан на идее доводить тебя до оргазмов. Какой *кошмар*.

Лола всегда была моим голосом разума.

- Ну ты и засранка.

- Ты так всегда говоришь, когда я становлюсь голосом твоего разума.

- Брысь из моей головы, ведьма! И не доставай меня, - предупреждаю я. - Иначе на Рождество подарю трусы на размер меньше, и ты возненавидишь весь мир.

- Ты подумай вот о чем, - встревает Оливер, обходя прилавок и теперь стоя лицом к нам. - Ты же совсем не его тип, поэтому даже хорошо, что вы перестали все усложнять.

- Что? - я сбрасываю свою маску беспечности. - Почему?

- Потому что ты излишне стервозная, этакая мегера, - я открываю рот, но Лола опять пихает меня локтем, на этот раз посильнее. - Да и Финн не шляется направо и налево, за все время я виделся только с одной его бывшей, Мелоди, и...

вернуться

14

Chandler Muriel Bing - герой сериала «Друзья»

- Прости, - перебиваю я его, подняв руку, - ты сказал, *Мелоди*?

Он выразительно приподнимает брови, показывая, что был прав насчет меня, и я прикусываю губу, чтобы больше ничего не говорить.

- Они встречались пару лет до и после нашей программы Разъезжай и Сооружай. Она была милой и очень тихой... - он наклоняет голову и подмигивает, намекая, что я не такая уж и тихоня.

- Но сейчас-то они не вместе, - напоминаю я ему.

- Не-а.

- Так может, он *не любит* тихонь. Может, ему как раз и нужна испано-ирландская злющая рыжая, которая сможет выбить из него все его деспотичное дерьмо.

- В любом случае, сейчас это уже не важно, - с легкой улыбкой отвечает Оливер.

«Сегодня встречаемся в "Царской гончей", - пишу я Финну, придя домой. - Лола, Оливер, я, Неджо. Ты с нами?»

Уставившись в телефон, я почти минуту ждала его ответ, но в ответ тишина. Конечно, Финн один из тех парней, кто забывает, взял ли он телефон или нет, пока уже под конец дня не обнаружит пустоту в кармане, но обычно он часто его проверял, поэтому я ждала его быстрый ответ.

Через час он так и не ответил.

Я опять пишу:

«Как все прошло? Жду не дождусь услышать твой рассказ».

Опять нет ответа. Может, он за рулем. Или встреча затянулась. А может, он сидит за большим столом и подписывает контракт.

Лола и Оливер заехали за мной на его стареньком Ниссане, и я смотрю им в затылки, пока они болтают без умолку про его магазин, ее почти выпущенную книгу и о своих любимых комиксах.

И как они еще не догадались, что созданы друг для друга?

Мне так хочется кричать об этом, чтобы эхо разнеслось по машине, но страх, что Лола укокошит меня голыми руками, заставляет все держать в себе. Когда мы подъезжаем к бару, я пулей вылетаю из машины, почти сорвав дверь с петель, и несусь к тротуару, чтобы глотнуть свежего воздуха вместо этой нескончаемой милоты в стиле Лолы-Оливера.

Но мое сердце тут же замирает, ведь у обочины я замечаю припаркованный грузовик Финна. Он был чистым – наверное, помыл перед поездкой в Л-А – и пустой. Видимо, он уже внутри. И не отвечает на мои сообщения.

Хоть я и искала его целый день, но в этот момент, глядя на его огромный устрашающий грузовик, я удивляюсь, что он его помыл, и понимаю, что поражена. Да, именно так. Мне нравится он сам и секс с ним, но я еще никогда ничего подобного не испытывала по отношению к парню: жажду, страх, надежду и покалывающий трепет желания.

- И что это на тебе сегодня?

Я оборачиваюсь и вижу стоящего у входа в бар Финна с усмешкой на лице. Он наклонил голову, его взгляд слегка встревожен, и то, как он меня разглядывает, вызывает мурашки на моих руках. Лола и Оливер проскользнули мимо него и вошли внутрь.

Я следую за его взглядом и смотрю на свою грудь. На мне синий шелковый топ на лямках с разноцветными вышитыми вручную птицами и узкие потертые джинсы. Я потратила почти час на сборы, в чем не признаюсь даже под пытками.

- Простите, сэр, но это великолепная кофточка.

- Она вся в *птичках*.

- Ой, не тебе читать мне лекции о моде. Сам-то вечно носишь одну и ту же старую бейсболку и пару футболок, – говорю я, пока иду за ним в бар к нашему столику в конце зала.

- По крайней мере, на них нет птичек, – он указывает на столик, протягивает мне стакан воды, а себе берет пиво. Он тут давно и сидит за *нашим* столиком? Моя внутренняя девочка-припевочка визжит от восторга. – И вообще, ты могла бы и заметить, что я сегодня не в футболке.

Да, сегодня не в ней. В собственном воображении я уже танцую грязные извращенные танцы вокруг этого мужчины, но в реальности спокойно его разглядываю. Сегодня на нем отглаженные черные брюки и белоснежная рубашка с мелким серым рисунком.

- Ну как, одобряешь? – тихо спрашивает он, вроде дразня, а может, и нет.

- Пожалуйста, не могли бы мы сфокусироваться на более интересной теме? – прошу я. – Например, в связи с чем это ты так разоделся?

Он смотрит мне через плечо, где всего в полтора метрах стоят Оливер и НеДжо.

- Не сегодня.

- Но как все прошло?

Он подносит пиво к губам и предупреждающе смотрит на меня.

- Ничего? - возмущенно шепчу я. - Совсем ничего не расскажешь?

- Нет.

Хотела бы я, чтобы мой драматический приемчик под названием «не подходи и не трогай, я надулась» сработает с Финном, но я знаю, что так не будет. И мне все еще нравится, как он смотрит на меня. Однако... сейчас он смотрит не на мою блузку, а на волосы.

- Что? - спрашиваю я.

- Сегодня у тебя волосы особенно рыжие.

- Я нанесла немного временного тоника, - я поворачиваюсь к свету, чтобы он получше рассмотрел. - Тебе нравится?

- По-моему, ты не все смыла, на лбу осталось.

Расстроившись, я опускаю палец в воду и начинаю оттирать там, где он указал.

- Боже правый, Финн Робертс, ума не приложу, как тебе удалось встречаться с Мелоди больше недели, - я не обращаю внимания на его удивленный взгляд и продолжаю: - Ты должен был сказать, что я прекрасно выгляжу, и сделать вид, что прикасаешься к моему красивому лицу, в тот момент убирая все, что заметил.

- Ничего я не *должен*, - он хмуро улыбается. Откинувшись на диван, Финн говорит: - Я просто друг, который любит указывать на все твои нелепости. Ты покрасила волосы, Харлоу? Серьезно?

- Иногда девушке надо кое-что в себе улучшить, доволен?

Его выражение становится нейтральным, и он отворачивается, глядя на маленький танцпол.

- Тебе не надо. Ты прекрасна даже по утрам, - я задерживаю дыхание. Я точно знаю, про какое утро он говорит: когда мы проснулись вместе. Обнявшись, и в моей постели. Я до сих пор помню, каким он был теплым.

- Тогда я удивлена, почему ты не прокомментировал след от подушки на лице или запах изо рта.

- У тебя и правда были следы от подушки, и волосы в полном беспорядке, - понизив голос, он добавляет: - Но ты была идеальна.

Я слишком ошеломлена, чтобы говорить, и поэтому просто продолжаю пытаться сглотнуть комок в горле; кажется, что сердце увеличилось в груди раз в десять.

Он кашлянул, заметив, что я долго молчу, и решает сменить тему.

- Кто тебе рассказал про Мелоди?

Я отпиваю воды и наконец отвечаю:

- Оливер, но он ни в чем не виноват. Я все выпытала.

Финн кивает, делая еще один глоток пива. Кайл включил музыку погромче, но даже сейчас

кажется, что мы находимся в своем маленьком мирке, хотя наши друзья сидят всего в метре от нас.

- Я узнала только ее имя и что она была тихоней, - признаюсь я. - Ты расскажешь о ней?

- А с чего это тебе вдруг стало интересно?

- Наверное, по той же причине, по которой ты спрашивал, облизывал ли меня Тоби Амслер.

Он поднимает на меня взгляд.

- Что ты хочешь знать?

- Она все еще живет рядом с тобой?

Он кивает.

- Мы вместе учились в старших классах и начали встречаться спустя пару месяцев после окончания. Ее семья владеет местной пекарней.

- Вы были влюблены друг в друга?

Финн пожимает плечами.

- Тогда я был совсем другим. Как только мы сошлись, я бросил универ и начал рыбачить с семьей, - вспомнив мой вопрос, он добавляет: - Да, я любил ее.

- И до сих пор любишь?

- Не-а. Хотя она, конечно, милая девушка.

Я понимаю, что спрошу, не зависимо от того, хочу ли знать ответ или нет.

- Милая девушка, с которой ты до сих пор спи...

- Нет, - спокойно перебивает он. Его взгляд возвращается ко мне, и он медленно осматривает мое лицо. - Мы с Мелоди расстались пять лет назад, сейчас она замужем, с ребенком, - и, к моему удивлению, он бормочет: - Дома у меня никого нет, Харлоу, уверяю тебя.

Снова сглотнув, я киваю.

- И если ты помнишь, - продолжает он уже более сильным голосом, - именно *ты* переспала с другим мужиком за день до того, как снова была со мной.

Черт.

- Ты хоть представляешь, как это меня бесит? - спрашивает он.

Если честно, даже боюсь представить. Он расстался с Мелоди пять лет назад, и кажется, мне хочется расцарапать ей лицо. Это просто нелепо. *Я - нелепая.*

- Я знаю, что между нами ничего нет, и мы просто друзья, - говорит он. - Но не потому что секс не был действительно хорош, Харлоу. До тебя в Вегасе прошло два года. И до тебя у меня было всего четыре женщины и никаких серьезных отношений, так что все это сейчас странно

для меня. Я могу тебе обо всем рассказать, идет? Когда я знаю, каково это – отчаянно хотеть знать каждую мелочь, я готов все тебе рассказать. Только спроси меня, а не моих друзей. Мне хочется, чтобы мы все выяснили между собой.

Что это за безумная буря эмоций? Я на грани обморока, чувствую облегчение, вину, и потребность поцеловать его идеальный рот.

Я пожимаю плечами и говорю:

- Мне не хотелось, чтобы ты знал, что мне это интересно.

Финн смеется, подносит пиво к губам и говорит:

- Социопатка, – и делает большой глоток.

- И скольких ты связывал?

Он сглатывает и смотрит мне в глаза. Я замечаю, что после моего вопроса у него на шее участился пульс. Я вижу, как он бьется. Его голос выходит более хриплым, нежели обычно, когда он признается:

- Всех.

Моя кровь превращается в ртуть, бурлящую и ядовитую.

- Всех?

- Да, Харлоу. Я... Мне это *нравится*, – он опускает голову и потирает заднюю часть шеи, глядя на меня сквозь ресницы. – И я уверен, многие на это соглашались, только чтобы быть со мной, а не потому что им самим нравилось.

- А кому-нибудь из них все же нравилось?

Он кивает.

- Может быть, моей первой.

- А как ее звали? – ничего не могу поделать. Вопросы так и сыплются из меня, до того как я соображаю, о чем спрашиваю.

Он немного отходит от стола, и я следую за ним.

- Эмили.

- Но ты не уверен, что она это любила? – это так странно: сидеть с друзьями в баре у Фреда и вести с Финном наш самый интимный разговор.

- Честно говоря, – тихо начинает он, – я не знаю. Вернее, думаю, что нравилось, только мне бы хотелось знать, как она воспринимает эти ночи сейчас. Она переехала после окончания, но мы были вместе чуть больше года до этого, – он отворачивается. – Единственным местом, где мы могли уединиться, была старая весельная лодка отца на пристани. Мы тогда украли пиво у ее отца. Я просто баловался с ней, с веревкой, и это было... – он молчит, но потом просто говорит:
- М-да.

Я снова киваю, отпивая воду. И кажется, понимаю, о чем он хотел сказать. Он видел, как его девушке нравится, что его возбуждает, и это переросло в то, кем он стал. Но я действительно не хочу, чтобы он продолжал говорить об этом.

- Тем утром, когда я увидел тебя в Старбаксе... - начинает он. И я жду, что он продолжит, но он молчит.

- И? Что насчет того утра?

Он пожимает плечами и награждает меня «*мне-что-правда-надо-объяснять?*» взглядом.

- Я заметил, что ты выглядела растрепанной, но мне не показалось, что ты была расслабленной.

- А, ладно. Нас разбудила его мамочка, - говорю я. - Собственной персоной. Это был второй худший секс в моей жизни.

Он громко и радостно хохочет.

- А с кем был первый?

- С *моим* первым. Сейчас я понимаю, что он был крошечным, хотя было больно. Клянусь, оказалось, что меня лишили девственности маленькой морковкой.

- И о чем вы тут разговариваете? - появившись из ниоткуда и встав рядом со мной, интересуется Лола.

Финн едва может успокоить свой смех.

- Поверь, тебе лучше не знать.

- О маленьких морковках, - отвечаю я с понимающей улыбкой.

Лола кивает и улыбается ему.

- Прелесть, правда? Бедный Джесси Сандовал.

- А наша девочка настоящая поэтесса, - соглашается Финн.

Наша девочка. Это облегчает маленький болезненный укол, который я все еще ощущаю, когда вспоминаю, как Финн рассказывал мне о своем теле-шоу и по какой причине он не хотел делиться этим с *близкими* ему людьми.

Подходит Оливер и присоединяется к нашей маленькой компании.

- И почему мы сегодня стоим? Обычно Харлоу любит сидеть и швырять вещи через весь стол.

Я смеюсь, потому что это правда.

- У тебя просто жуткие способности Крокодила Данди [15].

- Я ниндзя, - Оливер поправляет свои съехавшие на нос очки, и мы все хохочем. - И ты знаешь, как сильно я люблю твои узкие познания об австралийской культуре.

- Я стараюсь.

За ним на диване все еще сидит НеДжо, пританцовывая на сиденье и пялясь на группу студенток на танцполе.

- Оливер, тебе и НеДжо непременно нужно подкатить вон к тем дамам.

- А почему не с Финном? - с понимающей ухмылкой спрашивает Оливер. - Он тоже холостой.

Я качаю головой.

- Конечно, холостой, но посмотри, как он сегодня нарядился. Будет, как в фильме «Ночь в Роксбери», и все будут его стесняться. - Финн, конечно же, откажется танцевать, а если и нет, амазонка внутри меня решает, что он должен быть со мной и только со мной. По крайней мере, пока не уедет.

Внезапно я чувствую панику. Финн завтра уезжает? Он побывал на встрече в Л-А, значит, ему пора?

Смеясь, Оливер смотрит на танцпол, но перед этим мельком оценивает реакцию Лолы.

- Эти цыпочки маленькие.

- «Маленькие» - это молоденькие? - уточняю я и наклоняюсь, чтобы получше их разглядеть. Девушкам явно было больше двадцати лет. - Или низенькие?

- Очень низенькие.

- Но посмотри на себя, - говорит Лола. - В тебе больше 190 см. По статистике тебе положена девушка ростом в 160.

- Это сейчас убило всю мою логику, - с улыбкой отвечает ей Оливер.

- Так, дружок, раз ты не танцуешь, неси мне еще пива, - заявляю я.

- Я бы пошел, но уверен, что парализован от пояса до пальцев ног.

Я шутя толкаю его.

- Тогда пусть Лола с тобой сходит. Ей надо еще выпить.

Лола начинает протестовать, что ей хватит, но все равно идет с ним, а я за ними наблюдаю. Она высокая, а он все равно возвышается над ней и наклоняется в ее сторону, когда они идут, словно примагниченные друг к другу. Интересно, а Оливер в курсе, что, позволяя ему это делать, Лола считает его одним из своих. В этот частный закрытый клуб входим только я, Миа, папа Лолы, мои родители, а теперь и Оливер.

- Он никогда не попробует, - говорит позади меня Финн, и я понимаю, что он говорит об Оливере, что тот не попробует ухаживать за Лолой. - Он убежден, что ей это не интересно.

- Я не уверена насчет нее, да, - соглашаюсь я. - Все дело в том, что Лола не увлекается парнями, она больше думает о работе.

Он согласно хмыкает.

Полностью развернувшись к нему, я говорю:

- Смотри, они уже подошли к бару, НеДжо практически в отключке, и он не услышит нас из-за музыки. Ты можешь расслабиться и рассказать, как прошла встреча?

Финн проводит рукой по лицу и глубоко выдыхает, убедившись, что его никто не услышит.

- Мне они понравились. То есть они, конечно, два идиота, расспрашивали о нашей личной жизни, каких женщин мы пригласили бы на свидание, - он игнорирует мою победную лунную походку, и продолжает: - Но парни, которые будут продюсировать шоу, настоящие профессионалы. Они проделали подготовительную работу, узнали все про нашу сферу, и... - он вздыхает, - они мне *понравились*. Их идеи не совсем ужасные.

- Тогда почему ты выглядишь таким несчастным? - мое сердце начинает немного побаливать. Вдруг понимаю, что пока наблюдала, как все это его угнетает, я искренне захотела, чтобы он был счастлив.

И с каких это пор меня больше волнует его счастье, а не собственные оргазмы? Лола не единственная, кто впустила одного из этих парней в свой внутренний круг. Теперь Финн официально один из Моих Людей.

- Потому что мне проще быть категорически против этого, - отвечает он. - Этим утром это была *ни к чему не обязывающая* встреча. А сейчас я понимаю, что это одно из простых решений. Альтернативой было бы потерять наш бизнес и остаться ни с чем.

вернуться

15

"Crocodile" Dundee - герой фильма про австралийского следопыта, снятый в 1986 г.

Пусть это звучит немного драматично, но именно сейчас я понимаю, что это значит - лишиться всего. Мама только закончила свой первый день химиотерапии - цель этого лечения успеть убить раковые клетки, прежде чем они убьют маму - и все, что у меня есть, это пара сообщений от папы, что она хорошо себя чувствует.

Финн борется, возможно, с самым трудным решением в своей жизни. А я только сейчас осознала, что он - Мой человек, и сейчас я полна сил помочь ему пройти через все это.

Это хреново, ведь на самом деле я знаю, что нас обоих сделает счастливыми: наши голые тела, переплетенные в постели. И чем больше я понимаю, что у меня к нему настоящие чувства, тем больше уверена: я не смогу провести с ним эту ночь. Финн будет первым парнем, с кем я занималась сексом, при этом испытывая к нему любовь. Ох.

Он пожимает плечами, засовывая руки в карманы.

- Ну как-то так.

У меня немного кружится голова, я заставляю себя дышать и сконцентрироваться на разговоре. С собственными проблемами разберусь позже.

- Так когда ты возвращаешься домой? - стараюсь звучать легко и непринужденно, интересуюсь

я.

- Через пару дней.

В груди резко заныло.

- У-у-у.

Он улыбается, не отводя взгляда от моего рта.

- Ты признаешь, что будешь скучать по мне, Имбирная Печенька?

Я показываю ему средний палец и не отвечаю.

Глава 10

ФИНН

Харлоу заявила ранним утром, умудряясь держать в одной руке поднос с тремя стаканчика кофе на вынос, а в другой бумажный пакет.

- Доброе утро, Солнышко! - щебечет она, проходя мимо меня в гостиную. - Я принесла завтрак.

- Сейчас семь утра, Печенька, - бормочу я, почесывая подбородок. Я два дня не брился, стою без рубашки... Ей вообще повезло, что я нацепил хотя бы штаны. - Что ты здесь делаешь?

- Нам нужно устроить мозговой штурм, - она идет на кухню и шепотом спрашивает: - Оливер еще дома?

В этом старом доме довольно прохладно. Деревянные полы ощущаются прохладными под моими босыми ногами, когда я плетусь ей вслед.

- Он в душе.

По крайней мере, я так думаю. Дома я просыпался до рассвета и уходил на пристань. Но эта пляжная жизнь избаловала меня и потакала моим свиным желанием подольше поспать. Хотя сомневаюсь, что хоть раз за последние двенадцать лет я спал хотя бы до семи утра. Сегодня я ждал, когда Оливер уйдет, чтобы позвонить братьям и рассказать о вчерашней встрече с продюсерами.

Но все мысли о них тут же испарились, когда я повернулся и увидел нагнувшуюся над раковиной Харлоу и ее идеальную попку в обтягивающих штанишках для йоги.

Не обращая внимания на то, как я пялился, она выпрямилась и начала шарить по шкафам.

- А где тарелки?

Я пересекаю комнату и встаю прямо позади ее, тянусь к дверце над ее головой и достаю желтые тарелки. Харлоу сначала замирает, схватившись руками за край столешницы, и лишь потом расслабляется, откинувшись на мою грудь.

- Вот, держи, - говорю я, наклоняясь, чтобы голос прозвучал прямо у нее в волосах.

Она так вкусно пахнет, ее попка прижата к моему члену, и мне срочно нужно отступить на шаг, прежде чем она почувствует, что я начал твердеть и возбуждился, как семнадцатилетний мальчишка. Я отодвигаюсь и сажусь у маленького кухонного островка, поставив свои босые ступни на планку барного стула.

Ей потребовалась минутка, чтобы прийти в себя, я усмехнулся, когда она неуклюже поставила тарелки и открыла пакет.

- Ты выглядишь запыхавшейся, Печенька.

Она поднимает голову, готовая убить одним взглядом.

- А по какому вопросу у нас мозговой штурм? - интересуюсь я, катая апельсин по прилавку. В желудке урчит от голода, когда я вижу, как она заглядывает в пакет и достает оттуда самую большую в мире липкую глазированную булочку с корицей.

- Твоя ситуация, - громким шепотом говорит она и шлепает меня по руке, когда я попытался макнуть палец в глазурь.

- Моя ситуация?

- Красавчики Тихоокеанского Побережья. Соображай быстрее, Финниус.

Я закатываю глаза.

- Ты же знаешь, что это не так будет называться.

- Только потому, что ты не интересовался моими идеями.

- Поскольку я безумно рад, что ты принесла мне поесть, не могли бы мы обсудить эту тему попозже? Ну, знаешь, когда солнце встанет.

- А солнце уже встало.

- Едва ли.

Игнорируя меня, Харлоу ставит передо мной кофе и булочку с корицей.

- Мне лучше думается, когда я бегаю, - говорит она и открывает свой кофе. - И у меня миллион идей.

Я наклоняюсь вперед и откусываю от теплой липкой выпечки, и - богом клянусь - мне показалось, что у меня закатились глаза.

- Охуеть, это самое вкусное из всего, что я когда-либо пробовал, - не раздумывая, я встаю, обхожу стол, кладу ладони на ее лицо и целую.

Это должно было тут же закончиться. Простой дружеский чмок в благодарность. Но удивленный вздох Харлоу быстро превратился в мягкий стон, а ее ладони легли на мой голый живот. По венам растеклось тепло, и я почувствовал каждую точку, где соприкасаются наши тела: ее груди прижаты к моей груди, руки на моей коже, а губы движутся в такт с моими.

Я отступаю назад, прерывисто дыша, а Харлоу покашливает.

- Ты на вкус, как корица, - облизывая губы, бормочет она.

- И вам тоже доброго утра.

Мы резко поворачиваем головы в ту сторону, где, скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку, стоит Оливер. Он почесывает щеку и смотрит чертовски глумливым взглядом.

Я роняю руки по швам и отхожу назад.

- Просто благодарю мисс Харлоу за завтрак.

- Я оскорблен, Финн. В прошлый раз я готовил *ужин* и заслужил хотя бы шлепок по заднице. А тут такое.

- Ха, ну да, - возвращаясь на свое место, говорю я.

Оливер потянулся за едой, и Харлоу предложила ему кофе и полупустой пакетик.

- Хочу сначала извиниться за выходку, но не один мужчина не смог бы устоять, - говорит он и кивает мне. - Но спасибо, зверушка, - он наклоняется и целует Харлоу в щеку.

- Там еще один для НеДжо, - говорит она, и не знаю, как, но наблюдая за этими двумя, я потихоньку начинаю понимать, что хотел бы так проводить каждое утро. - Передай ему, что я ожидаю от него приватный танец в баре у Фреда.

Я застонал, а Оливер рассмеялся.

- Обязательно передам. Детки, ведите себя хорошо.

Мы оба наблюдаем, как Оливер уходит с кухни и сидим в тишине, ожидая, когда за ним закроется входная дверь, после чего слышим звук его отъезжающего Ниссана.

Харлоу переносит тарелку и кофе на стол и садится рядом со мной, переплетя свои ноги с моими.

- Кстати, выглядишь дерьмово, - заявляет она и смотрит на мой рот, будто хочет облизать его.

- Да ты не лучше, - я смотрю на ее идеальные сиськи, такие дерзкие и трахабельные в этом спортивном лифчике. - Мне даже стыдно за тебя.

Она наклоняет голову, показывая свою загорелую длинную шею.

- Что, так плохо?

- Просто отвратительно, - я протягиваю руку и вытираю маленькое пятнышко глазури с ее нижней губы.

Она следит взглядом, как я кладу палец в рот, слизывая глазурь, и мне приходится отвернуться, чтобы немного собраться. Это не похоже на то, чтобы, оставшись одетыми, мы продолжали чисто платонические отношения. Это скорее похоже на то, что она окажется задницей кверху на диване и будет отшлепана и оттрахана в течение всего дня без остановки до самого вечера.

Так странно - находиться рядом с ней, есть в тишине и чувствовать при этом себя... нормально. Это стоит запомнить: секс с Харлоу бесподобен, но быть с ней друзьями тоже не такая уж и плохая идея.

- Спасибо за завтрак, - вытирая рот салфеткой, говорю я.

- Без проблем. Как я и сказала, я лучше думаю, когда бегаю, и, к несчастью для моей наполовину латиноамериканской задницы, в конце лучшего бегового маршрута в Ла-Хойе есть пекарня. А сейчас давай вернемся к основной цели моего визита: решению твоей проблемы.

- Я тебе очень признателен, но не хочу, чтобы ты...

- Заткнись. У меня идея.

Очевидно, Харлоу была полна решимости, поэтому я решаю над ней подшутить. Вместо того чтобы убеждать ее не беспокоиться, ведь я уже многое обдумал, я хватаю сердцевину ее булочки и кидаю в рот.

Она хмуро смотрит на меня.

- Это был самый вкусный кусочек. Ты зло.

- М-м-м, - промычал я.

Она разворачивается на стуле и лицом ко мне.

- Как насчет туристов? Катать людей на лодках.

Я проглатываю и запиваю кусочек остатками кофе.

- Не пойдет.

- Почему?

- Промышленная лодка - это опасное место, Печенька. Падают вещи, повсюду натянуты веревки, люди будут спотыкаться. Я ни за что не позволю толпе придурков бегать по судну.

- Ладно, - говорит она. - А что насчет инвесторов?

- Ты считаешь, я не думал об этом?

- Можно найти людей, которые...

- Люди вкладывают деньги, только чтобы *заработать*. К сожалению, рыбная ловля - не та сфера, которая моментально окупается, - объясняю я ей. - Государство, изменения климата, болезни - все это влияет, и, как я замечаю, со временем лучше не становится. Я не могу брать кредит, если не уверен, что могу его отдать.

Я чувствую, как вся эта правда тяжелым грузом оседает у меня на плечах. Но другого пути нет. Нам с братьями никогда не познать той жизни, что была у отца и деда. Но мы должны с этим справиться. Умный человек все бы бросил, продал, разделил деньги и зажил бы новой жизнью где-нибудь еще. Но это же наша гребаная история - все, ради чего моя семья работала и жертвовала, чем занимался отец после маминой смерти - и именно это меня и останавливает.

- Верно, - признает она. - Это имеет смысл. Может, попробовать ловить что-то еще?

- Мы уже этим занимаемся. Мы ловим нерку, горбушу и кету, сельдь, палтуса и моллюсков, - рассказываю я и останавливаюсь, видя, как ее лицо осунулось. Я чувствую себя виноватым, ведь она потратила время, размышляя на эту тему, а я просто отмел одну за другой все ее идеи.

Но Харлоу не была сама собой, если ее можно так легко остановить.

- Ладно, тогда будем искать решение вне лодки.

- Вне лодки, да?

- Ага, давай посмотрим... - она наклоняется вперед, коленями прижавшись к моим, и рукой поглаживает мое бедро. Я все еще без рубашки и, клянусь, даже на расстоянии ощущаю тепло ее тела. И мне интересно: она тоже это чувствует, или только я один так напряжен, что могу посчитать разделяющее нас расстояние в миллиметрах.

- Что думаешь про футболки?

Я моргаю.

- Футболки?

- Ага, создадим твою собственную линию одежды. Представь себе глянцевую рекламу с тобой и красавчиками-братьями. Ты стоишь в середине, на тебе плотно сидящая футболка...

- Ты что, сейчас со мной заигрываешь?

- Возможно, немного, - говорит она и постукивает по моему носу указательным пальцем. - А все потому, что ты такой милый по утрам, - она садится прямо и продолжает: - Так вот, представь: ты, весь такой накаченный, в футболке, на которой изображена указывающая вниз стрелка со словами «РОБЕРТСЫ. С ОТЛИЧНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ. ЗНАЮТ, КАК НАСАЖИВАТЬ».

- Указывает вниз, - уточняю я.

- Да.

- На мой член?

- Да.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и считаю до десяти.

- Имбирная Печенька. Милая, - начинаю я, сокращая дистанцию между нами. - Поверь мне, ты даже не представляешь, как много я обо всем этом думал. Я рассмотрел все варианты.

- Все?

Кивая, подношу кофе к губам.

- А ты не хочешь продавать сперму?

Закашлявшись, я бормочу:

- Прости, что?

- Сперму. Семя. Протеиновый коктейль. Любовный сок. Брызги члена. Крем для ли...

- Харлоу.

- Что? Ты сам сказал, *все варианты*.

- Зачем... - начинаю я и трясую головой. - Подожди, ты что, сейчас хотела назвать это *кремом для лица*?

Она кивает.

Я снова качаю головой, чтобы отогнать возникающие визуальные образы.

- Какого черта я должен стать донором спермы?

- Не могу поверить, что ты задаешь такой вопрос. Ты в зеркало давно смотрелся? А братьев своих видел? Да вы же чертов образец генофонда. Эх, будь я старой девой с Золотого Холма, я бы купила...

И тут я ее целую. Снова.

Я не хотел... Вообще-то я вру. Хотел. Но я не думал, что поцелуй снова будет таким долгим. Все слова Харлоу растворяются, когда я касаюсь ее губ; ее глаза закрыты, а дыхание такое мягкое.

Я встаю со стула и наклоняюсь над ней, держа одну руку в ее волосах, а другую на ее скуле, открываю рот и поглаживаю ее язычок своим. Плотно прижимаю ее к себе, именно так, как она хочет. Большим пальцем я провожу по ее горлу, не сильно, а так, чтобы она понимала, кому принадлежит.

Руки Харлоу ложатся на мои бедра, и она стоит, всем телом прижимаясь ко мне. Моя кожа горит в тех местах, где ее она кончиками пальцев прикасается ко мне и ногтями царапает кожу у пояса моих штанов. У меня ощущение, что вся кровь покинула мозг и волной резко прилила вниз, а каждая мысль была только о Харлоу: где я могу ее коснуться, попробовать, и, если она не будет против, я бы нагнул ее над столом и оттрахал так, чтобы мы лишились сознания.

Но я не могу. Хотя знаю, что вскоре буду сам себя за это ненавидеть, когда буду дрожить в одиночестве и представлять, каким мог бы быть этот секс. Я отхожу на шаг и пытаюсь не обращать внимания, какие чувства она во мне вызывает, и что все еще чувствую ее прижимающееся ко мне тело, хотя мы уже стоим в нескольких дюймах друг от друга.

- Ты все еще на вкус, как корица, - тяжело дыша, говорит она.

- А ты превосходна на вкус, - знаю, я искушаю судьбу, но немного наклоняюсь к ней, перемежая свои слова маленькими поцелуями в уголки ее рта и на подбородке.

- Мне казалось, мы этим больше не занимаемся? - это прозвучало как вопрос, но только потому, что она так же, как и я, смущена тем, какого хера мы сейчас тут делаем.

- А мы и не занимаемся, - подтверждаю я коротким кивком.

- Тогда почему ты целуешь меня?

- Приходится, - говорю я, целуя кончик ее носа. - Это единственный способ, чтобы ты перестала говорить о моих братьях как о донорах. Знаешь, это обидно, - улыбаюсь я.

Она хохочет, подходит ближе и кладет голову мне на плечо.

- Хорошо, горячих братьев Финна больше не обсуждаем. Обещаю.

Мы стоим так некоторое время - ее губы на моем голом плече, мое лицо в ее волосах - после чего Харлоу будто опомнилась. Она отстраняется, и мне сразу же ее не хватает. Мои руки опускаются вдоль тела, а она поворачивается к столу и начинает убирать наши тарелки.

- Значит, мы опять вернулись к началу.

Я убираю руки в карманы и стою, покачиваясь на пятках.

- Похоже на то.

Харлоу убирает весь оставшийся беспорядок и достает свои ключи.

- Не переживай, Финниган. Я гений, и сдаваться не собираюсь.

- Харлоу, я не хочу, чтобы ты...

- Финн, ты опять начинаешь? - ласково говорит она. - Заткнись, перестань упрямиться и позволь другому снять этот груз с твоих плеч хотя бы на пару часов, договорились?

Я не знаю, как реагировать, поэтому молча стою, когда она поднимается на носочки и целует меня в щеку.

- Договорились.

Я привык считать отца самым упорным из всех, кого знал. Когда мне было восемь, он был на ногах всего спустя час после операции на спине, ему вправляли межпозвоночные диски. Когда мне было девять, он провел зиму, рыбака возле берегов Аляски, и чуть не отморозил себе три пальца, они тогда застряли между двумя огромными ловушками крабов. И уже в следующем году он отправился туда снова. Когда умерла мама, папа погрузился в работу, иногда проводя по восемнадцать часов на судне. А в то лето, когда мне исполнилось девятнадцать, у него случился сердечный приступ, и доктора настаивали держаться подальше от лодки, он все равно появился сразу после выписки из больницы, только чтобы проверить, все ли мы делаем правильно.

Но боюсь, до Харлоу Вега ему далеко.

Спустя два дня после булочек с корицей и услышанных из уст Харлоу слов «брызги члена» - я не был уверен, что был когда-либо настолько бесстрашен - мой телефон завибрировал на тумбочке. До восхода несколько часов, в комнате для гостей в доме Оливера еще совсем темно. Я тянусь к телефону, опрокинув бутылку с водой и, кажется, что-то еще, и смотрю на экран сонными глазами. Вдруг дома что-то случилось с отцом? Колтоном или Леви? А может, с

лодкой?

«Наряжайся. Заеду за тобой через полчаса. Харлоу»

Посмотрев на часы, я понимаю, что еще нет и 5 утра, и я уже почти готов написать ей ответ с подробным описанием, куда именно она может засунуть свои полчаса. Я хочу поспать. Мне нужно поговорить с Колтоном и Леви. И нужно решить, какого хера я делаю со своей жизнью.

Я бросаю телефон на кровать и, не моргая, смотрю в потолок. Сердце бешено стучит, и я кладу руку на грудную клетку, чувствуя быстрый ритм под своей ладонью. Желудок кажется полным и легким одновременно, и я уже было подумывал, чтобы отключить телефон и поспать следующие чудесные три часа, обманывая самого себя, будто всерьез мог это сделать.

Через полчаса за мной заедет Харлоу, и, независимо от того, чем хотел заняться утром, мы оба прекрасно знали, что я буду стоять на улице и ждать ее.

И, как какой-то влюбленный школьник и бездельник, я стою и жду. Машина Харлоу подъезжает ровно через двадцать девять минут, а я уже сижу на крыльце с двумя чашками горячего кофе в руке.

Она выходит, перешагивает через мокрую траву и идет ко мне, одетая в джинсы и голубую футболку с длинными рукавами, волосы собраны в высокий хвост, на лице яркая улыбка и ни капли макияжа.

Уверен, что никогда не видел ее более красивой, чем сейчас.

- Готов? - останавливаясь у крыльца, спрашивает она. Она выглядит намного младше и невинней, и если эти острые ощущения в животе можно считать признаками, то я теряю голову.

- Не совсем, - я смотрю на ее наряд. Она сегодня необычно красивая. Я приподнимаю бровь. - Кажется, впервые я прошел дресс-код.

- Ты идеален.

Спокойно, Финн.

Когда я протягиваю Харлоу ей кофе, она смотрит на меня, приподняв брови:

- Ты такой джентльмен.

Я пропустил это, не желая больше напоминаний о том пятиминутном разговоре, что был у меня с самим собой на тему: а не будет ли странным, если я позволю Харлоу понять меня больше, просто сделав ей этот чертов кофе. Все, я спятил.

- Так куда мы направляемся? - интересуюсь я.

Харлоу разворачивается и идет обратно к машине.

- Рыбачить, - заявляет она, садится и заводит двигатель. Я наблюдаю за ней, пытаюсь впихнуть

свои 192 см роста в ее спортивную машинку.

- Что?

Она поправляет зеркало заднего вида и вырывается на трассу, прежде чем ответить.

- Я полагаю, что ты, наверно, чертовски устал делать то, чего хотят другие. Плюс, я уверена, ты скучаешь по дому, - говорит она. - Так почему мне бы не напомнить немного о нем, пока ты здесь?

Похоже, она озадачена моим молчанием, поэтому быстро добавляет:

- Конечно, все будет не так, как дома, но поверь мне, Солнышко, будет весело.

И... Ладно. Я немного ошалел. Пока я думал, что изучил Харлоу, она тут же меня удивляет.

- Спасибо, - наконец, выдаю я и быстро отпиваю свой кофе.

- И, может быть, мы увидим пару деревьев, которые ты сможешь срубить, - добавляет она и прикусывает губу, чтобы скрыть улыбку.

- А что, здесь есть деревья для яхты мечты Барби?

После этого мы возвращаемся в норму.

Между нами снова все становится, как обычно. Из моей груди уходит тяжесть, а напряжение между нами исчезает само собой.

- Ты хоть раз рыбачила? - спрашиваю я.

Себе под нос она произносит утвердительное «Угу», пока поворачивает под указатель и сворачивает в очередной переулочек.

- Пару раз на севере с папой. Но мы рыбачили на реке, не в океане, конечно. Хотя я ни разу ничего и не поймала.

- Вот поэтому это и называется рыбалка, а не ловля, Имбирная Печенька. Иногда тебе везет, а иногда нет.

- Точно, - она ерзает на своем сиденье и кладет руку на дверь, пальцами перебирая хвост. - Я уверена, все не будет похоже на твой обычный день на рыбалке. Предполагаю, что дома вы не сидите в шезлонгах, пока вам носят бутерброды и пиво.

- Эм-м, нет, конечно.

- Так скажи мне, Финн. Чем же вы, парни, занимаетесь? Бросаете лески в воду и ждете, когда клюнет?

- Некоторые так и делают.

- Но не вы.

Я качаю головой.

- «Линда» - это траулер, поэтому мы рыбачим сетями.

- Значит, сети, - она молчит, глядя на меня. - Подожди, так ты что, капитан на нем?

- Да, Эйнштейн.

Она дерзко мне ухмыляется.

- А я могу называть тебя Капитан?

- Нет.

- Я могу быть твоим первым помощником? Ты надрайшь мою палубу?

Я смеюсь, когда она начинает демонстративно ерзать на сиденье.

- Ты точно рехнулась.

- Просто стараюсь говорить на одном с тобой языке, Гекльберри, - бросив на меня быстрый взгляд, она сворачивает на шоссе и перестраивается на скоростную полосу. - У нас впереди небольшая дорога, прежде чем мы доберемся до Point Loma. Есть время, чтобы обучить меня искусству рыбалки острова Ванкувер.

Я смотрю на мелькающий пейзаж: затуманенное шоссе, пробегающие дома, пальмы. Небо только-только начинает светлеть, и во всем этом есть какое-то умиротворение. И я обнаруживаю, что действительно хочу рассказать Харлоу о жизни на судне. Мне нравится общаться с ней, поводить так много времени вместе, и это единственные моменты, когда у меня от переживаний не откроется язва.

- Первое, что ты должна узнать о рыбалке, - начинаю я, проводя пальцем по причудливой эмблеме на приборной панели, - мы делаем ловушки в воде. Когда мы забрасываем сети, то расставляем их по кругу. Когда рыба окружена, мы поднимаем сети, а рыба остается внутри. Это обычная тактика, но за это время мы много чего должны успеть сделать. Пока мы не рыбачим, кто-то из нас проверяет течение, уровень воды, нет ли дырок в сетях, работу электрических лебедок и гидравлического оборудования. Лебедки используются, чтобы поднять сети, но они работают от вспомогательного двигателя. Именно поэтому важно, чтобы работали оба, и становится сложно, когда один выходит из строя, - я делаю паузу и смотрю на нее, уверенный, что она уже отвлеклась. Но нет. - Ты все еще слушаешь? Фантастика.

- Конечно, это не постоянно просиживание в Твиттере или перекладывание бумажек в NBC, - поддразнивает она. - Но мне вообще-то интересно, чем ты занимаешься целый день. Поэтому не стесняйся и вдавайся в подробности, например, как вы, ребята, занимаетесь всем этим без рубашек, и как океанские волны омывают ваши мускулы, как они блестят на солнце. Помогите мне все это представить.

- Я это запомню.

- Похоже, день у тебя действительно долгий, да?

- Начинаем на рассвете и заканчиваем уже в темноте. Обычно просыпаешься до восхода солнца без будильника, но могу поклясться, что здесь мои внутренние часы сбились, пока... - улыбаясь и глядя на свой кофе, говорю я, - пока ты не появилась на крыльце и не разбудила меня.

Мы едем еще какое-то время, и красивый пейзаж остается позади, прежде чем я понимаю, что мы уже паркуемся, и Харлоу выключает двигатель.

- Тогда оглянись и посмотри, как солнце приветствует нас.

Я смотрю вперед и показываю на 43-футовый дизель у причала.

- Мы пойдем на нем?

- Так точно, Капитан.

Я смотрю на нее игриво-строгим взглядом и спрашиваю:

- Ты готова расставлять ловушки, Печенька?

Она смеется и бросает ключи в сумку.

- Я готова ко всему, что у тебя есть, Солнышко.

Глава 11

ХАРЛОУ

Наше судно кажется невероятно *огромным*, но Финн поднимается на нее, как на изящную лодочку. Мне кажется, или на палубе он смотрится выше? Я глазею на него, пока он разговаривает с капитаном, и непроизвольно поглаживаю пальцем нижнюю губу, вспоминая его дразнящие покусывания у Оливера два дня назад.

Клянусь, мой пульс так и не успокоился с того дня, потому что то это был не просто поцелуй, а признание. Тот поцелуй поведал, что не я одна вошла на территорию чувств. И теперь мой мозг просто взрывается от непривычных мыслей: если мы оба что-то чувствуем, решимся ли попробовать, чтобы это переросло в отношения? Финн отмел все мои идеи по спасению его семейного дела, но если он подпишет контракт с телеканалом, мы не сможем быть вместе. А если он откажет телеканалу и все потеряет, ему точно будет не до отношений.

Когда завели двигатели, и мы отошли от пристани по направлению к открытому морю, мой мозг был в полном беспорядке, а тело горело от вида этой горячей рыбацкой версии Финна (что не особо отличалась от каждодневного Финна)... и я понятия не имею, как обращаться с огромной удочкой, что он для меня приготовил.

Он молча передает ее мне, покровительственно погладив по голове, и мы подошли ближе, чтобы послушать правила поведения и безопасности на лодке вместе с десятками других туристов, собравшихся на палубе. Я ожидала, что Финн молча отойдет в сторонку или будет осматривать лодку самостоятельно, но он кажется таким сосредоточенным. Словно выясняет, чем спортивная рыбалка отличается от профессиональной, или же просто *очень* сильно любит рыбачить, мне сложно сказать. Но больше всего мне нравится, что не притворяется, будто ему интересно. Он в восторге даже от этой поездки на полдня.

Когда капитан Стив закончил свою болтовню, мы находим место в дальнем углу лодки, и Финн молча работает, пока ветер прижимает его кофту к груди. Он устанавливает наши удочки, проверяет мою леску и катушку и уходит, оставляя меня со словами, чтобы я никуда не отходила. Через пару минут возвращается, держа с одной руке сапоги, а в другой бейсболку с

логотипом лодки.

- Скоро тут будет грязновато, - говорит он. Он подает мне сапоги и надевает кепку, аккуратно пропуская сзади мой хвост и шепчет: «Так лучше», когда она полностью надета. Его карие глаза смотрят на мои губы, будто он решает, поцеловать ли меня еще раз, но когда он моргает, этот взгляд исчезает. - Готова?

- Готова ли я надрать тебе задницу в рыбалке? - спрашиваю я, опускаю кепку пониже и переобуваюсь в сапоги. - А то.

Он смеется и качает головой.

- Ладно, ты слышала все, что говорил капитан, хотя уверен, в этот момент ты думала либо о моем голом теле, либо о новой краске для волос, поэтому я тебе еще раз напомню: на таких лодках ловят в основном палтуса и морского окуня. Палтус может быть достаточно крупным, но ты не переживай, - он победоносно улыбается. - Если что, я тебе помогу его вытащить.

- Чтобы ты знал, я с регулярно хожу на занятия по кикбоксингу, - говорю ему, изображая оскорбление. - И занимаюсь серфингом.

- Да, но ты же будешь вытаскивать рыбу не ногами, - он хватает мою слабенькую руку и трясет ею, как куриным крылышком, после чего берет мою удочку и закидывает в воду. Наживка на конце издаст тяжелый плеск, и Финн с ухмылкой передает удочку мне. - Закрепи ее. Иначе руки быстро устанут, если ты все время будешь бороться с течением, пока мы идем.

Сделав, как он сказал, я наблюдаю, как он забрасывает свою удочку. Он выглядит таким счастливым, а я просто разрываюсь между ожиданием, ну когда же вся Америка увидит *это* выражение его лица на больших экранах, и желанием, чтобы вся его радость оставалась принадлежащей ему.

- Как думаешь, тебя будут сильно раздражать камеры? - спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

- Не так сильно, как то, что шоу будет не о рыбалке

- А если только о ней? - интересуюсь я. - Что, если это будет твоим условием?

Он снимает бейсболку, проводит рукой по волосам, почесывая голову.

- Да я не знаю.

Думаю, никто из нас после этого уже не хочет обсуждать эту тему, поэтому мы молча стоим, глядя на воду, птиц и по большей части друг на друга.

Похоже, рыба не подозревала, что Финн намного быстрее ее, и уж куда проворней меня, поскольку он успел поймать три рыбины (двух окуней и одного огромного палтуса), а я только забросила. Я бы солгала, сказав, будто опозорилась и переживаю из-за того, что он меня обставил. Нет ничего лучше, чем наблюдать, как Финн вытаскивает на палубу двадцатикилограммовую рыбину.

Вру, конечно. Секс с Финном на этой же самой палубе может быть гораздо лучше... Но только слегка. Уже пригрело солнце, отражаясь от воды, и он снял свою кофту; вид его загорелых предплечий, которыми он тянет и наматывает леску... это... Это может привести меня к неконтролируемому оргазму.

- Будет так странно уезжать, когда я прожил тут пару недель, - не обращая внимания на вожделение на моем лице, говорит он и снова забрасывает удочку.

Моргнув, я отвлекаюсь от похотливых мыслей о Финне и жду его пояснений. Глядя на него сегодня, я заметила, насколько сильно ему хочется вернуться в родную стихию.

- В смысле, странно?

Он удивляет меня, ответив:

- Мне не нравится мысль, что у меня не будет возможности видеть тебя в любое время.

Я не ожидала такого. Думала, он скажет, что ему будет не хватать погоды Южной Калифорнии, мексиканской кухни или возможности потусить с Оливером и Анселем. Теперь я еще больше хочу броситься к нему, взять его лицо в ладони и целовать, как никогда и никого раньше, с облегчением думая, что он само совершенство.

Вместо этого я заявляю:

- Вчера я мастурбировала, думая о тебе.

Он сгибается пополам, заливаясь смехом. Наконец, немного успокоившись, он говорит:

- Что, правда?

- Абсолютная.

Когда он выпрямляется, я вижу, что он немного покраснел, и это едва заметно из-за тени от козырька бейсболки. Что-то новенькое.

- Я тоже, - признается он.

- Да ладно?

- Ага.

- Я была бесподобна?

- Ты мастерски отсосала у меня, Имбирная Печенька.

- Да, я бы так смогла, - гордо вздернув подбородок, говорю я.

Он подтянул пару метров лески на катушку своей удочки.

- Смогла бы.

Я всегда думала, что, когда влюблюсь, буду чувствовать волнение, неуверенность или потрясение. Но я и не ожидала, что полюблю того, с кем буду себя чувствовать комфортно. Я хочу ему сказать: «Думаю, я люблю тебя», потому что подозреваю - на мое признание он мягко

и с сочувствием вздохнет, но согласится, что сейчас не самое удачное время.

Я смотрю на него, на его угловатую небритую челюсть, длинную загорелую шею и руки, в которых я чувствую себя странно защищенно, в чем, я и не подозревала, как нуждалась. Правда нуждалась? Я привыкла, что только папа был моим постоянным защитником, стеной и спасителем. Неужели я жаждала именно такого мужчину в своей жизни?

У меня заболело в груди от мысли, что надежный, страстный и верный Финн именно тот мужчина, которого я надеялась найти.

Прищурившись, он смотрит на воду, и мне становится интересно, о чем он сейчас думает. С глубоким вдохом его грудь поднялась, а на выдохе он закрыл глаза. Кажется, он находится в таком же раздрае, в каком себя ощущаю и я.

Знаю, что попала в точку, когда он открывает глаза и смотрит на меня. И это пугает, потому что я знаю свое сердце, и если я впускаю туда человека, то это серьезно и навсегда.

Только я открываю рот и что-то сказать – хотя понятия не имею, что именно из меня вырвется, когда эти искренние эмоции поднимаются вверх по горлу – моя удочка резко дергается и сильно наклоняется к воде.

– Ого, так, спокойно, – с восторгом в глазах восклицает Финн, подходит ближе и берет мою удочку. – Смотри, ты что-то поймала.

Рыбалка с папой на реке в Северной Калифорнии, когда я была маленькой, никак не подготовила меня к вытаскиванию рыбы из океана. Когда это двадцатисантиметровая форель, и поплавок прыгает в воде, то, нагнувшись, своей худенькой рукой в свои двенадцать лет я с легкостью наматывала леску и доставала ее из реки. А тут приходится напрягать каждую мышцу в борьбе с этим плавающим монстром. Я держу леску и начинаю ее подтягивать, и каждый сантиметр – как маленькая победа. Финн позади кричит и охает, словно я вытаскиваю белую акулу. К нам подходят двое мужчин, и начинают меня подбадривать.

– Давай, помогу? – кричит Финн среди всеобщего ликования.

– Отвали!

Теперь я понимаю, почему он снял кофту; я вспотела, и уже начала ругаться, с чего это идея поехать на морскую рыбалку показалась мне удачной. Но увидев первые очертания палтуса – с шипами вдоль позвоночника и его *огромный* размер – я забыла обо всем.

– Моя рыба намного больше твоей! – ору я.

Сзади встает Финн, чтобы помочь вытащить, после того как в течение десяти минут борьбы мои руки начали дрожать и неметь. Снова и снова мы вместе тянем, и наконец из воды показывается великолепный палтус. Когда он падает на палубу, начинается сама противная часть, но Финн, удерживая его, что-то делает – так быстро, что я не успеваю заметить – и палтус замирает. Рыба была такой холодной от воды, когда он передал ее мне, чтобы я взяла за жабры и сфотографировалась.

Мне пришлось держать ее обеими руками, потому что она была огромной. Это самая большая рыбина из всех нами пойманных, и чувство было просто потрясающим, но, конечно, не таким захватывающим по сравнению со взглядом Финна на меня, когда он потянулся за телефоном.

- Держи ее, малышка, - тихо говорит он, и его глаза блестят от гордости. - Дай я тебя сфотографирую.

Мои руки дрожат от тяжести, но я держу ее, чтобы ему было видно. Он делает снимок и подходит ко мне, забирает палтуса и передает его Стиву, чтобы он сохранил его для нас.

- А мы обсудим, что ты только что назвал меня малышкой? - спрашиваю я, когда он наклоняется, чтобы насадить новую наживку на моей удочке.

Я скорее чувствую, нежели слышу его тихий смех, когда он встает и целует меня в макушку.

- Нет.

Я пытаюсь собрать волю в кулак, чтобы сдержать расплывающуюся глупую улыбку. Но это очень тяжело. У меня кружится голова, и я готова разразиться диснеевскими песнями прямо здесь, на лодке, полной потных стариков.

Когда мы вернулись на пристань, я извинилась и ушла в туалет, но на самом деле я хотела позвонить и спросить, как дела у мамы. Мы почти полдня были вне зоны доступа. Это было волшебное и страшное время одновременно. А вдруг что-то случилось?

Папа отвечает уже после первого гудка, его голос спокойный и расслабленный.

- Привет, Тюльпанчик.

- Привет, приятель. Как там наша королева?

- В порядке, - отвечает он. - Мы выехали в город на обед.

- Значит, все нормально? Никаких осложнений?

На другом конце трубки папа вздыхает, и я вздрагиваю, понимая, что веду себя, как маньячка. Доктор нам раз пять сказал, что первый сеанс химиотерапии для мамы будет легким. А вот последующие уже сложнее.

- Ты сама себя изводишь, - говорит папа, и я знаю, что он улыбается, но так же и серьезен. - Это долгий процесс.

- Я знаю, знаю, - вздохнув, отвечаю я.

- Как прошла рыбалка?

- Превосходно. Я в восторге.

- От рыбалки или от парня?

Я снова вздыхаю.

- От обоих.

- Замечательно, тогда приводи Финна сегодня. Я сказал Сальваторе, что свободен, пока в

апреле не начнутся съемки «Бескрайнего Горизонта».

Папин друг и коллега Сальваторе устраивает сегодня вечеринку по случаю празднования начала работы его нового продюсерского центра. «Бескрайний Горизонт» – это новый фильм, заслуживающий Оскара, душераздирающая драма, действия которой разворачиваются – барабанная дробь – на корабле. По правде говоря, я смутно представляю Финна на такой вечеринке, но предчувствие подсказывает, что все будет хорошо. И если Финн мой «Тот Самый», то он *уже* принадлежит к этому кругу, неважно, знает ли он там кого-нибудь или нет.

К тому же, проект стартует только через полгода, и мое сердце сжимается, – надеюсь, к этому времени мама пойдет на поправку.

Я возвращаюсь на пристань и нахожу Финна с большой пачкой чипсов в руках. Он предлагает мне немного, и я не могу устоять. Я и не подозревала, что так проголодалась, пока не съела немного этих соленых вкусняшек.

– Не хочешь сегодня пойти на вечеринку? – с набитым ртом спрашиваю я.

С таким же полным ртом еды от уточняет:

– Что за вечеринка?

– Киношники. Роскошь. Мартини и оливки.

Он пожимает плечами и спрашивает:

– А ты будешь моей спутницей?

Я улыбаюсь самой обворожительной улыбкой и киваю.

Он улыбается в ответ и стряхивает соль с моего подбородка.

– Конечно, Печенька.

Финн ждал меня возле дома Оливера, когда я забрала его в семь вечера. На нем была та же одежда, что и на встрече в Л-А, но сегодня он умудрился выглядеть намного лучше. От проведенного дня на свежем воздухе он более расслабленный. Да и загорелый Финн – это убийственно.

Он садится на пассажирское сиденье, ворча по поводу моей маленькой машины, а потом смотрит на меня.

– Вау, – говорит он. – Выйди.

– Что? – пугаюсь я, быстро осматривая платье, чтобы убедиться, что не пролила на себя апельсиновый сок, когда пила его прямо из бутылки, торопясь выходить.

– Хочу на тебя посмотреть, – говорит он и тянется через меня, чтобы открыть мою дверь. – Выйди, чтобы я мог тебя увидеть.

- О-о, - я выхожу, расправляю платье на бедрах и встаю перед машиной. Финн остается в машине, откидывается на спинку сиденья и смотрит в лобовое стекло. Я вижу, как одними губами он произносит: «*Боже мой*».

- Что? - кричу я.

Качая головой, он говорит:

- Выглядишь обалденно.

Я смотрю на свое платье. Оно сапфирового цвета - кстати, он мне очень идет -облегающее сверху и расклешенное внизу, длиной до колен. Я надела золотые босоножки на шпильке, а на шее простой золотой кулон, который папа подарил мне на совершеннолетие. Но сегодня я не сильно задумывалась, что надеть - а не как тем вечером в баре, когда хотела выглядеть непринужденно-очаровательно, а Финн меня без конца поддразнивал. И вот когда я забила на это и напилась соку, будто парнишка с похмелья, Финн теряет дар речи.

Когда я снова сажусь в машину, он без промедлений наклоняется, берет в руки мое лицо, смотрит на меня тяжелым взглядом и прижимается губами к моим. Как только мы касаемся друг друга, он слегка приоткрывает губы, у него вырывается тихое «О-о», он пододвигается ближе и зажимает мою нижнюю губу между своими. Когда я чувствую дразнящее скольжение его языка, понимаю: все пропало. *Я* пропала.

Мои руки оказываются в его волосах, и я хочу намного большего, я почти схожу с ума. Хочу почувствовать его каждым дюймом своего тела. Он издает такие глубокие тихие звуки, что они, вибрируя, прокатываются по моим костям, сотрясая и превращая в ничто, в девушку, у которой от желания дрожат руки, кипит кровь и со страшной скоростью разливается по венам. Я поднимаю ноги и пересаживаюсь ему на колени. Он резко опускает свое сиденье, и я падаю на него, расставив ноги по обе стороны от его коленей. Он рывком дергает меня ближе к себе, приподнимает свои бедра и потирается об меня, и я вскрикиваю, когда чувствую, как плотно прижимается его твердый член у меня между ног.

Когда он хрипло стонет, этот звук - словно спусковой крючок для меня, и я даю себе волю. Мне не важно, что мы в машине посреди улицы. На улице тихо. Сумерки. С таким же успехом мы могли быть где-нибудь на необитаемом острове, и меня волновало бы только это желание.

Чувствовать его, как он заполняет меня, принять его в себя. Этого не было так давно.

Он соображает быстрее меня, именно поэтому он уже расстегнул и спустил брюки вниз, и своим бедром я чувствую его голый член; его кожа такая удивительно теплая и мягкая вокруг железного стержня. Его пальцы уже в моих трусиках, отодвигают их, даже не утруждаясь снять, пальцы жадно ищут и находят меня, такую мокрую и жадную; мои неразборчивые звуки говорят ему, как сильно я в нем нуждаюсь.

- Мы правда это делаем? - прерывисто выдыхает он.

Я быстро киваю, и он держит себя рукой, чтобы взять меня. Это все происходит так быстро, он ныряет так глубоко, что мы оба задыхаемся, потому что это прекрасно.

Так *приятно*.

Его взгляд ловит мой, и облегчение от выражения его лица заставляет меня чувствовать себя неуверенной и хрупкой, как фарфор. Мне так этого не хватало. Я нуждаюсь в этом.

Думаю, я нуждаюсь в *нем*.

Он садится, целует меня влажно и небрежно, стонет у моего рта, погружаясь все глубже, и издает эти идеальные звуки одобрения каждый раз, когда я раскачиваюсь на нем вперед и назад, шепча:

«*вот так*» и «*А-а*»,

«*так хорошо*» и «*господи, малышка, я не могу*»...

Он замолкает, снова целует, покусывает мои губы, скулы, шею. И снова эти нуждающиеся звуки: «*пожалуйста... я не могу*».

Он тянется между нами и двумя пальцами нежно там гладит, как мне и нужно. Из его горла вырывается прерывистый стон, и я слышу собственные заикающиеся мольбы:

«*я уже скоро*»,

«*так близко...*»

- О, черт, я кончаю, - задыхается он именно в тот момент, когда я срываюсь. Закинув голову назад, я кричу - это чувствуется так насыщено - и в то же время он выкрикивает, выгибаясь на сидении и дико врываясь глубоко в меня, пока мое тело пульсирует и сжимается вокруг него. Кажется, что это бесконечно: я кончаю и целую его, мое лицо в его руках, его звуки, соприкосновение тел в моей маленькой машинке, в которой даже не затонированы окна, и все это в самый разгар заката бабьего лета.

Люблю его.

Я люблю его.

Я утыкаюсь ему в грудь, готовая расплакаться. Я едва могу переварить это облегчение - быть вот так с ним, даже если на переднем сидении и с задранном подолом платья. Он ощущается таким крепким, и его сердце колотится у моего уха.

Финн подрагивает, все еще находясь во мне, и от его неровного дыхания мои волосы слегка путаются.

- Харлоу, - еле слышно на сдавленном выдохе произносит он.

- Я знаю, - соглашаюсь я. - Срань господня, это было невероятно.

- Нет... - он притягивает меня за плечи, и я сажусь ровно, ощущая, какой он по-прежнему твердый, и все еще во мне. - Малышка, мы ничего не использовали, - его лицо так близко, а глаза тревожно ищут мои. - Я не надел презерватив.

Застонав, я начинаю подниматься с него, но останавливаюсь, посмотрев на нашу одежду. Меньше всего мне бы хотелось появиться на вечеринке, как Моника Левински с пятном на голубом платье.

- Ты можешь нагнуться и передать мне салфетки из бардачка?

Он кивает, тянется и как-то умудряется достать одну. Этот момент такой *настоящий*, такой контраст по сравнению с нашим диким трахом минуту назад, что я чувствую легкое

головокружение. Чуть только я отодвигаюсь, он тянется ко мне, прикасаясь пальцами к подбородку, и шепчет:

- Ш-ш-ш, подожди, подожди. Иди сюда.

Я наклоняюсь, закрываю глаза, прижимаюсь к нему и отдаюсь ощущениям, растворяясь в нем, когда он стонет, запуская руки мне в волосы и удерживая. Его язык касается моего, на этот раз нежно. Сердце, как сумасшедшее, стучит о грудную кость от выброшенного адреналина и моей нарастающей паники.

- Ты в порядке? - спрашивает рядом с моим ртом он.

Я киваю.

- Не могу поверить, что мы это сделали.

- Я тоже.

- Думаю, нам лучше привести себя в порядок перед вечеринкой.

Мы поправляем одежду и, спотыкаясь, выходим из машины. Подходим к входной двери, он достает ключи, не в состоянии смотреть мне в глаза, и тихо спрашивает:

- Ты на таблетках?

- Нет, - я лихорадочно пытаюсь подсчитать, какой у меня день цикла - похоже, месячные должны вот-вот начаться - но мне не хочется думать обо всех потенциальных последствиях нашего незащищенного секса. Вместо этого я хочу пребывать в том счастливом благословенном состоянии, когда я признала, что я полностью и безумно влюбилась в Финна Робертса.

- Все будет в порядке, - говорю я ему, не имея абсолютно никакой уверенности в этом. Я была счастлива признать, и уж если я это сделала, то все обойдется. Я буду в порядке! Все будет прекрасно!

Он кивает и входит, провожая меня в маленькую ванную рядом с его комнатой. Я поворачиваюсь и смотрю через открытую дверь, когда он подходит и достает чистое полотенце. На кровати лежит его открытый чемодан, заполненный аккуратно сложенными вещами.

- Ты завтра уезжаешь?

- Возможно, - отвечает он и потом продолжает: - Ну, наверное, нет. Я не знаю, - он кивком указывает в сторону ванной, и я захожу туда первой.

Открыв горячую воду, Финн держит руку под струей, ожидая нужную температуру и смачивает полотенце.

- Иди ко мне.

Я наблюдаю, как его рука исчезает под платьем, и закрываю глаза, когда его рука скользит по внутренней стороне моего бедра, а потом и вокруг него, после чего спускает мои трусики по ногам до колен. Я дышу с трудом, когда он мягко проводит теплым влажным полотенцем у меня между ног.

- Так хорошо? - спрашивает он.

- Да, - больше, чем хорошо. Райские ощущения. - Мне очень приятно.

Он и второй рукой забирается под платье и сжимает пальцами мое бедро.

- Я имею ввиду тебя. Ты в порядке?

- А ты? - в ответ спрашиваю я.

Он смотрит на меня и улыбается так искренне, что в уголках глаз появляются тонкие морщинки.

- Да, в порядке.

- Даже если я могу залететь?

- Да. Мы разберемся.

Сглотнув, я киваю.

- Тогда и я в порядке.

Выражение его лица вновь становится обычным, как вдруг он выпаливает:

- Скажи мне, что это был не просто секс.

Слегка пошатываясь от такого, я запускаю руку ему в волосы и тяну его к себе.

- Это уже давно не просто секс. Думаю, именно поэтому я и хотела остановиться. Сейчас столько всего происходит. У нас обоих, - добавляю я.

Он приподнимает подбородок, чтобы посмотреть мне в глаза, и прижимается им к моему животу.

- Мы же в любом случае попробуем? Я имею в виду... - он нервно сглатывает. - Я тебя очень хочу, и не совсем так, как раньше.

Я кусаю губу, было огромное желание поведать ему все свои переживания за прошедшие пару недель: беспокойство по поводу мамы, использование его для отвлечения, и как я потом стала зависимой от него, и что я захотела его так сильно, что боялась, ни один из нас и представить себе этого не может. И вот теперь он говорит, что тоже меня хочет. Я закрываю глаза и думаю о его телешоу, о пункте контракта, чтобы он не состоял в отношениях, и о слабо завуалированной цели найти ему любовь на экране. Пойти самым простым путем - подписаться на шоу - значит сделать наши отношения невозможными. А даже если он откажется от него и вернется домой налаживать бизнес, мы будем редко видеться, ведь он будет работать вдвое больше, нежели раньше.

- Я так сильно этого хочу, что не могу дышать, - говорил он, сжимая руки вокруг моих бедер, а я смотрю на него сверху вниз. - Я пытался сосредоточиться на возвращении домой, но могу думать только об этом.

- Я тоже этого хочу, - говорю я ему. - Просто я не знаю, как мы это сделаем.

Он поднимается, целует мое горло и, умышленно понимая меня не так, предлагает:

- Мы можем пропустить вечеринку, и я покажу тебе, как.

Я начала было отвечать:

- Абсолютно... - но останавливаюсь. В голове что-то щелкает. У него *нет* другой возможности спасти свой бизнес, кроме как участвовать в шоу, и это решение всегда было у нас под носом.

Держась за руки, мы идем на вечеринку. Между нами что-то изменилось, и это было так болезненно-нежно, что я хочу прижаться к нему всякий раз, когда он смотрит на меня, говорит мне что-то или когда, обняв за поясницу, впивается пальцами в мое бедро, будто все это создано специально для него.

Папа пришел сегодня один, без мамы, он увидел нас, когда мы зашли на кухню, извинился перед небольшой группой людей, с кем разговаривал, и подошел, чтобы поприветствовать нас.

- Вы, должно быть, Финн, - протягивая руку, говорит он. - Я Александр Вега, отец Харлоу.

Только двоих своих парней я знакомила с папой, и все время они заикались и нервничали. Да это и понятно. Папа как-никак получил две награды киноакадемии и был весьма известной персоной в кинематографе. А еще он высокий, мускулистый и при желании мог выглядеть грозно.

Но прямо сейчас я вижу, что он не хочет. Хотя это и не имеет значения, потому что Финн, в отличие от остальных, поприветствовал его твердым рукопожатием и уверенной «спасибо-что-меня-пригласили» улыбкой.

Положив руку Финну на плечо, папа ведет его в комнату знакомить с остальными гостями. Папа кивает, показывая, чтобы я присоединялась к ним, но мне больше хочется понаблюдать за этими двумя на расстоянии, как они приветствуют папиных коллег; я никогда не видела, чтобы он так душевно принимал парня, с которым я недавно целовалась.

Именно этой мужской связи мне сегодня и не хватало.

Я направляюсь на кухню взять напитки и поздороваться с дочерьми Сальваторе. Они на шесть и восемь лет старше меня, но по-прежнему живут с родителями; Валентина и Екатерина Марин - это две самые избалованные девчонки в киноиндустрии, но мне нужно быть с ними приветливой, ведь у папы с Сэлом совместные проекты.

Каждую целую в щеку и чувствую, что у Валентины духи Chanel, а у Екатерины что-то новенькое, похожее на Prada Infusion d'Iris. Два года назад они сильно поругались и не разговаривали почти три месяца из-за того, что не могли решить, у кого Chanel №5 будет фирменным ароматом.

Финн привык думать, что я такая же.

- Твой парень - это что-то, - говорит Валентина, показывая на Финна.

Я наливаю себе стакан минералки.

- Это точно.
- Такой *грубый*, - мурлычет она.
- Обожаю рабочий класс, - добавляет Екатерина.

Начинается. Я окидываю взглядом комнату в поисках Финна, прекрасно понимая, что они сделали выводы, глядя на его одежду. Он определенно выделяется из толпы. Он мускулистый, именно такая фигура была в моде в Голливуде, с короткими волосами, он стоит, поставив ноги на ширине плеч, словно пытается устоять от напора волны.

- У него свой рыболовный бизнес, - говорю я им.
- О-о, - воркует Екатерина. - Интересная ниша.

Я нацепляю улыбку, которая тут же становится настоящей, когда в комнату входит их отец и наклоняется ко мне, чтобы я поцеловала его в щеку. Его дочери невыносимы, но Сальваторе для меня с Беллами как второй отец.

- Как моя дорогая девочка? - спрашивает он.
- Просто чудесно. Еще раз поздравляю с началом нового дела, Неженка. Ты, наверное, в восторге?
- Да. Нужно затащить твоего отца в «Бескрайний Горизонт».
- Кажется, он уже в деле, - отвечаю я ему.
- Значит, остается, чтобы ты начала на меня работать, и все сложится идеально.

Глубоко вдохнув, я говорю:

- Вообще-то, Сэл, именно об этом я и хотела с тобой поговорить...

Финн прижал меня к стене возле моей квартиры, рыча, что я долго вожусь с ключами. По дороге домой мы раза четыре чуть не съехали с дороги, потому что его руки были под моим платьем, его рот на моей шее, и он постоянно клал мою руку себе на бедро, в то время как сам вытаскивал свой член, шепча, чтобы я его потрогала:

- Харлоу, теперь ты меня попачкала, ты же вылижешь его, да, когда мы приедем домой?

Он был весь такой скользкий, когда я гладила его по всей длине. Я дрочила ему, пока он не оторвал бедра от сидения и не начал подталкивать всякий раз, когда я доходила до головки, пока другой рукой вела машину. Когда мы припарковались возле моего дома, он уже задышался и был твердым, как камень.

Он застонал, убирая мою руку.

- Только не в машине.

Звон ключей эхом раздаётся в пустом коридоре, когда он, все еще прижавшись ко мне, забирает их у меня, открывает дверь и заталкивает меня в квартиру. И уже через долю секунды, после того как дверь захлопывается, я лежу на полу.

Финн нависает надо мной, как оглядывающий свою добычу хищник. Я скольжу рукой по его телу, сжимаю большую и твердую выпуклость сквозь его брюки и решаю закончить начатое в машине. Но, похоже, он восстановил свой контроль, потому что убирает мою руку в сторону.

- Когда я увидел тебя в июне баре, - говорит он и взглядом пробегает от моих губ к шее, - ты подошла и посмотрела на меня так, словно я был выставлен на аукционе, села рядом и заявила: «Я люблю гимлет с текилой» [коктейль с соком лайма - прим. редактора]. Ты была похожа на медленно растекающуюся по стулу жидкость. Такая охуенно красивая.

- Как нефтяное пятно?

Он провел рукой по своему лицу, улыбаясь моей любимой фирменной улыбкой Финна, с морщинками у глаз.

- Именно. Я уже тогда знал, что никогда от тебя не отмоюсь, - мы оба смеемся, а потом он становится серьезным. - Я еще никогда и ни с кем не чувствовал себя таким настоящим, самим собой, - он наклоняется меня поцеловать. - Сначала я считал, что ты хотела только трахаться, и я думал только об этом. Но я не ожидал, что мы так хорошо друг другу подходим.

- Я тоже, - тихо признаюсь я. - Думала, что ты такой же, как и все, и быстро меня разочаруешь.

- Это тоже не исключено, - говорит он, целуя мои скулы. - Но у меня это может занять чуть больше времени.

То, что он делает, ощущается так приятно: целует мое горло и украдкой приподнимает до бедер подол моего платья.

- Бери столько времени, сколько тебе надо, - бормочу я.

Он говорит и раздевает меня:

- Тебе понравилось смотреть на меня во время вечеринки?

Вот одна, а потом и вторая туфля летит на пол.

- Да. - на самом деле, мне *очень* понравилось. Было видно, что ему немного некомфортно, но он с таким удовольствием старался ради меня. Думаю, у нас обоих впереди много подобного. Остается только постараться найти нас объединяющее и жить в этом.

- А дамам, похожим на сестер Кардашьян, ты меня представила как своего парня? - его руки ныряют под платье, хватают меня за бедра и стягивают вниз мои трусики. Очень, очень медленно.

Я приподнимаю бедра вверх, чтобы он меня коснулся.

- Я этого не говорила, но твои фанатки расстроились, зная, что это правда.

Он меня немного поворачивает, чтобы расстегнуть платье.

- Ты подтвердила, что я уже занят?

- Они и так это знали, - я выгибаюсь, и он стягивает с меня платье. Я лежу полностью обнаженная - и он смотрит на меня, будто я желанный ужин на День Благодарения или королевское украшение, или главный разворот в журнале Playboy - и добавляю: - Это сразу было понятно по твоему взгляду.

Он фыркает, расстегивая свою рубашку.

- По моему взгляду?

- Да.

Он снимает рубашку и снова наклоняется ко мне.

- И какой у меня был взгляд? - его руки напряжены, и футболка едва не лопается на бицепсах и широкой груди. То, как она спереди гладко заправлена в брюки... *боже, помоги мне.*

Он проводит теплой ладонью по моему животу и останавливается на ребрах.

- Печенька?

- Ш-ш-ш, лохматик, я тут переживаю свой момент с Джонни Кастлом из «Грязных танцев».

- Не понял, это хорошо или плохо? - спрашивает он, наклоняясь лизнуть мою шею.

- Я несу арбузы. [Выражение, взятое из фильма «Грязные танцы», означает, что говоришь всякие глупости человеку, который тебе нравится - героиня стояла с арбузом в руках - прим. переводчика]

Он отстраняется, а потом тут же наклоняется ближе проверить мой запах изо рта.

- Ты что, напилась?

- Ради всего святого, мужчина, я не пьяная. А ты или раздевайся, или начинай своим чудным ртом ласкать меня между ног.

Финн встает, подает руку, поднимает меня с пола и обнимает за талию.

- Я не собираюсь трахать тебя на полу, - говорит он.

- Тогда зачем ты меня повалил?

- Нетерпеливый. Или, может, неуклюжий.

Я смеюсь. У Финна в теле нет ни одной неуклюжей косточки, но нетерпеливых никак не меньше 206. [Количество костей в теле взрослого человека - прим. редактора].

Он ведет меня по коридору в спальню, проходя мимо шкафа.

- Ты не будешь меня сегодня связывать? - он качает головой. - Но мне *нравится.*

Я слышу его тихий смешок.

- Мне тоже нравится. Но я не хочу это делать каждый раз, когда мы вместе.

- Тогда я буду прикасаться к тебе, - угрожая, говорю я.

- В этом и смысл, - он поворачивается и наклоняется поцеловать мою шею, глубоко вдыхая мой запах.

Потянувшись вниз, я вытаскиваю футболку из его брюк.

- Так значит, веревка - это не просто бондаж, это...

- Иногда именно он и есть, - признается он, посасывая мою шею в местечке, где бьется пульс. - Мне нравится, что в таком положении я могу касаться тебя, как хочу. Мы оба знаем, что я люблю контроль.

Мой смешок превращается в стон, когда его рука с плеча опускается на грудь.

- А еще мне нравятся видеть доказательства этого.

Прикусив губу и улыбаясь, я расстегиваю его ремень, затем ширинку и стаскиваю брюки с бедер.

- Какие доказательства?

Он смотрит на мой рот, выступая из своей одежды.

- Мне нравится оставлять отметины. Нравится видеть тебя такой мокрой или видеть, как на утро меняется твоя походка, потому что я хорошенько тебя оттрахал, и ты не можешь нормально ходить. - Финн проводит языком по моему горлу, заставляя меня трепетать. - Помнишь то утро, когда я тебя встретил в Старбаксе? После ночи со мной ты никогда так выглядеть не будешь.

Мое дыхание становится прерывистым, когда он начинает сильнее посасывать мое плечо, оставляя засосы в знак подтверждения.

- Мне нравится видеть, как я действую на тебя, - говорит он. - Ты *особенная*, потому что я знаю, как сильно ты мне доверяешь, и видеть, какое удовольствие я могу тебе доставить, сводит меня с ума. Веревка - это то, что мне очень, *очень*... - он отстраняется от шеи и целует в губы, подбородок, щеку, мочку уха и шепчет: - в этом помогает.

- О-о, - господи боже. У меня все болит, кожа покраснела. Клянусь, одно его касание у меня между ног - и я взорвусь. - Такой собственник, - бормочу я, выгибая шею, чтобы дать ему больший доступ.

- Да, - соглашается он. - Именно.

Внимательно изучая меня взглядом, он подводит меня к кровати и ложится сверху. Он такой большой в этой комнате, и занимает большую часть постели. Медленно опускает голову к моей груди, облизывает и втягивает в рот сосок, так что он набухает, покалывает, становится ярко-красным и горит.

- Вот так, - шепчет он и опять сосет, облизывает, сильнее зажимает вершинки губами, пока моя кожа не начинает блестеть от влаги в темной комнате. - Мне нравится, когда они влажные и твердые...

Он снова наклоняется и кусает кожу под соском. Его зубы прижимаются сильнее, и он не

отпускает, пока эта сладкая боль не становится единственным, что я сейчас чувствую, смесь давления и превосходного укуса, еще и *еще...*

- А-а-а, - кричу я, прежде чем кровь приливает обратно, и он проводит языком по отметине и нежно целует.

- Тебе приятно? - мурлычет он у моей кожи.

Я уже почти готова ответить, что нет, но когда боль уходит, я чувствую то, что никогда раньше не испытывала: пульсирующее тепло, смешанное с интенсивным удовольствием. Его маленький укус пробудил во мне ненасытный голод. Мне хочется, чтобы его рот снова был на мне, сосал и кусал еще больше.

- Еще, - только и могу выдавить я.

Глаза Финна победно искрятся от моей реакции - мои руки притягивают его лицо к груди, а спина выгибается над кроватью - и он очень осторожно рисует укусами сложный узор на моей груди. Вокруг сосков и по всей плоти ниже. Сбоку и на гладких ареолах вокруг набухших вершинок.

Он целует все мое тело, скользит по нему языком и посасывает, пока кожа не начинает сиять, а я почти на грани крика. Финн берет мою руку и проводит ею по каждой маленькой отметине.

- Потрогай их, - говорит он, покусывая мое плечо и спускаясь вниз к руке. - Скажи, что ты чувствуешь, когда я ласкаю тебя языком тебя.

Эти крошечные отметины напоминают мне следы от веревки, но они выглядят более интимными. Красные следы заявляют всей комнате, небу и луне, что в этот самый момент я принадлежу ему. Мое тело - его.

Я не хочу, чтобы они исчезали, так же, как и он, ведь он снова возвращается к первой отметине и начинает все по новой.

Я хочу, чтобы он прижимался ко мне всем своим телом, хочу чувствовать его дыхание на груди и сосках, пока он не заставит меня кричать, хочу его влажный и успокаивающий язык на этих чувствительных следах. Я чувствую себя такой открытой, полной всепоглощающего желания, такой горячей и податливой под ним, и готовой притянуть его к себе. Чтобы он оказался во мне.

Он посасывает мою кожу, пока его руки заняты чем-то другим, после чего я слышу, как разрывается упаковка презерватива, и как он раскатывает латекс по всей своей длине.

- Скажи, если будет чересчур сильно, - говорит он, ложась на меня, прижимаясь ко мне грудью, и входит в меня длинным и плавным движением.

По-моему, я кричала, ругалась или умоляла - не помню. Моя кожа ноет от трения, и в то же время это пугает. Божественная пытка. Следы от укусов пульсируют и горят, моя грудь настолько влажная, что Финн со стонами скользит по мне, входя и выходя из меня. О боже. Скольжение его кожи по моей груди обжигает и покалывает, доставляет удовольствие и успокаивает, и когда он немного приподнимается, мне хочется притянуть его обратно. Прижавшись к нему, я прошу, чтобы двигался быстрее.

Пожалуйста...

- Скажи, что ты чувствуешь, - отрывисто выдыхает он.

- Я чувствую... Чувствую... - с каждым ударом сердца моя грудь пульсирует, она такая чувствительная, что я знаю: стоит ему чуть прикоснуться языком к соску и...

Финн наклоняется, прижимается языком к коже чуть ниже соска и гладит им вверх, одновременно начиная глубоко трахать меня короткими и резкими ударами. Я кричу, сжимая его.

Чувствую, что я твоя.

Его язык успокаивает жжение, но при этом заставляет меня выгибаться, умолять еще и еще, чтобы его бедра двигались быстрее, а его рот смачивал бы мою грудь и *пожалуйста,*

пожалуйста,

пожалуйста,

пожалуйста, заставь меня кончить.

Он рычит у моей кожи как раз в тот момент, когда я, задыхаясь, дергаюсь под ним. Его звуки - нечто среднее между смехом и восторженным стоном, и он в мгновение ока поднимает и прижимает мои руки над головой, ускоряя движения своих бедер и рта, пока не начинает вдалбливаться в меня.

Я наполняюсь давлением, чувствую, как удовольствие нарастает, кожа горит и блестит от влаги, и я кричу его имя, поглощенная чистым, пульсирующим удовольствием, пока вообще не перестая ощущать прикосновения. Сейчас важен только Финн надо мной, собственное разрывающее на части удовольствие и мягкие хриплые звуки его одобрения:

- Вот оно. Вот. О-о, ебать, ты кончаешь. *Блять.*

Это так незнакомо, терять из-за кого-то голову, но именно так он действует на меня. Именно в такие моменты дикого блаженства, когда я только что кончила, а он следом теряет себя во мне - все другое исчезает. Пусть все звезды попадают с неба, или океан смоем землю, мне важно только то, как Финн замедляет свои движения, гладит меня по ноге, скользит выше, кладет руку мне на щеку и говорит, что еще ничего так сильно не хотел в жизни, как он хочет меня.

На самом деле, случись сегодня конец света, мы поняли бы это только на утро. Финн встает с постели, только чтобы снять презерватив, вернуться с влажным полотенцем и стереть смазку с моей кожи, чтобы он смог сделать нечто незабываемое своим ртом у меня между ног.

Его язык кружит по мне, он немного покусывает и рычит, как дикий зверь, раздвигая мои ноги, раскрывает меня шире одной рукой, а пальцами другой уже входит в меня. Именно сейчас я понимаю полное значение слова «*поедает*». Он *ненасытен*.

А потом, пристально оглядывая мое тело, он скользит пальцами ниже и делает что-то невероятное, только он знает, как мне нравится, и я с воплем и кончаю у его рта так сильно, как никогда прежде.

Он целует внутреннюю сторону бедра, пупок и сдавленно выдыхает:

- Гребаный ад.

После чего стягивает меня с матраса и нагибает над ним, поставив мои ноги на пол.

- У тебя ничего не болит, ты, грязная чертова девчонка? - спрашивает он, снова разрывая зубами упаковку презерватива.

Я оборачиваюсь и с вызовом смотрю на него через плечо.

- Нет.

- Хорошо.

Из-за того, что он сразу входит глубоко, я падаю на кровать и понимаю, что сейчас он будет трахать меня грязно и жестко.

Все, как в Вегасе: дико, с его рукой на моей заднице, а другой, настолько сильно вцепившейся в мое бедро, что на утро останутся синяки. И теперь я понимаю, чем был Вегас. Это не был «обычный» трах, когда Финн доминирующий и грубый. Это был Финн, открывшийся *мне*, прекрасно подходящий мне незнакомец. Возможно, с кем-то другим во время первого раза он был бы осторожным, действуя медленно, говоря нежные слова и сдержанно двигая бедрами - но со мной он таким не был.

Он мог быть только буйным, потому что чувствовал, также, как и я, что под ногами рушится земля, когда ты встречаешь человека, который тебя дополняет.

Финн опускает нас на пол, проводя рукой по моему влажному от пота позвоночнику, и потом спиной я чувствую его влажную грудь, когда он нагибается, прижавшись ко мне, и тут же снова начинает врваться в меня, быстро и плавно, жадными руками сжимая мою грудь.

Он ненасытен на полу, потом у стены, снова на кровати с моими ногами у него на плечах. И прикосновения его пальцев так настойчивы, что я с криком кончаю, когда он кусает мою лодыжку. Сам он на грани, но замедляет движения, постанывая, прижавшись губами к моей коже.

- Что ты хочешь, чтобы я сделала? - спрашиваю я, поглаживая его вспотевшую грудь и опуская ноги с его плеч.

- Это охуеть как *восхитительно*, - говорит он между тяжелыми вдохами, наклоняясь и целуя меня. - Я так хочу кончить, но пока не должен.

- Нам некуда спешить, - мурлыча, я притягиваю его ближе, чтобы он прижался ко мне грудью.

- Ты понимаешь, что раньше я трахал тебя без защиты? - тихо говорит он. - Ты хоть представляешь, как это офигенно - чувствовать тебя без сраного презерватива? Я не могу перестать думать, какая ты была горячая и нежная.

Как я могла забыть о случившемся в машине? Мои мысли затуманила смесь тоски и тревоги.

- Я изо всех сил стараюсь забыть на эти воспоминания, - он смеется мне в плечо и снова начинает двигаться. Я вспоминаю, каким гладким и горячим он ощущался.

Мне тоже этого хочется.

Я отталкиваю его, тянусь и снимаю презерватив.

- Нет, Харлоу, я не в этом...

- Ш-ш-ш, я знаю, - перебиваю я, беру полотенце и на этот раз обтираю его. - Иди ко мне.

Я ложусь на спину и притягиваю его бедра выше, над своим лицом. При всем том, что он со мной делал, он никогда не позволял себе кончить таким способом.

Он встает на колени по обе стороны от меня и осторожно скользит между губами в рот.

- Блять, - стонет он и зажмуривает глаза. - Ты меня убиваешь.

Сначала он делает несколько неглубоких коротких толчков, но став влажным, голодным и прижатым моим языком - а я не могу сдерживать отчаянные стоны - он начинает двигаться глубже. В мире нет ничего более желанного, чем наблюдать, как он ускоряется, упираясь руками о стену, а головой об изголовье кровати, и его грудь сотрясается с каждым отрывистым вдохом. Он сдавленно выдыхает:

- Уже скоро, - я скольжу рукой к центру бедер, обхватываю основание члена, а другой беру за яйца. - Если продолжишь в том же духе, я кончу тебе в рот, - предупреждает он.

Я сжимаю руки, сосу сильнее, и он выгибает спину, набухая на моем языке, и кончает с самым горячим гребаным стоном, какой я только слышала. Он нависает надо мной, с его лба стекает пот на подушку рядом с моей головой, когда он с дикими глазами и хищно раздувающимися ноздрями наблюдает, когда я облизываю и целую его.

Он медленно отстраняется и, восстанавливая дыхание, усаживается на пятки надо мной.

- Боже мой.

Его тяжелый член лежит у меня на груди, а я ощущаю себя разбитой в самом лучшем смысле этого слова. Я вымотана, не чувствую костей, потная и, наверное, самая удовлетворенная женщина за всю историю сексуальных отношений.

Соскользнув вниз по моему телу, Финн выглядит гораздо серьезнее меня. Он внимательно осматривает мою грудь в тусклом свете луны, льющимся в окно. Пальцами пробегает по почти исчезающим отметинам.

- Ты в порядке?

- Да.

Он наклоняется и покрывает мою грудь легкими посасывающими поцелуями.

- Сегодня мне это было нужно.

- Мне тоже, - сквозь глубокий вдох торопливо отвечаю я. - Даже страшно, насколько сильно.

- Тебе точно хорошо? - встав надо мной в темноте, спрашивает он. - Может, хочешь еще?

- Все идеально. - Матерь божья, он что, может *еще*?

Он наклоняется и целует меня в кончик носа, словно видит меня насквозь.

- Ага.

Не смотря на его скудные эмоции и не очень-то развернутые ответы, Финн на удивление восхитительный и щедрый любовник. До меня только сейчас дошло, что он больше наслаждается, когда доставляет мне удовольствие, нежели когда я ласкаю его.

- Тебе хоть раз говорили, какой ты замечательный? - я произношу это таким дрожащим голосом и виню за это свое постмультиоргазмическое состояние.

Не удивительно, что он смеется и целует меня между грудей.

- Нет. - он выходит из комнаты и направляется в ванную попить воды.

- Так вот, чтобы ты знал, Солнышко - ты замечательный.

Когда он возвращается, матрас прогибается, и под одеялом я ощущаю невероятный жар его тела у себя за спиной. Он осторожно, чтобы не толкнуть, поворачивает меня на бок, рукой обхватывает талию и кладет ладонь на живот в новом для меня захватывающем дух жесте обладания. В конце концов мое дыхание успокаивается, и я пребываю в таком чудесном состоянии, готовая провалиться в сон, где окружающий мир будет идеальным.

- Это из-за тебя, - наклоняясь поцеловать мои волосы, шепчет он.

Это из-за тебя.

Я тут же начинаю перебирать варианты, что он хотел этим сказать. Хотя он сразу же уточняет, что имел в виду:

- Мне хочется быть хорошим для тебя, - он поворачивает меня лицом к себе, целует и признается: - Я такой чертовский дикий только из-за тебя.

- Думаю, что я заметила это только сейчас, - шепчу я.

- Имею в виду... - поясняет он. - *Я люблю, когда ты дикая.*

Я ощущаю каждую каплю крови, накопившейся в груди, как нарастает давление и трепет, и потом возвращается к конечностям вместе с безумной вспышкой адреналина, облегчением и любовью, такой огромной, что я чувствую головокружение.

- Правда? - улыбаясь, как дурочка, спрашиваю я, зная, что он не видит меня в темноте.

Но его смех доказывает обратное: он отлично меня видит.

- Правда.

Мне удастся сказать то же самое, смеясь, когда он прижимается губами ко мне, жестко и буйно, и все начинается по новой.

Глава 12

ФИНН

Я опять лежу в знакомой мне позе: в постели, мозг безостановочно работает, пока я смотрю в потолок.

Но на этот раз потолок другой, и вместо теней пальм надо мной мерцающее ночное отражение бассейна во дворе. Соседи Харлоу намного тише, чем у Оливера. Нет ни играющей в гараже молодежной группы, ни лающей собаки в соседском дворе, и за час проехало всего пара машин.

Тут так умиротворенно – тишину нарушает только ее мягкое мерное дыхание рядом со мной – и если немного напрячь слух, можно услышать океан в паре кварталов отсюда. Сейчас темно, она уснула всего час назад, ее нога лежит на моем бедре, она прижимается ко мне каждым дюймом своего голого тела. И двигаясь во сне, она сильнее сжимает простынь на моей талии и этого почти достаточно, чтобы отвлечь меня от своих мыслей, соблазнить меня разбудить ее и оттрахать снова.

Почти.

Я никогда не был сильно разговорчивым. У меня не было склонности выражать словами все, что происходит в моей голове. Никогда не понимал, почему некоторым людям обязательно нужно заполнять тишину разговорами. Я понимаю, что в большинстве случаев Харлоу именно такая – та, кто управляет беседой и может разговорить даже самого замкнутого человека – но она никогда не пыталась быть такой со мной. Она может переговорить любого известного мне человека, но в то же время, когда мы вместе, она спокойно относится к нашему молчанию. Она позволяет мне быть самим собой.

Я думал, что знал, кем мы были друг для друга, но из-за этого стресса и тревоги на протяжении последних пару недель что-то изменилось. Это неожиданное осложнение, но я рад, что так случилось. Прошлой ночью мы по-настоящему поговорили о наших чувствах, но вроде бы так ничего и не решили. Но я хочу ее, это я знаю точно.

Харлоу что-то бормочет во сне, и я поворачиваюсь на бок, чтобы убрать волосы с ее лица. Когда я рядом с ней, мне так легко забыть о той горе ожидающих меня счетов за лодку, о сломанном оборудовании и о том, что с каждым днем приближается начало нового сезона.

Но, блять, нужно возвращаться домой. Я откладывал это, как мог, но больше ждать нельзя. Мне надо быть там. Но как я могу уехать сейчас? Ее улыбка или остроумный комментарий, – и этого достаточно, чтобы мои мысли перестроились по большей части на порнографические, а те важные, касательно моей семьи и ответственности, отошли на второй план.

Я старался это игнорировать. Пытался успокоить свое сердце при каждом упоминании ее имени, старался в свободное время поменьше думать о ней и не беспокоиться, все ли у нее в порядке. Но я так больше не могу. Да и не хочу.

Господи, я еще никогда в жизни так много не думал о женщине.

– Финн?

Я вижу, как она моргает и просыпается.

– Я здесь, – говорю ей. Я целую ее висок, щеку, спускаясь рукой вниз по ее телу и кладя ее на бедро.

– Ты остался, – это не вопрос, и я чувствую, что она действительно проснулась и поняла, что я

все еще здесь, с ней. Харлоу приподнимается и седлает меня. Ее шторы приглушают свет фонарей, и все, что я могу разобрать, это ее силуэт и розовые соски на светлой коже груди.

- Конечно, остался, ведь это возможность еще раз тебя трахнуть, - говорю я, и она смеется.

На самом деле, я сам, как и она, удивлен, что остался. Я пообещал себе, что дождусь, пока она заснет, буду уверен, что она в порядке, и уеду к Оливеру. Я хотел придерживаться определенного плана. Хотя кого я обманываю.

Ее руки поглаживают мой живот, и мой член уже твердый у нее между ног. Она покачивает бедрами, скользит по мне, и я чувствую, что она все еще мокрая.

- Со сном покончено? - положив руки ей на бедра, спрашиваю я.

Она медленно и сонно кивает.

- Видела тебя во сне.

Круговыми движениями я провожу пальцами от ее бедренных косточек до пупка.

- И о чем сон?

Она нарочно качает бедрами чуть сильнее.

- Об этом.

Каждый раз отклоняясь, она оказывается все ближе и ближе к головке члена, и вот я уже вхожу в нее. Без защиты.

- Осторожно, - предупреждаю я, но она не обращает внимания.

Харлоу наклоняет голову, и ее волосы щекочут мою грудь и живот.

- Как хорошо, - задыхаясь, произносит она. - О-о... Господи, как же хорошо.

Я должен взять контроль в свои руки, нужно приподнять ее, но я твердый и жадный, и не могу заставить себя это сделать.

Еще разок.

Еще секунда.

- Подожди, - прошипев, говорю я, когда чувствую трение ее клитора, такого горячего и скользкого. - Милая, дай я кое-что надену.

- Подожди еще секунду, ладно? - просит она, скользя на мне. - А-а-а... Вот здесь. Прямо здесь.

- Да? - подложив под голову подушку, я смотрю, как мой член снова и снова исчезает в ней. - Пиздец, это какое-то сумасшествие. Малышка, что мы делаем?

Но как только я это произнес, приподнимаю бедра, чтобы ей было удобней двигаться. Мой мозг плавится, когда я вижу, что она вот так использует мое тело, чтобы кончить, и пытаюсь вспомнить причину, почему нам нужно остановиться. Еще пара толчков, и я мог бы кончить один, и мы прижимались бы друг другу, как парочка тинэйджеров.

Харлоу откидывается назад, держась за мои бедра для равновесия, и из-за этого небольшого движения, этого крошечного изменения угла проникновения моя головка начала, плотно прижимаясь, потираться об нее на глубине.

- О-о-о, *блять*, - выдохнул я, изо всех сил удерживая ее на месте. Я чувствую жар и лихорадочный голод и знаю, что должен прямо сейчас остановиться, но мои инстинкты берут верх.

Харлоу стонет и подается вперед.

- Ты хочешь, чтобы я остановилась?

Я киваю, а губы шепчут «нет». Из меня вырывается куча ругательств, но, похоже, Харлоу не обращает на них никакого внимания.

- Черт. Ты прав, - с болью в голосе признает она. Выпрямившись, уже начинает вставать с меня, но я ее удерживаю, схватив за талию.

- Господи. Подожди, - я делаю глубокий вдох, внезапно заметив, как по вискам стекает пот, и как простынь прилипла к спине. Каждый мускул натянут, как провода, готовые порваться при малейшем движении. Ее тело ощущается так, будто принадлежит мне. - Просто дай мне... ощутить тебя. Всего на секунду.

Наверное, я какой-то мазохист, чем иначе можно объяснить всю эту пытку?

Кожа Харлоу еще теплая ото сна, ее тяжелые руки и ноги лежат на мне. Я ни за что не продержусь дольше минуты, если она продолжит смотреть на меня вот так - сонно и жадно - особенно когда нас ничего не разделяет.

Мне хватает секунды решить перевернуть ее, устроиться сверху и снова войти в нее. Ее ноги широко расставлены, колени согнуты и прижаты ко мне.

- Я всего лишь хочу почувствовать тебя, - снова говорю я, пытаюсь не обращать внимания на ее нетерпеливые кивки и на то, как охотно она со мной соглашается. Ее рот слишком соблазнительный, ее влажные губы приоткрыты, и я наклоняюсь и пробую ее. - Если хочешь... я могу вытащить.

Она перемежает свои слова легкими покусываниями:

- А ты можешь... кончить... *на* меня?

Всегда были вещи, которых я избегал в своих мыслях - секс, который может привести к новым и более длительным отношениям. Я хотел, чтобы он был грязным, грубым, немного непристойным и немного запретным. Я хочу заклеить Харлоу по всему телу, попробовать все, о чем она мечтает, видеть следы от веревки и зубов и покраснения от порки на ее коже.

Мне нравится, что она хочет того же самого.

- Ты этого хочешь? - спрашиваю я, медленно прижимаясь внутри и почти рыча от удовольствия. - Хочешь видеть это на своей коже?

Харлоу запрокидывает голову, сжимая в кулаке простыни. Ее сиськи двигаются при каждом моем толчке, матрас поскрипывает, и я смутно осознаю, что за стеной соседи. Но

единственное, что меня заботит – это как она сжимает меня изнутри, как ее кожа смотрится в лунном свете, и те сладкие звуки, что вырываются из ее рта с каждым моим движением.

Я уже слишком близко, и это слишком быстро, но, кажется, нас это не волнует. По позвоночнику пробегает горячий ток, оседая внизу тела. Я чувствую, что стал еще тверже, руки еще сильнее сжимают ее бедра, и я на самом деле боюсь, что на утро у нее останутся синяки.

И тут Харлоу кончает, пульсируя и сжимаясь вокруг меня. Я уже на волоске, двигаясь сквозь ее оргазм, я сжимаю челюсть и напрягаю все тело, чтобы хоть немного сдержать свой оргазм. Она задыхается, приподнимается ко мне и проводит рукой вниз по торсу до того места, где мы соединяемся. Со стоном я выхожу из нее, двигая рукой по всей длине, как в тумане, и мой оргазм уже так близко, что в ушах звенит. Ее имя соскользнуло с моих губ, и хотел бы я, чтобы сейчас горел свет, и я мог видеть ее лицо, когда изливаюсь ей на живот, грудь и шею.

Харлоу смотрит на мое семя на своей коже, и размазывает его пальцем вокруг соска. Это было так инстинктивно и так по-собственнически... что именно в этот момент я понимаю: я без ума от этой девчонки.

Я падаю на кровать, не чувствуя конечностей, сердце бешено стучит, и мне нужно восстановить дыхание и работу рук и ног.

- Ты останешься на ночь? – спрашивает Харлоу, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть на нее.

- Да, но я завтракаю с парнями. Поэтому надолго остаться не смогу.

Харлоу зеваает, потом берет футболку и вытирает весь беспорядок со своей кожи.

- Мне в любом случае нужно с утра отвезти маму, – рассеянно говорит она. – Я тебя разбужу, когда буду уходить.

Я киваю и целую Харлоу в подбородок, затем щеку, чувствуя жар ее кожи на своих губах.

- Люблю тебя, – говорит она, закрывая глаза.

Сейчас, наверное, три ночи, и я говорю: «Я тоже тебя люблю» в ответ, притягиваю ее ближе, подстраиваясь своим телом под ее. Я так устал, но все же замечаю, что что-то здесь не так. Хотел бы я быть не таким сонным, чтобы понять, что именно.

Харлоу встала ни свет ни заря, как и говорила. Она разбудила меня поцелуями и приглашением принять душ вместе. И я трахнул ее у стены в ванной, перед тем как закончить душ.

По утрам Сан-Диего пахнет океаном и соленым ветром, и кажется, что он окутывает тебя, как старый плед. Этот запах настолько напоминает о доме, что если я закрою глаза, могу почти забыть, что нахожусь в тысячах километров от дома и занимаюсь совсем не тем, чем должен. И это слегка нервирует.

Или даже пугает? Сколько раз мне казалось, что я все делаю *правильно*, и что не хочу уезжать отсюда.

Звонок Колтона вернул меня в реальность и вырвал из нашего с Харлоу мыльного пузыря. Я написал ему сообщение после той встречи с представителями телеканала:

«Все прошло удачно, есть о чем подумать, подробности позже».

Но я так и не сделал этого – ни тем вечером, ни следующим утром – надеюсь, что так дам им время решить, какого хера нам всем теперь делать с нашими жизнями. У меня до сих пор нет ни одной идеи. Конечно же, когда я ему перезвонил, включилась голосовая почта, ведь было 8 утра, и они работали, а я пообещал, что сегодня вечером вернусь домой и все объясню.

Теперь осталось только решить, что именно, черт возьми, я им скажу.

С одной стороны, я рад, что братья сейчас настолько заняты, что им некогда думать о той встрече, или даже сообразить, что я всячески избегаю обсуждать эту тему. Хотя я в жизни никогда не вел себя настолько безответственно.

Согласиться ли нам на шоу? Или, может, не стоит? Условия у них замечательные, да и деньги приличные. Но это полностью изменит нас: и образ жизни, и то, как на нас будут смотреть другие. И как мы будем себя вести. А что будет с Харлоу – получится ли у нас что-то? Еще недавно я и подумать не мог о наших возможных отношениях. А сейчас, мать вашу, *только* об этом и думаю. Если я не брошу семью и бизнес, я не вижу ни одной возможности бывать в Калифорнии. И если у Харлоу нет каких-то идей, она не сможет в ближайшее время переехать ко мне на Ванкувер.

Харлоу на причале или на нашей развалине-лодке... Не думаю, что когда-либо буду готов увидеть это зрелище.

Я уверен, расскажи я все Оливеру и Анселю, мне бы полегчало, но я чувствую свою вину, что держал их в неведении. Честно говоря, мы и виделись-то не так часто, как нам бы хотелось, именно поэтому сейчас я еду узкими улочками квартала Gaslamp, паркую свой огромный грузовик, чтобы встретиться с ними за завтраком.

На улицах этим ранним утром пусто, по дороге я встречаю пару машин и несколько озабоченных своим здоровьем человек на пробежке. Я замечаю машину Оливера, когда поворачиваю в сторону Maryjane's.

Вижу парней на диване в задней части зала, где повсюду красовались портреты Мика Джаггера и сбоку от них включенный на музыкальном канале телек.

- Дамы, – приветствую я, присаживаясь рядом с Анселем. – На улице прекрасный денек.

- Финн, – отвечает Ансель. Он берет стоящую передо мной чашку и наливает в нее кофе из принесенного официанткой кофейника. – Мы тебе уже заказали. Выбрали самое мужественное блюдо в меню.

Я смеюсь.

- Спасибо.

Оливер сидит напротив меня

- Ты с утра сама любезность. Скажи, кого мы за это должны поблагодарить?

- И тебе тоже доброе утро, Оллс.

Оливер наклоняется, поправляя очки на носу, и ставит локти на стол.

- Ты прав, где мои манеры? Доброе утро, Финниган. Как дела?

Рядом со мной посмеивается Ансель.

- Я отлично, спасибо. Как у тебя дела, Оливер?

- Хорошо, все хорошо. - кивая, отвечает он. - Я тут заметил, что ты не ночевал дома. Да и вообще не часто бываешь дома в последнее время. Я уже начал волноваться. Молодой парень, один в большом незнакомом городе, гуляющий ночью по улицам...

- А вот об этом подробнее, - вклинивается Ансель, отпивая свой кофе.

Но Оливер все продолжает:

- Ты никогда не был парнем, цепляющим девушек на одну ночь, поэтому меня раздрает любопытство, с кем же ты был все это время.

- Я был с Харлоу, - признаюсь я. - Мы, э-э, как бы... видимся.

Я был спасен от допроса с пристрастием, потому что как раз в этот момент официантка приносит наш завтрак.

- Ого. Это точно завтрак настоящего мужика, - я смотрю на тарелку с тостами, беконом и глазунью с жидким желтком.

- Могу я попросить еще немного вот этого... - спрашивает ее Ансель, держа в руках маленькую белую емкость, наполненную какой-то коричневой сахарной смесью. - Похоже, я... - он останавливается, держа палец у рта и подбирая нужное слово. - М-м-м... *comment ce dire?* Когда любишь сладости?

Официантка моргнула как минимум раза три и даже слегка покачнулась на месте. Я уже был готов подхватить ее, но она встряхивает головой и сосредотачивается.

- Сладкоежка? - уточняет она.

- Да, точно! Я сладкоежка. Принесите еще вот этого.

С порозовевшими щеками она кивает, забирает чашу и уходит искать Анселю коричневый сахар.

- Господи боже, Ансель, - говорит Оливер.

- Что?

- Я точно расскажу об этом Миа, - уверяю я.

Ансель высыпает ежевику в овсянку и смотрит на нас, невинно моргая.

- Что я сделал?

- Надо было сразу трахнуть ее на столе, - замечаю я. - Это было бы менее неловко для всех нас.
- Уверен, она уже залетела от тебя, - Оливер показывает ножом в сторону кухни. - Сам потом объясняй это своей жене.

Смеясь, я добавляю:

- Блин, думаю, сейчас она соберет тебе коричневый сахар со всего кафе.
- Вы прямо такие шутники, - с невозмутимым видом говорит Ансель.
- Кстати, как Миа? - интересуюсь я.

Ансель смотрит на меня с самой дурацкой в мире улыбкой с ямочками на щеках.

- Шикарно.
- Ой, - говорит Оливер и положил свою вилку. - Не дай ему продолжить. Лола рассказывает, что перед тем, как к ним заехать, она их предупреждает. В прошлый раз она их слышала всю дорогу, пока ехала по Julianne's driveway.

Ансель только пожимает плечами, выглядя отвратительно довольным собой.

- Что могу сказать? Я сам довольно шумный любовник и наслаждаюсь громкими довольными криками своей жены во время самого лучшего секса, который у кого-либо был, - он наклоняется, глядя на нас, и повторяет: - *Самого*.

Мы с Оливером хохочем, когда понимаем, что во время его монолога подошла официантка и поставила перед ним сахар. Не знаю, что именно она слышала, но судя по ее смущенному румянцу, думаю, что всю его речь целиком.

- *Merci*, - широко улыбаясь, благодарит ее Ансель.

Бедная девушка бормочет:

- Пожалуйста, - перед тем как вернуться на кухню.
- Ненавижу тебя, - заявляет Оливер.
- Ты не был бы таким злым, если б задумался о своей жизни.
- А он дело говорит, - соглашаюсь я.

Оливер пожимает плечами, откусывая свой завтрак.

- Да ладно тебе. Ты симпатичный и успешный мальчик, - говорит Ансель. - Почему ни с кем не встречаешься?
- Мы что, теперь, как героини «Секса в Большом городе», будем сидеть и обсуждать это? Если ты не еще заметила, Кэрри, я только что открыл магазин. У меня нет на это времени.
- Кто такая Кэрри? - спрашиваю я, но Ансель не обращает на это внимания.
- Ты что, шутишь? Я был у тебя всего пару раз, и там полно странных горячих цыпочек.

- Ну, я особо и не смотрел на них.

Ансель прищуривается.

- Что значит, *не смотрел*? И по какой причине? Твой член еще на месте?

Оливер смеется.

- На месте.

- У тебя никогда не было проблем перепихнуться с кем-нибудь, но я видел тебя только с Лолой, с тех пор как... - Ансель замолкает, пытаясь подобрать слова, и, наконец, выдает: - О-о-о, я все понял.

- «О-о-о»? - повторяю я, глядя на них. - Что понял?

- Ему нравится *Лола*.

Оливер уже отрицательно качает головой.

- Нет, нет, не нравится. Мы с ней просто друзья.

- «Друзья», - повторяем мы с Анселем хором.

- Честно. Она мне нравится, но не в том смысле. Она умная, с ней весело тусоваться, но это все.

Боже, а Оливер совсем не умеет врать.

- Но вы двое были *женаты*, - напоминаю я ему.

- Были, но, в отличие от вас всех, мы даже не целовались.

Ансель уже качает головой.

- Мы *все* целовались, у меня даже где-то фотка есть. Она самая горячая на свете ботанка.

- Да, мы были женаты, но это не значит, что у нас будет продолжение. Посмотри на Финна.

- На меня?

- Конечно. Я могу только догадываться - и даже не спорь и не отрицай - но ты трахался с Харлоу все время, пока был тут, и явно не готов снова сделать ей предложение.

- Хм, - я с возобновленным интересом погружаю нож и вилку в свою еду. - Вообще то мы... больше не хотим быть *только друзьями*.

Ансель поднял руки и прочистил уши, будто не расслышал.

- *Comment?* - спрашивает он на французском. - *Что?*

- Она мне нравится, - я подношу вилку к губам и не опускаю ее. - Больше, чем просто нравится.

- Только не причини себе боль, - замечает Ансель, а я, фыркнув, откусываю тост.

- Срань господня, Финн, - удивляется Оливер. - Ты это серьезно?

- Ага, серьезно.

- Но подожди. Ты же уезжаешь, - добавляет он. - Уезжаешь ведь? Конечно, ты не особо распространялся, зачем приехал, но я знал, что не просто так.

- Не просто. Я приехал по делам и скоро пора уезжать. Но я не уверен, как у нас с Харлоу все сложится дальше.

За столом воцарилась полная тишина, и каждый делает вид, что увлечен содержимым своей тарелки, но на самом деле пытается осмыслить то, что я сейчас обрушил на них, словно бомбу.

- А у вас это вроде неплохо получается? - спрашиваю я Анселя. - У тебя с Миа? На расстоянии.

У Миа и Ансель уже несколько месяцев была любовь на расстоянии, и сейчас они были увлечены друг другом больше, чем в Вегасе.

Ансель откидывается на спинку дивана и глубоко вздыхает. Так вздыхают, когда готовы рассказать о наблевшем.

- Дело в том... - он проводит рукой по лицу. - Я сейчас так счастлив. Конечно, тяжело, когда мы на расстоянии, но когда мы вместе, я обо всем забываю, все становится неважным.

Оливер сглотнул, указывая на меня вилоккой.

- Вы решили попробовать отношения на расстоянии?

- Я не знаю, - признаюсь я. - Я вообще никак не понимаю в наших отношениях.

- Тебе здесь нравится? - спрашивает Оливер. - В Сан-Диего.

- Конечно. Но я срочно должен вернуться, - я уже не притрагиваюсь к еде, только гоняю вилоккой по тарелке, потеряв аппетит. - То есть, не совсем *срочно*, но в ближайшие пару дней.

- Думаю, у вас все получится, - говорит Ансель. - Конечно, Харлоу сейчас не может оставить маму, но...

Я резко поднимаю голову и моргаю, глядя на него, и в груди снова появляется то же чувство, как и вчера ночью.

- Почему она не может оставить маму?

- Ну, как же она может ... - слова застревают у Анселя в горле, и он нервно оглядывается на Оливера. - Черт.

Оливер у нас, как скала, его эмоции всегда было сложно угадать, но я знал его лучше всех. И сейчас, глядя, как он ерзает на диване, вижу, что ему явно неловко. И тогда до меня доходит, хотя эти двое ничего и не сказали. Я все понимаю.

Харлоу упомянула, что ее мама плохо себя чувствует. Мистер Фёрли спрашивал о здоровье Маделин. Желание Харлоу забыться и убежать от всего. Мама Харлоу серьезно больна, и это не простуда или грипп.

- Боже мой, - простонав, я закрываю лицо руками.

- Рак груди, - тихо говорит Оливер. - Кажется... сейчас прогрессирующая стадия. Ей сделали операцию пару недель назад, а сейчас она проходит курс химиотерапии.

- Третья стадия? - догадываюсь я.

Он кивает.

- По-моему, так. Как я слышал, она пока хорошо справляется.

Я только и могу, что смотреть в свою тарелку, ведь в груди колет знакомая боль. Я не знаю точно, на что я больше злюсь: на Харлоу, потому что она скрыла это от меня, но рассказала всем остальным, или на всех, что держали это от меня в секрете. Я все ей рассказал, а она не смогла со мной поделиться? Ведь я бы точно это понял.

Я бросаю вилку, и звук разлетается по всему ресторану, заглушая работающий телевизор и разговоры других посетителей. Все, что я съел, застряло у меня в горле, и я не знаю, чего мне хочется больше: чтобы меня стошнило или убраться отсюда к чертовой матери.

- Финн, - хватая меня за руку, говорит Оливер. - Послушай, я не знаю, почему она тебе не рассказала. Но это не мой секрет, чтобы всем рассказывать. Богом клянусь.

- Я знаю.

- У нее на это были свои причины, - тихо говорит Ансель.

- Ну, спасибо, утешил.

- Подумай об этом, прежде чем делать глупости, хорошо? Я сам сильно накосячил с Миа. Просто выслушай ее.

Я встаю, достаю бумажник и бросаю двадцатку на стол.

- Ты куда собрался? - спрашивает Оливер.

Я качаю головой. Чувствую, как сердце бьется о ребра, а в ушах гудит кровь. Я так переживаю за нее, но при этом злюсь и не понимаю, почему она мне ничего не сказала. Мое лицо горит, и я не уверен, что сейчас хочу найти Харлоу и спросить ее, какого хера тут происходит... Или же мне просто хочется сесть в машину и уехать.

- Мне нужно сделать пару звонков, - вместо этого говорю я. - В последнее время я был не самым лучшим капитаном и братом, поэтому придется многое наверстать. Они сейчас занимаются ремонтом, и мне нужно кое-что проверить. Я свяжусь с вами позже, парни.

Глава 13

ХАРЛОУ

Проходит всего час от моей пятичасовой рабочей смены на NBC, когда мне звонит Сальваторе и говорит, что согласен на мое предложение. Ему не только понравилась моя идея, он еще собирается предложить мне должность в своей новой компании.

- Хватит уже переключать бумажки в офисе, - говорит он. - Ты должна занять свое место, ребенок. - и впервые в жизни я согласна.

Я готова.

Я едва могу сосредоточиться на гигантских стопках документов, которые нужно разложить, на копиях, которые делала, и на кофе, что подавала. Наконец-то мы нашли выход, подходящий для всех: Финн может сохранить семейный бизнес, а я чаще смогу быть с ним.

Первое, что я делаю в понедельник после обеда, когда выхожу из офиса, это пишу Финну:

«Ты у Оливера?»

Я вижу, как он начинает печатать в ответ, но перестает. Я спускаюсь на лифте, выхожу из здания, подхожу к машине, все это время глядя в телефон, чуть не врезаюсь в телефонную будку и не сбиваю велосипедиста, потому что толком не смотрю, куда иду.

Я уже почти подъехала к дому, когда получаю ответ:

«Ага».

«ОК, оставайся там», - пишу я, смеясь над тем, как много времени ему потребовалось написать одно слово.

Также безумно долго он идет к двери, хотя его грузовик все еще припаркован возле дома. И когда открывает, он выглядит... плохо.

Даже *мрачно*.

- Привет, - говорю я и встаю на цыпочки, чтобы его поцеловать. Он недавно принял душ, но не побрился. Он колючий и пахнет мылом и кофе. Но он не наклоняется ко мне, а только подставляет щеку.

- Привет, - избегая зрительного контакта, Финн отходит, чтобы я смогла пройти в дом.

- Сегодня ты не очень-то и... любезный, - бормочу я, усаживаясь на диван. Я чувствую тяжесть в животе и, глядя на него, начинаю мысленно вспоминать, что я сказала или сделала за последние сутки, из-за чего он мог так себя вести. - Я что-то сделала?

Он хмыкает, пожимает плечами и спрашивает:

- Ну как дела?

Я на минутку останавливаюсь, ведь он не ответил на мой вопрос. Но я пришла сюда с хорошими новостями, меня так и распирает все рассказать и поднять ему настроение.

- Я пришла кое-что тебе сказать. Что-то очень хорошее.

- Хорошее, говоришь? - глядя на меня, спрашивает он. Его лицо с мрачного меняется на заинтересованное. - Хорошие новости о твоей маме?

Я замираю, не уверенная, правильно ли я расслышала.

- Что ты сказал?

- О твоей маме? - повторяет он. - Хорошие новости о ее здоровье?

- Но как... - запинаясь я, закрыв глаза, и сердце подпрыгивает в груди. Финну я еще ничего не говорила, значит, он узнал от кого-то еще. - Нет. Но я... Как ты... - я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти слова. Кто ему рассказал, и как много он знает? Желудок скручивает. Теперь мне понятно его настроение. - Финн, я собиралась тебе рассказать, но это не было...

Его лицо снова напряжено, а челюсти сжаты.

- Но ты поняла, что твоя мама болеет тем же, от чего умерла моя. Я думал, ты доверишься мне, потому что я единственный человек из многих, кто сейчас понимает твои чувства. Кроме того, ну, знаешь, потому что ты меня любишь.

Я отступаю, в груди начинает закипать злость.

- Ты мне сейчас выговариваешь, потому что я *немедленно* не поделилась с тобой?

Он закрывает глаза, прижав пальцы ко лбу.

- Я весь день об этом думал, Печенька. Понимаю, почему ты сразу мне все не рассказала, правда. Но хотя бы позже... - он качает головой. - Я себя дерьмово чувствовал, все валилось из рук, и ты действительно мне помогла. Именно *ты*. И это помогло мне понять, что между нами не только физическое притяжение. Но, похоже, тебе совсем не нужна такая же поддержка от меня.

Я начала было перебивать его, но он поднимает руку, останавливая меня.

- И когда мы оба признали, что между нами нечто большее - мы *знали*, что это так - ты ничего мне не рассказала. Я знаю, что для тебя значит твоя семья, Харлоу. Знаю, как вы близки. Мне очевидно, почему ты была такой отчаянной и расстроенной, и рядом со мной не хотела обо всем этом думать. Я понимаю. Но я не могу понять, почему прошлой ночью или в те другие разы, когда были только мы вдвоем, и так прекрасно друг друга понимали, ты не могла просто... - он замолкает, проводит рукой по лицу и садится на стул напротив меня.

- Я просто действительно не была готова говорить...

- Ничего подобного, - закипая, перебивает он. - Все знали. Миа, Лола, Оливер и Ансель. Блять, все всё знали. Я был в твоей постели, ты смотрела на меня, как на единственного, и только я ничего не знал о том, что тебя так сильно гложет, хотя именно из-за этого ты и пришла ко мне.

Мне хочется встать и подойти к нему, но я не могу понять его позу: плечи опущены, локти лежат на коленях, бейсболка так низко натянута, что я не вижу его глаз. Так он выглядел несколько недель назад. Незнакомец, за которого я вышла замуж.

- Финн, прости меня. Я скрывала это не из-за тебя. Я просто...

Он качает головой и вздыхает. Спустя, кажется, вечность, он говорит:

- Я... понимаю, что ты чувствуешь - как тяжело пройти через все это. Как сильно ты старалась защитить семью. И... Не знаю, подумав об этом, я понял, что, возможно, поступил бы так же, случись это сейчас. Все это немного удивило меня, вот и все.

- Конечно.

- Я имею в виду... - он с беспокойством смотрит на меня. - Ты в порядке?

- И да, и нет.

Мы молчим мучительно долго. Я не знаю, что еще сказать. Казалось, сейчас самое время рассказать ему о происходящем с мамой, но вот настроение совсем не подходящее. Я не хочу, чтобы он сейчас жалел меня, и уж точно не хочу все это обсуждать, когда он такой отстраненный и молчаливый. Я встаю с дивана и подхожу к нему, неуверенно улыбаясь.

- Привет, - положив руки ему на колени, говорю я.

Он смотрит на меня и тяжело сглатывает.

- Привет, малышка, - наконец, шепчет он, расставляя ноги, чтобы мне было удобно.

Я провожу руками по его бедрам, животу, груди и прижимая его к себе, чтобы оставить легкий поцелуй на его напряженных губах.

- Мне не нравится, что сейчас происходит с нами, - еще раз целуя, говорю я. - Я планировала тебе рассказать, возможно, даже сегодня, просто прошлой ночью мне хотелось, чтобы были только я и ты.

Он кивает.

- Я понимаю.

От моих посасывающих поцелуев он начинает потихоньку расслабляться, и я уже чувствую его руки у себя на спине.

- Для меня это важно, понимаешь? То, через что ты проходишь сейчас, было в моей жизни. Наверное, было самым важным моментом. Если мы собираемся дальше...

Понимая, что он хотел сказать в конце этого предложения, я говорю:

- Обещаю, мы обо всем поговорим. Мне нужен тот, кому я могу выговориться.

- Хорошо.

Наши поцелуи короткие и очень нежные, Финн лишь слегка касается кончиком языка моих губ, чтобы увлажнить их. Его рука скользит по животу вниз между ног, и он накрывает ладонью меня между ног через джинсовые шорты.

Немного вздрогнув, я уклоняюсь от его жесткой хватки.

- Болит? - спрашивает он, глядя на меня и притягивая обратно.

- Немного ноет. Ты меня объездил, как скаковую лошадку.

Смеясь, он снова меня нежно целует и шепчет:

- Если хочешь, могу там тебя поцеловать, и все заживет.

Образ лица Финна у меня между ног и воспоминания о его теплом посасывании и рычащих вибрациях, и обо всем, чем мы занимались прошлой ночью, заставляют меня жадно хотеть

большого, глубоких поцелуев с его языком и стонами.

Он кладет одну руку мне на затылок и делает то, чего я хочу: глубокий, требовательный поцелуй мужчины, который собирается уложить меня и удовлетворить.

Его член упирается мне в живот, и я не могу это игнорировать. Целуя его шею, я стягиваю с него футболку, посасываю и покусываю его теплую грудь, живот, верх бедер. Он чуть приподнимается, расстегивает ширинку и помогает мне стащить с него джинсы.

Мне нравится эта честность между нами: как он наблюдает, удерживая на мне взгляд под тяжелыми веками, когда я провожу языком по все длине от основания до головки, слизывая его сладкую влагу.

- Блять, как приятно, - шепчет он.

Я дразню его, облизываю основание и по всей длине, смачиваю его так, чтобы взять его в рот так глубоко, как только смогу, посасываю, двигая головой вверх и вниз, и он с приоткрытым ртом не отводит от меня потемневших глаз.

Немного отодвигаясь, я улыбаюсь.

- Мне нравится, с какой серьезностью ты на меня смотришь, когда я сосу его.

- Я воспринимаю это чертовски серьезно, - большим пальцем он потирает мои губы.

Я облизываю палец, затем облизываю головку члена, обхватываю обоим губам и дразню языком. Мышцы его живота напряженно подрагивают под моими ладонями

- Пойдем в кровать, - сдавленно произносит он. - Хочу быть языком в тебе, когда ты будешь делать это.

Я отступаю и поднимаюсь, а когда он встает, то снова надевает джинсы и наклоняется ко мне.

- Иди сюда.

Его поцелуй такой сладкий и такой сильный, что мои колени слабеют. Его руки на моей талии и спине, и его огромное тело окутывает меня... Мне кажется, что я цепляюсь за него, ползу вверх так, чтобы его обнять.

- Это что, сейчас была наша первая ссора? - не отрываясь от моих губ и улыбаясь, спрашивает он.

- Похоже на то, - говорю я. - Было не так уж плохо.

- Эй, - говорит он, глядя на меня. - Давай по-быстрому рассказывай свою хорошую новость, пока мы не разделись и не забыли о существовании вселенной.

Ну хорошо.

Сглотнув, я делаю глубокий вдох. Не знаю, почему я так нервничаю - *это же хорошая новость* - но это очень важно для нас обоих, и мне хочется, чтобы и ему понравилось.

- Мне кажется, я нашла способ спасти твой семейный бизнес.

Из него вырывается смешок, и он немного отходит, спрашивая:

- Да что ты? Давай, удиви меня.

Боже, это тяжело, когда вернулось его насмешливое настроение. Собравшись с духом, я выдаю:

- У меня появилась идея, когда мы были у Сальваторе, но я не хотела тебе рассказывать, прежде чем не была бы точно уверена, что это сработает.

Финн прищурился.

- У Сальваторе свой продюсерский центр - вместе с моим отцом - и в апреле они начинают снимать достаточно крупный фильм. Съемки будут проходить в море, и им нужно большое судно.

Он по-прежнему смотрит на меня, не выражая никаких эмоций. Мой желудок сжимается.

- Я подумала, может, они отремонтируют твою лодку в счет оплаты за работу, а так как мне предложили должность в его компании, я смогу много времени проводить с тобой.

Он медленно кивает, взглядом изучая меня.

- Не уверен, что уловил твою мысль.

- Я говорю, что сведу тебя с Сальваторе, а он хочет заплатить за аренду твоей лодки на несколько месяцев для съемок фильма. Но самое лучшее то, что использовать они ее будут в основном ночью, а по утрам ты сможешь продолжить рыбачить и...

- Ты предложила использовать для съемок мою семейную лодку, не посоветовавшись со мной?

Моя кожа холодеет, а в груди нарастает паника.

- Не *предложила*, а просто хотела убедиться, что можно использовать, как вариант...

- Но, похоже, твои личные связи с Сальваторе позволили тебе получить его согласие. И все это ты сделала за моей спиной, - он застегивает джинсы. - Это я так, убедиться, что правильно тебя понял.

- Финн, я...

От резко и обозленно усмехается.

- И они ведь даже не представляют, во сколько обойдется ремонт лодки?

- Они починят «Линду», чтобы использовать именно ее, тебе же это на руку, да? Хочу сказать, это несколько сотен тысяч, а остальные ты можешь использовать, чтобы снова встать на ноги.

- Надо же, вы уже и лодку выбрали, и сумму обсудили? - глаза Финна округляются настолько, что, кажется, я впервые вижу, какие они зеленые. - Харлоу, ты даже мои лодки ни хера не видела, как ты вообще могла всерьез это обсуждать?

Весь этот разговор напоминает удавку. Я все еще чувствую его тепло и форму у себя во рту. Мои руки дрожат, а глаза щиплет от наворачивающихся слез.

- Финн, пока это была всего лишь пара бесед. Они знают, что тебе нужно починить лодку, - его лицо краснеет, челюсть напрягается, и я спешу добавить: - Им так не терпится поработать с тобой.

- Знаешь можно дохуя всего решить во время таких маленьких бесед. И что, они уже все подсчитали, да?

Я чувствую, как мой желудок подпрыгивает.

- Мне кажется, они уже почти все решили.

Он уже готов взорваться.

- Тогда почему ты не обсудила все со мной, перед тем как предлагать эту идею Сальваторе? - спрашивает он, отворачивается и начинает вышагивать по комнате. - С чего ты решила, что это вообще хорошая идея - участвовать во всем *этом*? Это *мой* бизнес, Харлоу, это вся моя жизнь. Моя семья. Откуда тебе знать, что все сработает? Ты всего лишь раскладываешь бумажки да приносишь пончики в NBC, пока я пытаюсь спасти дело моего деда, которое он начал в *18 лет, черт возьми*. На кону жизнь моего отца и братьев! Я даже толком не знаю, что ты сказала этим парням.

- Я тебе все расскажу, - я подхожу к нему и беру его за руку. - Когда я говорила у Сальваторе дома...

- Да, блять, Печенька, - перебивает он, не слушая и отворачиваясь. Он снимает бейсболку, проводит обеими руками по волосам и по лицу. - Это просто *бред* какой-то.

Наш разговор выбивает почву у меня из-под ног, и я пытаюсь сообразить, как же ему объяснить, что это *хорошая новость*.

- Этих денег хватит отремонтировать основную лодку, - напоминаю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. - Ты сможешь использовать ее *также*, как и делал до поломки. И тебе не нужно будет участвовать в телешоу, чтобы ее сохранить. Это позволит тебе остаться на плаву, работать с братьями и вернуться...

- Ты хоть понимаешь, как наивно это звучит?

Я изумленно уставилась на него. Чувствую пульсацию на шее и как сильно колотится мое сердце.

- Знаешь, что? Почему бы нам не созвониться и не поговорить об этом позже? Когда ты перестанешь вести себя, как полный мудака.

Он ошарашенно поворачивается ко мне.

- *Мудака?* - закрыв глаза, он глубоко вдыхает и выдыхает, снова открыв их. - Да, будет лучше, если ты сейчас уйдешь.

Миа забирает из моих дрожащих рук уже третью кружку кофе.

- Милая, думаю в тебе уже достаточно кофеина.

Она отказалась от драгоценного времени с Анселем, чтобы встретиться со мной, когда я на нервах.

Застонав, я роняю голову на руки:

- Это я тупица? Или *он* тупой?

Лола откусывает свой черничный маффин.

- Думаю, оба.

- Пожалуйста, кто-нибудь, объясните, как устроен мужской мозг? Сначала он злился из-за мамы, потом я была готова подарить ему лучший на свете минет, потом хотела спасти его бизнес, после чего он берет и показывает мне свой мужской характер, - я чувствую, как возвращаются слезы. - Какого черта вообще *произошло*?

- Если вкратце, - начинает Лола, - то ты его потенциальному будущему партнеру во всех подробностях рассказала о его проблемах и предложила то, что, по сути, он предоставить не может.

Я издаю длинный стон:

- Боже, когда ты так говоришь, я чувствую себя идиоткой.

С выражением «*что поделаешь?*» на лице Лола сочувственно подмигивает.

- Утром я встречалась с Сальваторе, и все было замечательно, Лола. Конечно, это рискованно, но если бы он выключил свой режим пещерного человека и подумал. - глядя на девочек, я прошу: - И кстати. Ничего не рассказывайте Оливеру и Анселю. Финн им еще об этом не говорил.

Лола тут же кивает, но вот Миа ерзает на стуле и, наконец, говорит:

- Хорошо. Но, я надеюсь, он скоро сам им расскажет, потому что секреты между мной и Анселем до добра не доводят.

- Знаю, Сахарочек, прости, что поставила тебя в такое положение, - я тянусь через стол и накрываю ее руку своей. - Но не будем забывать, что именно твой болтливый муженек проболтался Финну про мамин рак, так что теперь вы оба мои должники.

- Не переживай, я как раз придумываю ему наказание, - шутит она.

Я смеюсь.

- Ты монстр.

- Сама подумай. Ансель на половину Адонис, а на половину щеночек. Ты серьезно думаешь, что я могу злиться на него за то, что он беспокоился о тебе, но не должен был говорить о твоей маме? - она приподнимает бровь, как бы говоря, что прекрасно знает ответ на свой вопрос.

Я снова опускаю голову на руки.

- Нет. Он у тебя просто чудо, а я сама дура, что, как обычно, полезла в чужие дела. Хотя раньше все получалось.

- А теперь объясни, что между вами происходит? - спрашивает Миа. - Мне казалось, что вы просто спите, потом перестали, а теперь ты вон в каком состоянии. Не хочу указывать на очевидное, Харлоу, но раньше ты не собирала экстренное собрание для обсуждения парня.

Лола кивает.

- Я была уверена, что ты единственная женщина в мире, у которой к двадцати двум годам не было ни одного кризиса в отношениях с парнями.

- Вчера ночью мы признались друг другу *в любви*, - шепотом признаюсь я.

- *Что?* - одновременно восклицают они, да так громко, что обернулись несколько посетителей.

- Господи, успокойтесь, истерички, - раздосадованная сама на себя говорю я, посмеиваясь. Что-то они слишком обрадовались. - Сначала он был просто забавным отвлечением от проблем с мамой и отсутствия хорошей работы, плюс еще этот кризис двадцатипятилетия, и ни один уважающий себя тридцатилетний мужчина не будет нормально к такому относиться.

Схватив салфетку, я начинаю рвать ее на мелкие кусочки.

- Потом я стала думать о Финне больше, чем о ком-либо другом, да еще эти его проблемы с лодкой, о которых я узнала уже позже. Вот тогда мы и решили немного поостыть.

- И что? - интересуется Миа.

- *И...* потом я начала думать, как решить его проблему, и мы стали все больше времени проводить вместе, потому что вы, придурки, заняты или на работе, или с мужьями, или ужасно рассеянные рядом с откровенно влюбленным мужчиной.

- Подожди. Что? - спрашивает Лола.

Не обращая внимания на ее вопрос, я тихо продолжаю:

- Финн милый и веселый, и не из болтливых, что для меня так непривычно, ведь я выросла в семье, где все всегда обсуждается. И он *горячий*. Боже мой, девочки. Финн в постели - *это что-то*. И совсем он не похож на всех слюнявых маменькиных сынков Ла-Хойи, он настоящий *мужик* и не плачет из-за сломанного ногтя. Финн может порушить твою вагину и воссоздать все заново для себя, - засучив рукава свитера, я продолжаю, понизив голос: - Он смотрит на меня с обожанием, подшучивает надо мной - как оказалось, мне это нравится - и мне кажется, что он *мой единственный*, - мне уже не важно, что я сейчас лепечу, лишь бы выговориться. - Он смотрит на меня, будто у нас есть маленький секрет, и так оно и *есть*. Мой же секрет в том, что я чертовски его *люблю*, а он повел себя как придурок.

Миа берет меня за руку и переплетает пальцы.

- Харлоу?

Я смотрю на нее. Миа и Ансель были женаты с июня, и всего пару месяцев назад у них была крупная ссора, такая ужасная, что, глядя на Миа, казалось, будто она потеряла самое дорогое в жизни - это было даже ужасней ее аварии, уничтожившей ее мечту о танцах.

Поэтому сейчас я прекрасно понимаю, что она собирается сказать.

- Ты должна все исправить, - говорит она просто. - Он злится, а тебе больно. Но как бы банально это ни звучало, все это такие мелочи. Иди и поговори с ним.

Схватившись за R2-D2, я стучу в дверь Оливера, и моя душа уже где-то в пятках или, может, отделилась от тела и улетела куда-то далеко. Грузовика Финна на парковке нет.

Оливер открывает дверь без рубашки, в штанах, сидящих слишком низко и открывающих слишком много тела парня, который навсегда должен остаться во френд-зоне. Он явно только что из душа, волосы мокрые и растрепанные, а очки слегка запотевшие. Даже с подступившей в горле паникой мне не нужно много времени, чтобы еще раз убедиться, как мило они бы смотрелись с Лолой, соберись он с духом во всем ей признаться.

- Ждешь кого-то? - не опускаясь взглядом ниже его лица, интересуюсь я.

Он откусывает яблоко и жует его с кривой усмешкой. Наконец, дожидаясь, он отвечает:

- Думаю, мы оба знаем, что нет, - он снова подносит яблоко ко рту и добавляет: - Одежда во что попало, также, как и ты, когда дома одна.

- Ты один? - повторяю я. - Потому что Финн уехал?

- Да, час назад.

- Уехал в...

Оливер показывает на север.

- В Канаду, - его австралийский акцент очень смешно коверкает слова, и большую часть понимаешь чисто логически, но я сообразила, что именно он сказал, а вот мой упрямый мозг никак не мог понять, как Финн мог уехать, не попрощавшись со мной.

Он уехал и даже не поцеловал на прощание или не удостоверился, что я не беременна после нашего спонтанного секса в машине, да и вообще *не найдя* меня. Что за мудака.

Неожиданно я так разозлилась, что захотела взять чертово яблоко Оливера и швырнуть его об стену.

- Вчера ночью я сказала, что люблю его, - сама не знаю, зачем я это говорю Оливеру. Словно он тоже должен знать. И мне становится чертовски хорошо: теперь он знает, от чего у меня закипает кровь, и что от этой злости и боли хочется орать. Я хотела подтверждения, что Финн настоящий засранец - я его получила. - Что самое прекрасное в этом? *Он признался первым*. А теперь он свалил к херам и даже *не попрощался*?

Если Оливер и удивлен, виду он не подает. Думаю невозмутимость - это его супер-сила. Я всегда знала, что у этого ботана она должна быть, и, глядя на его невозмутимое лицо, даже Святой Троице пришлось бы гадать, о чем он думает. Как жаль, что Лолу не особо интересует, что он мог бы ей предложить. Похоже, что они до конца своих дней будут похоже на героев «Остатка дня» [экранизация одноименного романа британского писателя японского

происхождения Кадзуо Исигуро - прим. редактора].

- Хочешь зайти? - спрашивает он.

Покачивая головой, я скрещиваю руки на груди. На улице 20 градусов тепла, а я мерзну. Так и бывает, когда тебе разбивают сердце? словно в грудь вонзили горячий кол, но при этом холодно, невозможно свободно вдохнуть и хочется расплакаться на так некстати голом плече Оливера.

Расставание - это отстой. Так хочется врезать кое-кому по шарам.

- Послушай, Харлоу, - притягивая меня в объятия, начинает он. - Ой, зверушка, ты вся дрожишь.

- Меня все бесит, - прижимаясь к нему, признаюсь я. Как Финн мог уехать из города? - Оливер... ну какого хрена, а?

Он немного отстраняется и смотрит на меня. *Сверху вниз*. Матерь божья, а Оливер, оказывается, высокий.

- Я знаю Финна уже очень давно, - медленно начинает он. - Должно пройти немало времени, чтобы он расстроился, и еще больше - чтобы он показал это. - подмигнув, он продолжает: - Знаю, что ты тоже расстроена, но он едва проворчал пару слов. Сказал, что мы поговорим позже, и ушел к грузовику. Я не знаю, что с ним происходит, или почему он уехал... Вообще ничего, если это, конечно, тебе поможет. Ты точно не хочешь зайти?

Я снова качаю головой.

- Он тебе не рассказал, что произошло?

Оливер посмеивается.

- Финн у нас не очень разговорчивый. Обычно он все рассказывает, после того как сам решит проблему. Если с ним что-то происходит, и он признался тебе, тогда он не врал о том, что сказал первым.

- Сказал, что... О-о. - говорю я. Он говорил ему о наших признаниях в любви. Ух. Это удар под дых.

Он наклоняется, ловя мой взгляд.

- Позвони ему, ладно?

Глава 14

ФИНН

В Сан-Диего я делал много вещей, не свойственных Финну Робертсу: высыпался, смотрел телевизор, покупал кофе в Старбаксе и не работал привычные 15 часов в день. Но сейчас - когда я уезжаю, глядя на закат над океаном - это первое знакомое чувство за это долгое время.

Пока я собирал вещи, домой пришел Оливер и с опаской наблюдал за мной из-за двери.

- Хочешь немного кофе в дорогу? - спросил он.

- Да, было бы неплохо.

Между нами ощущалось напряжение, и я знал, что у него накопилась сотня вопросов, и он их задаст, если дать ему такую возможность. В свою очередь он понимал, что у меня найдется сотня причин не отвечать на них, поэтому, как только я застегнул чемодан, мы прошли на кухню и встали возле кофеварки, наблюдая, как капали последние капли в кружку.

- Ты не можешь взять эту кружку, - сказал он, отворачиваясь, чтобы положить столько сахара, сколько ни одному нормальному человеку не стоит съесть за один раз.

- Конечно, не хочу, это же твоя кружка с Аква-мэном, думаешь, я хочу лишиться глаза?

Он посмотрел на меня и немного улыбнулся.

- Нет, не поэтому. Доставая твою кружку, у меня будет пара минут, чтобы мы поговорили до твоего отъезда.

- А-а.

- Я знаю, у тебя что-то происходит, - он не закончил предложение, и оно повисло в воздухе, пока он подошел к холодильнику, доставая упаковку сливок.

Я почувствовал вспышку паники и забеспокоился, что Харлоу после всего произошедшего разозлилась и все ему рассказала. Но она этого не сделала, это я знал точно, даже еще не слыша, о чем он скажет дальше. Харлоу может быть во все вмешивающейся, наивной и импульсивной, но предательство не в ее духе.

Оливер вернулся к столу и открыл упаковку, проверяя срок годности, перед тем как налить. Казалось, что мы просто ведем ежедневную беседу после работы, и словно он еще раз дает мне шанс все ему рассказать. Которым я, конечно же, не воспользовался.

- Просто знай, что ты всегда можешь со мной поговорить.

- Я знаю, - ответил я, благодарный Оливеру, что он никогда не настаивал. - Спасибо.

Вот и все. Он вручил мне кофе, обнял меня покрепче, да так, что это смутило бы и Ансея, и я уехал.

Я проехал мимо его соседей и направился прямо к трассе I-5, ни разу не обернувшись назад.

Тридцать три часа дороги и одну ужасную бессонную ночь в отеле спустя я на месте. Я сворачиваю на подъездную дорожку - шум гравия под колесами звучит, как колыбельная - и впервые за последние несколько недель я вижу свой дом. Было странно вернуться домой и увидеть, что все знакомое выглядит таким маленьким и чужеродным, после того как я, казалось, провел целую вечность в большом мире.

Именно в этот момент я понимаю, насколько мой мир отличается от мира Харлоу. Насколько он тише. Вместо огромных небоскребов я вижу открытые поля, кристально голубую воду и небо

с цветными полосами облаков, уходящих за горизонт. Я почти полностью окружен лесом, а воздух за домом наполнен острым ароматом гниющих деревьев и осенней листвы. Здесь нет пробок, шума, и, гуляя целые сутки, ты вряд ли встретишь хотя бы одного человека.

Воздух ощущается влажным – все вокруг влажно – и мои ботинки исчезают в траве, по которой хорошо бы пройтись газонокосилкой. После нескольких недель под калифорнийским солнцем эта погода застаёт меня врасплох. В следующем месяце должен начаться сезон штормов, за мое отсутствие начали опадать листья, и земля покрылась оранжевым, красным и бордовым. Я поднимаюсь на крыльцо и достаю ключи, смахивая листву в кучу. С легкостью открывшись, дверь широко распахивается, после чего со скрипом закрывается за моей спиной.

Мой дом небольшой, на две спальни, но чистый и удобный, и всего в паре шагов от воды. Я купил его в один удачный год и благодарен Благоразумному Финну, что все продумал заранее и купил дом, а не как придурок Колтон, который купил неэкономичный Мустанг и квартиру по пути в Викторию.

В доме был немного спертый воздух, поэтому я отставляю чемодан и открываю везде окна, чтобы проветрить. Становится прохладно, и почти мгновенно дом заполняется запахами соли и сосны. Сквозь заднюю стеклянную дверь видны бескрайние краски голубого и зеленого, а в некоторых местах зелень была такой густой, что доходила до самого берега.

Я оставляю дверь открытой и иду на кухню перекусить, но вскоре понимаю свою ошибку – надо было купить что-нибудь по дороге. Мой холодильник практически пустой, поэтому я разогреваю немного супа из банки и беру консервированные персики, которые нашел в кладовке, а уже завтра пойду в магазин.

Часы в дороге, полная голова мыслей и недостаток сна берут свое, и я сразу же направляюсь в свою комнату. Не закрывая окон, я раздеваюсь, скидываю покрывало и, впервые за долгое время проживания здесь, я с удовольствием ложусь в собственную кровать.

Когда я проснулся, в доме было холодно. Но это и хорошо, моя жизнь – здесь, и прохладный резкий ветер – это именно то, что мне нужно, перед тем как вернуться на лодку и провести там остаток дня.

Полноценная ночь сна позволила моему мозгу отдохнуть после всех этих дорожных раздумий. Я встаю с постели и одеваюсь, ощущая уверенность, что я точно смогу наладить наш бизнес. Чувствую облегчение от принятого решения, несмотря на нервные спазмы в животе. Я верю в себя и в братьев достаточно, чтобы быть спокойным: мы сможем снова встать на ноги, не смотря ни на что.

Я только надеюсь, что этим мы не загубим свои жизни.

Еще нет и пяти утра, а я уже на пристани. Солёный воздух наполняет легкие, и я двигаюсь на автопилоте, тело прекрасно помнит, что и как нужно делать.

Парни уже заняты. Там, где была заменена проводка, лежит новый настил, а рулевое управление в машинном отделении работает, как надо. Оборудование настроено, сети отремонтированы, и я чувствую гордость за братьев.

- Финн? - слышу я, оборачиваюсь и вижу моего младшего брата, Леви, поднимающегося на борт.

- Я здесь, - откликаюсь я.

Он идет на мой голос и входит внутрь, неся в обеих руках дымящуюся кружку с кофе. На нем теплая клетчатая куртка и шапочка, натянутая на вьющиеся волосы.

- Вот черт, - поставив кружку и широко раскрывая объятия, говорит он. - Рад, что ты вернулся, путешественник.

Похоже, в Сан-Диего я стал настоящей тряпкой, потому что когда он отстраняется, я тяну его назад, обнимая еще крепче.

- Спасибо, - отвечая я. - Спасибо, что позаботились о лодках. Вы, парни, неплохо справились, - я отстраняюсь, но прежде стаскиваю с него шапочку, взъерошив блондинистые волосы.

Его характерная улыбка на месте. Леви всегда был самый улыбчивым из нас и настоящим шутником, тут он меня не разочаровал.

- За мной идет Колт, но мы можем улизнуть и покрасить друг другу ноготочки, если тебе сильно хочется.

- Пошел на хуй, - говорю я и, смеясь, бросаю в него его шапочку.

С огромным бумажным пакетом с обедом в одной руке и яблоком в другой появляется Колтон.

- Вы только посмотрите, кто вернулся, - говорит он. Он обнимает меня с такой же силой, что и Леви, и все сейчас встает на свои места: братья Робертс на лодке, готовые начать новый день. Кроме того, что этот день начинается по-другому.

- Послушайте, - начинаю я, сняв бейсболку и почесав лоб. - Думаю, сегодня нам стоит остаться на пристани.

Колтон изучает меня с секунду.

- Почему?

Я осматриваю пристань и все еще не вижу, чтобы отец поднимался на борт.

- Папа остался дома?

- Наверное, придет позднее, - отвечает Колтон. - Тем более, когда он в курсе, что ты вернулся.

- В чем дело, Финн? - интересуется Леви. - Мы сегодня не будем расставлять сети?

Я решаю, что надо сразу им все рассказать, в присутствии отца или нет. Я надеваю бейсболку и смотрю на каждого брата по очереди.

- Думаю, я принял решение.

Леви подходит чуть ближе.

- И в чем оно заключается?

- Думаю, мы должны согласиться, - я смотрю на Леви и смеюсь над его умоляющим лицом. - На шоу.

Братья вопят от восторга и бросаются меня обнимать.

- Блять, да, - кричит Колтон и его голос эхом отражается от воды. - Ох, Финн, да это же здорово. Хвала небесам.

- Ты хоть представляешь, что скажут люди? - спрашивает Леви, но при этом улыбается так, что сразу видно - это его беспокоит меньше всего. - Они же нам проходу не дадут.

- Да пусть говорят все, что хотят, - отвечаю я. - Можешь им помахать из открытого моря, ведь наши двигатели на ходу.

- Ага, я им буду рассылать воздушные поцелуи, прикрывшись одной только выпиской со счета, как фиговым листком, - добавляет Колтон.

Леви ржет:

- Уж ты-то точно будешь.

Я стою и смотрю на них, не понимая, куда делись Леви и Колтон, которых я оставил, перед тем как уехать к Оливеру. Дела были хуже некуда, и, может быть, до сегодняшнего дня я этого не осознавал, наблюдая сейчас эту разницу. Они оба улыбаются, такие молодые и счастливые. И впервые за целый год смотрят на меня с надеждой. Счастье нельзя купить за деньги, но, согласитесь, намного проще его найти без беспокойства, когда ты поешь в следующий раз.

- Давайте-ка, - говорю я им, снимаю большой блокнот с крючка возле двери, большим пальцем листая ежедневные дела. - Хочу все еще раз проверить и сообщить им, что нам надо починить.

Леви направляется за мной в рубку.

- Ну а теперь расскажи про Калифорнию.

- Что означает рассказ о кисках, - перебивает Колтон.

- Следи за языком, Колт, - тихо упрекаю я.

Колтон смотрит на меня с самым комичным невинным лицом, какое я только видел.

- Все прошло хорошо. Было здорово встретиться с Анселем и Оливером. Посмотреть на магазин, - я помечаю пару напоминаний в блокноте, добавляю сегодняшнюю дату и начинаю писать список дел в порядке важности. - Я видел Харлоу, - добавляю, сразу же об этом жалея.

- Харлоу, - повторяет Леви с явным интересом в голосе. - Харлоу, которая в плащике?

Ну конечно, разве Леви мог о таком забыть. Карма - та еще сука, и Леви посчастливилось приехать ко мне домой как раз в тот момент, когда Харлоу садилась в такси. Он определенно был счастлив поделиться этой информацией со всеми членами нашей семьи.

Я смотрю на него поверх блокнота.

- Да, та самая Харлоу.

- Ах ты, сукин сын, теперь понятно, почему ты не отвечал на звонки.
- Да, на счет этого... - начал было я, но Леви уже качает головой.
- Мы большие мальчики, Финн, и сами справились. А вот ты заслужил отдых, мужик.
- Точно, - вторит Колтон.
- Ладно тогда, - немного растерянно отвечаю я, не зная, что на это ответить. - У нас есть двигатель, который мы должны перебрать, прежде чем сделаем контрольный звонок, так что за работу.

Как будто и не уезжал. Я работал от рассвета до заката - прерываясь только на обед, чтобы мы с братьями и отцом позвонили продюсерам сообщить, что мы все-таки согласны - и было так чертовски приятно работать до полной усталости, когда даже нет сил стоять, и ты слишком измочален, чтобы думать или беспокоиться.

Я проснулся посреди ночи, когда вся ясность ума отдыхала в сторонке. Мне приснился очень реалистичный сон. Снилось Харлоу, она сидела на мне и смеялась над моими словами. Ее обнаженное тело было еле различимо в лунном свете, а когда я проснулся и ничего этого не увидел, по всему нутру прошла боль.

Было куда проще лежать и смотреть в потолок, чем отважиться снова заснуть и снова увидеть ее во сне. Я не уверен, ускорила ли Харлоу невозможность наших отношений своим разговором с Сальваторе Марин за моей спиной, или это я разрушил их, согласившись на участие в этом шоу, но как бы то ни было, я должен признать: для нас нет никакого будущего.

Несмотря на все это, сейчас я понимаю, что никогда до сих пор не любил, и не представляю, как все это пережить. Мне и страшно, и интересно, всегда ли будет ощущение этой пустоты под ребрами, словно в Калифорнии я оставил что-то жизненно важное.

Прошло четыре дня, с тех пор как я видел ее последний раз, и всех, кто утверждает, что со временем станет легче, хочется послать нахуй. Я практически не сплю, не ем и работаю на износ.

Я привел дела в порядок с Сальваторе и выставил на продажу нашу самую маленькую лодку, чтобы сконцентрироваться на двух больших. Организаторы шоу в течение недели пришлют механиков отремонтировать «Линду», поэтому у меня еще есть время попробовать что-то сделать самостоятельно. Я прихожу в доки первым и ухожу последним. К среде мы полностью перебрали двигатель и наконец-то поняли, что причина серьезнее, и самостоятельно нам не справиться.

Колтон полдня провисел на телефоне с продюсерами, обсуждая все поломки, пока я с Леви проверял шкивы на износ. Отец проверял сети, говоря, что и где нужно отремонтировать, когда я слышал знакомый голос.

- Разрешите подняться на борт, Капитан Дрочер.

Я смотрю вниз и вижу улыбающегося Оливера.

- Срань господня, - удивляюсь я. Я машу ему, чтобы он поднимался на лодку. - Какого черта ты тут забыл? - моя первая реакция, конечно же, радость, когда я увидел друга, который проделал весь этот путь до меня.

Но потом я почувствовал почти животный страх. Я приехал и уехал, не объясняя ему никаких причин, и даже не отзвонился, когда доехал до дома. А сейчас, когда я принял важное решение относительно семейного бизнеса, я так ничего и не рассказал двум своим лучшим друзьям.

- Что-то случилось? С Анселем? Или с Харлоу?

Он уже отрицательно качает головой.

- С ними все в порядке, - отвечает он. - Я приехал поговорить с тобой, - он тянет меня в объятия, потом отходит и смотрит вокруг. - Никогда не думал, что снова окажусь здесь, - говорит он. - Тут воняет гребаной рыбой.

- Да будь я проклят.

Мы оба оборачиваемся и видим идущего к нам улыбающегося Колтона.

- Колтон, - приветствует Оливер и пожимает ему руку. После чего переводит взгляд с него на меня. - Похоже, ты, маленький засранец, вырос таким же уродцем, как и твой братец. Как дела?

- Хорошо. Даже великолепно. Ты уже слышал о нашем шоу?

Вот блять.

- Шоу...

- Да, для «Adventure Channel», - из Колтона сыплется, как из рога изобилия. - Два чертовых сезона, Оллс. Я не могу пове...

- Колт, - я перебиваю его, подняв руку. - Я надеялся сам все рассказать Оливеру.

Улыбаясь, Оливер поворачивается ко мне, но я знаю его достаточно давно, чтобы понять, что это не «я-так-рад-за-тебя» улыбка. Это именно та улыбка, которую он показывал, когда кто-то путал «Звездный путь» с Баком Роджерсом или не понимал развитие любовного треугольника между Россомой, Джин Грей и Циклопом.

- Отличный план, Финн, с радостью услышу все из первых уст.

Потирая шею, я жду, пока Оливер и Колтон закончат разговор. Мое внимание привлекает вопрос Колтона, как долго тот здесь пробудет.

- Планирую завтра уже вернуться домой.

Колтон стонет:

- К чему такая спешка? Нам бы не помешала бы помощь на следующей неделе, когда приедут механики и Финн не пустит их на борт.

- Очень смешно.

- Послушай, мне надо вернуться в машинное отделение, но, надеюсь, вечером выпьем пивка? - спрашивает Колтон, собираясь уходить.

Оливер кивает.

- Обязательно.

- Клево. Рад тебя видеть, чувак, поговорим вечером.

Мы наблюдаем, как Колтон скрывается за поворотом, и Оливер говорит первым:

- Мне нравятся твои братья.

- Да, они хорошие парни. Пока меня не было, смогли со всем справиться.

- А знаешь, кто мне сейчас *не* нравится?

- Ансель? - предполагаю я.

Он смеется.

- Пошли прогуляемся, Финн.

Оливер шагает на причал, а я немного задерживаюсь, прикидывая, смогу ли улизнуть домой, но отправляюсь за ним. На первый взгляд Оливер кажется таким же непринужденным, как и все, кого я знаю. Он один из тех, кто все держит в себе, едва показывая эмоции. Поэтому тот факт, что он прилетел сюда проведать меня, ничего не зная о шоу... Похоже, мне достанется.

Не смотря на то, что солнце еще высоко, на улице пронзительный ветер. Он покачивает стоящие на причале лодки, и пока мы идем, становится еще прохладней. Судовой гудок пронзает тишину, и тогда Оливер поворачивается ко мне.

- Полагаю, именно из-за этой неразберихой с шоу ты и уехал? Именно это тебя все время и беспокоило?

Я стаскиваю бейсболку и зарываюсь рукой в волосы.

- Это тебе Харлоу рассказала? - часть меня хотела бы, чтобы она так и сделала. Если Харлоу ему все рассказала, мне не было необходимости еще раз ему объяснять и выворачиваться наизнанку.

Но я не такой удачливый.

- Нет, она как раз-таки сообщила, что это твои дела, и ты должен сам все рассказать. Я с ней согласен.

Тишину заполняют звук волн, разбивающихся о волнорез. Я должен был сказать ему и Анселю.

- Финн, я знаю, что ты не большой любитель поговорить. Я понимаю. Черт, после проведенного

времени с болтливым Анселем я даже благодарен тебе за это. Но я тебя люблю, ты мой лучший друг, и я давал тебе кучу возможностей довериться мне и рассказать, что творится в твоей жизни. Поговори со мной.

- Я не люблю все обсуждать, пока сам не найду выход.

- Я понял, - кивая, отвечает Оливер. - Но получается, я приезжаю сюда убедиться, что с тобой все в порядке, и только сейчас узнаю от твоего брата, что ты уже подписал контракт на телевизионное шоу...

Он неопределенно машет рукой, показывая, что ему даже не нужно заканчивать предложение.

Я показываю в сторону скамейки в конце причала, и в напряженной тишине мы идем к ней. Садимся, Оливер кладет руки на спинку, а я опираюсь локтями на колени, глядя вниз. Причал такой старый от времени и погоды, и я могу поклясться, что помню каждую дощечку.

- В последние пару месяцев дела шли не очень, - рассказываю я. - Цены на рыбу понизились, а на топливо выросли. Народ стал терять деньги направо и налево. Отец собирался заложить дом. Я был уверен, что и мне пришлось бы сделать так же. А ты видел мой дом, Оллс. Сам знаешь, что собственных средств у нас немного. Мы буквально собирали по копейкам.

- Дерьмово, - бормочет Оливер.

- Так вот, - продолжаю я. - В прошлом месяце к нам приезжала пара сотрудников «Adventure Channel». Они хотели снять фильм на лодке, заснять нашу жизнь и все, через что мы проходим. Во всех подробностях. Конечно, моя первая реакция была послать их нахуй. Потом, осознав, что они говорят серьезно, я хотел отказаться, потому что это шоу явно задумано не про рыбалку, это шоу о нас и наших жизнях.

- Ты имеешь в виду о четырех мускулистых канадцах?

- Вот именно, - потирая лицо, говорю я. - Но парни - папа и братья - решили, что я должен их послушать. Они просто устали от тяжелой борьбы, понимаешь?

Оливер кивает.

- Мы поговорили и решили, что раз я самый упрямый - и поверь мне, я до смерти сопротивлялся - именно меня и отправили в Л-А на встречу с руководителями телеканала, обсудить все детали и вернуться. Решение же мы должны принять вместе.

- Ага, - говорит Оливер. - Поэтому ты и приехал.

- Чем больше я об этом думал, тем больше был уверен, что не хочу в этом участвовать. Даже когда приехав в Сан-Диего, я это знал. Я не хотел давать добро и обнадеживать их. Не хотел делать из нас посмешище. Но когда я приехал в Калифорнию и... один из двигателей вышел из строя, потом и другой, в итоге мы могли бы вообще все потерять. И не один кредит не смог бы нам помочь.

- Ты не сказал ни мне, ни Анселю.

Я качаю головой.

- Не сказал.

- Но *рассказал* Харлоу.

Глубоко вздохнув, я перевожу взгляд на горизонт. Над головой нарезает круги чайка, прежде чем клювом вниз спикировать в океан.

- Да, - наконец, отвечаю я.

- И как ты думаешь, должен ли я злиться, что ты *рассказал* ей, а не мне? Ты с ней знаком сколько, двенадцать часов? - спрашивает Оливер. - А мы дружим больше шести лет.

- Ты прав. Но вы с Анселем постоянно присутствуете в моей жизни. А Харлоу временно. - Оливер приподнимает бровь и я быстро добавляю: - Поначалу я так думал.

- И поэтому тебе было легче открыться человеку, которого ты едва знаешь, нежели тем, с кем общаешься всю взрослую жизнь?

- Думаешь, я не понимаю, что это бессмысленно? Но я не хотел, чтобы вы знали о происходящем, до тех пор пока сам во всем не разберусь. Мне не хотелось, чтобы вы видели меня в таком состоянии.

- Ты упрямый гордый идиот, Финн Робертс.

Я поправляю бейсболку.

- Ну да, мне это уже говорили.

- После всего услышанного, я так понимаю, ты уехал, когда узнал, что Харлоу сделала тоже самое.

Я сдвигаю брови, ничего не понимая.

- Она не хотела говорить тебе о своей маме, ты не хотел говорить нам о своих проблемах. Вы оба хотели пережить все самостоятельно.

- Нет, - качая головой, отвечаю я. До меня доходит. Он думает, я уехал, потому что Харлоу ничего мне не рассказала. Господи. С каких пор я стал таким бездушным? - Я не *потому* уехал из города, Оливер. Ради всего святого. Такое же случилось и с *моей* мамой, а еще я *рассказал* Харлоу о своих проблемах, и ночью мы признались друг другу в вечной любви. Если бы дело было только в этом, меня не надо было бы спасать.

- Очевидно, здесь что-то еще, и Харлоу такая же упрямая, как и ты.

Я потираю глаза руками.

- Я уехал из города, потому что мне нужно было возвращаться сюда и... - глядя на него, я делаю паузу, - и я уехал, потому что разозлился на Харлоу, когда она хотела спасти мой бизнес, не обсудив это со мной.

Качая головой в недоумении, Оливер откидывается на спинку.

- Что?

Я рассказываю, как Харлоу встречалась с Сальваторе Марин, не посоветовавшись со мной. Как она обсуждала детали моей жизни, к которой не имеет отношение. Как она предложила

использовать на протяжении нескольких месяцев мою лодку, когда даже не знала, смогу ли я выполнить условия контракта или нет.

- Получается, она заранее не хотела тебе говорить, пока не убедилась, что все получится? - мягко интересуется Оливер, словно чтобы просто *убедиться* в том, что он и так знал. - Она не хотела делиться этим, пока это не стало реальной возможностью?

- Ну да, - осторожно отвечаю я. - Именно так она и объяснила.

- Прямо, как ты, когда не хотел говорить нам о телешоу, пока это не стало реальной возможностью?

Я понимаю, куда он клонит, но тут все равно не складывается:

- Оливер, эта ситуация - полный бардак. Конечно, я сразу же должен был вам все рассказать, ведь вы мои друзья. Но Харлоу следовало посоветоваться в этом вопросе, от этого зависит *вся моя гребаная жизнь*. Это не одно и то же.

Некоторое время он смотрит на воду.

- Да, я понимаю.

Мне больше нечего добавить.

- Пошли, блять, выпьем пива. Я тебе расскажу все подробности про шоу.

Оливер кивает, встает и идет за мной в сторону моего грузовика.

- А ты счастлив здесь без нее? - спрашивает он. - Ты доволен, что каждый вечер возвращаешься в пустой дом?

Невесело усмехнувшись, я отвечаю:

- Не особо.

- Ты, конечно, думаешь, что она настоящая засранка, которая пыталась разрушить весь твой бизнес. Вот же сучка.

- Господи, Олс, она ничего такого *не хотела*, - инстинктивно защищая ее, отвечаю я. - Возможно, она просто искала способ, чтобы мы были вме...

Я останавливаюсь, оглядываюсь и вижу широченную самодовольную ухмылку Оливера.

Со стоном я говорю:

- Да пошел ты на хуй, чертов австралиец.

Глава 15

ХАРЛОУ

Во вторник я просыпаюсь и сразу же понимаю, что у меня начались месячные, которые сразу же принесли как облегчение, так и злость на Финна, что он просто запрыгнул в свой грузовик

и свалил на север, так и не разобравшись в наших отношениях.

Одно из качеств, которое мне нравилось в Финне, – что он очень простой и готовый на все ради семьи, работы или друзей. Похоже, это не относилось к девушке, на которой он был женат двенадцать часов часов, влюблен в течение дня, и которая могла от него залететь.

Но тут же вспоминаю, почему мне это в нем так нравилось – потому что именно так воспитывали и меня. Заботиться о других. Не пугаться ответственности. Решать проблемы. И, как говорил мой папа бесчисленное количество раз, «беспокойство – это еще не подготовка».

Поэтому на рассвете я еду к родителям проверить, убедиться или, по словам папы, стать навязчивой мухой.

Папа уже встал, но толком не проснулся и ел хлопья, глядя в окно, поэтому я взбегаю по лестнице и забираюсь к маме в постель. Я не хочу посвящать ее в свои проблемы, зная, через что она каждый день проходит, но она все же мама, которая нуждается в крепких объятиях.

У нее еще не выпадали волосы, но я уже оплакивала их. Я унаследовала папину оливковую кожу, но мои рыжие волосы были от мамы, и сейчас они были рассыпаны по всей подушке, такие же длинные и густые, как я помню с детства. Ее волосы были ее главным достоинством на пике ее карьеры. Однажды она даже снималась в рекламе шампуня, и я любила ее дразнить, ведь они были очень блестящие и пышные.

- Доброе утро, Тюльпанчик, – спросонья бормочет она.

- Привет, Пантин.

Она хихикает и утыкается лицом в подушку.

- Ты никогда от меня не отстанешь с этим, да?

- Ага.

- Гонораром от этой рекламы мы оплатили...

- Папины камеры, которые он использовал при съемке «В западне», – заканчиваю я за нее. – Это помогло ему заключить контракт с «Юниверсал» для «Виллоу Раш», за который он получил Оскар.

Это правда. Мамина работа оплачивала папину, именно так мы и двигались вперед, и каждый этим гордился, не смотря на то, что мой папочка самый гордый мужчина на земле. Мама была из богатой семьи в Пасадене. А папа сын матери-одиночки. Но его никогда не заботило, что его карьера пошла в гору, благодаря имени и связи с Маделин Вега. После того как любовь всей его жизни стала его женой, для папы имели значение только три вещи: что мама взяла его фамилию, как сделать ее счастливой и чем бы им двоим заниматься в жизни.

- И почему парни такие придурки? – спрашиваю я.

Она смеется.

- Ни разу не слышала, чтобы ты расстраивалась из-за парня. Я уже начала было волноваться.

- Волноваться, что я интересуюсь девушками?

- Нет, - смеясь еще громче, отвечает она. - Это было бы еще полбеды. Я переживала, что ты стала хладнокровной пожирательницей мужчин.

- Делаю, как папа, - зарываясь лицом ей в волосы, объясняю я. Не смотря на обычные шампунь и крем для лица, сейчас она пахнет по-другому - не плохо, а просто иначе - это результат химиотерапии и других процессов, происходящих с ее телом. Не то чтобы я думала об этом каждый час, но иногда это обрушивается, как снег на голову, и я понимаю, что мама больна, и мой мир теперь не такой, каким был два месяца назад. - Просто раньше я никого не воспринимала всерьез.

- Ты имеешь в виду, пока не появился Финн?

- Ага.

Она поворачивается ко мне лицом.

- Что случилось?

Я рассказываю ей - без подробностей - как мы встретились, как мне нужно было отвлечься, и как он меня *слишком* отвлек. Рассказываю о настоящих чувствах, о наших признаниях *в любви*. Она уже знала о возможной сделке с Сальваторе, но не знала о последствиях.

- Милая, - говорит она и кладет свою теплую руку мне на щеку. - Ты всегда поступаешь по велению сердца. Но партнерство начинается в самом начале. Я снималась в рекламе, чтобы помочь папе, но это решение мы приняли вместе.

- Я понимаю, почему Финн расстроился, и я его не виню, - отвечаю я. - Но вот чего я до сих пор не понимаю - это почему он не мог уступить и понять, что это хорошая идея, или хотя бы обсудить ее со мной. Я же не подписывала контракт в Сэлом. Он всего лишь *заинтересовался*. А Финн просто взял и отказался.

- А как, думаешь, поступил бы папа, если бы я пришла после отснятой рекламы Pantene и отдала ему чек со словами: «иди покупай свои камеры, милый»?

Застонав, я зарываюсь лицом в подушку.

- Черт возьми.

- По какому поводу выражаемся? - интересуется папа в дверях, отпивая кофе из кружки.

- Твоя дочь учится строить отношения, - отвечает мама.

Он фыркает.

- Наконец-то.

- Вы, двое, уже закончили со всей этой ерундой? - вставая с кровати, спрашиваю. - Я очень занята и нужно еще сделать кучу важных дел.

- Ты сегодня работаешь? - кричит папа, пока я спускаюсь по лестнице. По его тону можно понять, он думает, что нет.

Я останавливаюсь на третьей ступеньке и, пока папа не видит, в спину посылаю ему убийственный взгляд.

- Нет! - отвечаю я.

- Позвони Финну! - кричит папа. - Он мне нравится!

Проблема в том, что я *не хочу* звонить Финну. Хочу поехать в Канаду, врезать ему по яйцам и уехать домой. Он ведет себя, как большой ребенок, и то, как он уехал из города, лишь доказывает, какая он задница. Руки чешутся отправить ему по почте посылку с пластмассовым палтусом, последним фильмом Сальваторе на DVD и упаковкой тампонов.

Я официально оставила свою стажировку в NBC, и, клянусь, кажется, никто даже не заметил, что я ушла. А если и заметят, будут говорить «*Дитя Голливуда не способна даже к работе в офисе*». Сальваторе арендовал для меня офис в его здании в Del Mar, и я ему пообещала, что я буду самой лучшей офисной девочкой из тех, кто у него был. Он посмеялся и сказал, что это здорово, но вот только я бывать с ним в Лос-Анджелесе как минимум три раза в неделю, поэтому с подобными обязанностями будет справляться кто-то другой.

Эта новость была, как гром среди ясного неба: он не только взял меня на работу, но еще и в качестве своего ассистента. В NBC меня знали, как подающую кофе девочку, а теперь я деловая женщина, правая рука одного из главных продюсеров Голливуда. Но папа даже глазом не повел, когда я ему об этом сообщила.

- Я знал, что это всего лишь вопрос времени, - сказал он мне и подарил улыбку, от которой я почувствовала себя самой яркой и красивой звездой на небосклоне.

Но даже с началом работы, недели, полной телефонных переговоров, налаживанию контактов, выбору мебели в офис... все это время без Финна было очень странным. Я уже готова была тысячу раз ему позвонить и рассказать, как прошел день, или поделиться своими впечатлениями от работы с Сэлом.

Но как только я доставала телефон из сумочки и замечала отсутствие его звонков и сообщений, мне удавалось перебороть желание вернуть его обратно.

Спустя неделю после его отъезда, Сальваторе упомянул его за обедом:

- Твой парень достаточно...

Я указываю на него вилкой.

- Финн *не* мой парень.

Сэл поднимает руки, будто сдается.

- Хорошо, хорошо, *просто друг* Финн - так лучше? - это так банально. Он боится, что ремонт лодки будет стоить дороже, чем плата за аренду во время съемок, и сказал, что пока не сможет с нами работать, но кое-что предложил и согласился быть нашим главным консультантом в «Бескрайнем Горизонте».

- Да? - не могу точно сказать, мое безумно колотящееся сердце означает восторг, что Финн все-таки собрался и позвонил Сальваторе, и будет участвовать в проекте, или же меня пугает, что я превращусь в настоящую размазню, как только его увижу.

- Мы встретимся с ним на следующей неделе и осмотрим несколько лодок, - Сальваторе смотрит на меня, когда я роняю вилку на тарелку.

- На следующей *неделе*? Съемки же начнутся не раньше апреля.

- Ты *уже* работаешь на меня, Тюльпанчик, - напоминает мне Сальваторе, называя меня ласковым и принятым в нашей семье прозвищем, чтобы немного сгладить свой тон. - Ты мне там понадобишься. У тебя какие-то проблемы с поездкой в Канаду?

- Очевидно, наши личные проблемы с Финном никак не касаются профессиональных вопросов. Прости, Сэл. Мне нужно немного времени. Я справлюсь.

Он выпячивает подбородок и ведет себя, как настоящий крестный:

- Хочешь, я набью ему морду?

- Нет, пожалуйста, не лишай меня удовольствия сделать это самой.

Я откусываю сэндвич, жую и глотаю. И решаю не говорить, где именно мне нравится, чтобы находилось лицо Финна.

- Боже, надеюсь, ты не совершаешь ошибку, втягивая меня в эту работу, - говорю я. - Конечно, я знаю этот бизнес, но ты уверен, что не хотел бы работать с более...

- У меня хватит опыта для нас обоих, - уверяет он, пожимая плечами и насаживая на вилку стручковую фасоль. - Ты знаешь, как тут все устроено, и я могу обучить тебя работать именно так, как мне нужно. Мне нравится твой твердый характер, и как быстро ты учишься. Сейчас тяжело найти подходящего человека, особенно такого умного, преданного и напористого, как ты.

Некоторое время я с обожанием смотрю на Сэла.

- Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, правда?

- Да, да, - он отпивает свой холодный чай. - Так что произошло с Финном?

Вздыхнув, я кладу салфетку на стол.

- Вообще-то я не сказала ему, что обсуждала с тобой использование его лодки для съемок для огромного многомиллионного голливудского проекта. Он разозлился, и пошло-поехало.

Он смотрит на меня удивленно-скептически.

- Ты шутишь?

- Прежде чем ты что-то скажешь, пожалуйста, имей в виду, мне уже каждый сообщил, что я совершила ошибку. И я чувствую себя идиоткой.

Он немного расслабляется и, слегка пожав плечами, продолжает есть свой салат.

- А потом он просто взял и *уехал*, - говорю я. - Вот почему я злюсь на него. И чувствую себя...

Проглотив, он заканчивает предложение за меня:

- Дерьмово?

- Ага.

- На следующей неделе у тебя будет шанс рассказать ему обо всем, что чувствуешь. Мы вместе обедаем, - встречаясь со мной взглядом, Сэл невинно хлопает ресницами.

Блин.

- Серьезно, Ансель, - интересуюсь я, усаживаясь на диванчик в Great Maple, где мы встречаемся со всей бандой на очередном субботнем завтраке. - Сколько ты тратишь на авиабилеты, прилетая сюда практически на каждые выходные?

- Много, - смеясь и показывая свои неприлично красивые ямочки на щеках, соглашается он. - Но на эти выходные я прилетел, чтобы мы смогли найти дом.

- Э-э, прости, что? - спрашиваю я, наклоняясь вперед, чтобы встретиться взглядом с Миа.

- Что ты сказал? - добавляет Лола.

- На этой неделе закончился процесс! - визжит и улыбается во все 32 зуба Миа, - Ансель теперь официально может искать работу здесь, и у него уже назначено собеседование в отделении Калифорнийского университета Сан-Диего.

- Срань господня, это же чудесно! - я подсакиваю с дивана и поднимаю Оливера, чтобы я добрался до Миа с другой стороны. - Ребята, я так за вас рада!

К женской куче-мале присоединяется Лола, и я слышу, как Ансель говорит что-то про видеокамеру и добавление желе.

Я выбираюсь из клубка и шлепаю Анселя по руке, перед тем как поправить свою рубашку.

- Не могу поверить. Теперь мы все будем вместе!

- Ну. Не совсем, - говорит Лола, выражением лица показывая, что это *неловко*.

- О, точно. Все, кроме Финна, - говорю я, и все так смотрят на меня, словно я хрупкая, как яичная скорлупа, и подкатилась к краю стола. Я смеюсь, пожалуй, слишком громко и почти истерично. От этого становится еще более неловко. - Очевидно, что я понимаю: его здесь больше нет, - после чего, сама не знаю, зачем я только открыла рот, и меня никто не остановил, добавляю: - Он уехал, даже не попрощавшись.

Лола фыркает, поглаживая мое плечи.

- Ш-ш-ш, дикарка.

Я снова смеюсь.

- Я что, стала похожа на безумную, да?

- Немного. - смеясь, соглашается Ансель.

- Я ездил к нему на прошлой неделе, - заявляет Оливер, и я уверена, что слышу визг тормозов у себя в голове.

- Ты видел Финна?

- Ага. Я полетел, чтобы узнать, что произошло, ведь никто мне ничего не объяснил, - он тяжелым взглядом смотрит на меня, но потом подмигивает.

Видите? Я же говорила про непроницаемое лицо Оливера. А я бы ни за что не сказала, что пару недель назад он переживал по поводу отъезда Финна, оставил свой магазин в руках малонадежного НеДжо и полетел в Канаду, чтобы все выяснить.

Мне хочется как-то дать понять, что я не по уши в боли от того, что кто-то слетал к Финну и проверил, как у него дела. И по их взглядам мне ясно: они ждут, что я легкомысленно отщучусь по этому поводу... но я не могу.

Я закончила злиться. Знаете, это очень выматывает, да у меня не особо-то и получалось. Я чертовски *сучаю* по Финну, мне не хватает моего единственного, и я так ревную, что Оливер его видел, что покрываюсь красными пятнами.

- Ты как вообще? - осторожно спрашивает Лола.

- Да не очень, - признаюсь я. - Мне нужно будет на следующей неделе смотреть лодки с Сэлом, и мы пригласили Финна на обед в благодарность, что он будет работать консультантом. Я уже знаю, что будет неловко и тяжело, ведь у него так хорошо получается быть отстраненным и профессиональным. И из-за этого мне грустно.

Господи, меня бесит, что я такая откровенная, когда мне плохо. Кажется, родители меня натренировали выплескивать все настоящие чувства, а не прятаться за стеной сарказма.

- Если тебе поможет, - говорит Оливер, - он выглядел также как и ты, когда я сказал, что ты заезжала к нам в день его отъезда.

- Ты рассказал ту часть, когда я была зла, или что мне было грустно? - спрашиваю я. - Потому что мне хочется, чтобы он представлял меня в офигенных сапогах и с бензопилой в руках.

Оливер смеется, качая головой и возвращаясь к своим вафлям.

- Он объяснил, почему разозлился?

- Немного, - отвечает Оливер, снова откусывая.

- Так все-таки он немного переборщил, да? - я слышу по своему голосу, что даже мне сложно в это поверить.

Ковыряясь в своем завтраке, Ансель спрашивает:

- Он рассказывал тебе, почему бросил колледж?

- Ага, немного. Я имею в виду, мы толком и не говорили на эту тему, но знаю, что он бросил, чтобы начать рыбачить с семьей.

- Не совсем, - отложив вилку, говорит. - Он бросил, чтобы *управлять* семейным бизнесом.

- Подожди, - подняв руку, перебиваю я. - Говоришь, в колледже? Я думала, он взял все на себя после «Разъезжай и Сооружай».

- Нет, - говорит Оливер. - Когда ему было девятнадцать лет, у отца случился сердечный приступ, а затем и инсульт год спустя. Колтону тогда было шестнадцать, а Леви вроде около одиннадцати? Поэтому для Финна буквально не было другого варианта, кроме как взять все в свои руки.

- Его отцу сейчас лучше, - продолжает Ансель. - Но он все равно многим не может заниматься, так что Финн за все отвечает практически с детства. Он взял отпуск и летом поехал с нами на «Разъезжай и Сооружай», когда Колтон был достаточно взрослый, чтобы на время заменить его. И если не считать поездку в Вегас и Сан-Диего, Финн все остальное время проводил на воде.

Я киваю и дрожащей рукой поднимаю стакан с водой. Я хочу его увидеть, поцеловать и помочь ему все исправить.

- Если честно, мне понравилось, что ты попыталась помочь, - говорит Ансель. - И пару дней назад, когда я с ним говорил, он сказал мне то же самое.

- Он упомянул слово на букву Л?

- Вообще-то, нет.

Приподнимаю брови. Я впечатлена.

Я смотрю на Оливера.

- Когда ты его видел, он рассказал, как именно собирается поднимать семейный бизнес?

Моргая, Оливер наклоняет голову.

- Харлоу.

Значит, он не собирается мне рассказывать. Прекрасно. Я иду ва-банк; у меня больше не осталось гордости:

- А обо мне он хоть говорил?

Оливер пожимает плечами.

- Не много. Но не забывай, мы говорим о Финне. Обычно он меньше всего говорит о самом важном.

Я смеюсь. *Молодец, чертов австралиец, выкрутился.*

Наш самолет приземляется в Виктории в четыре часа дня, мы с Сэлом едем на такси в Magnolia Hotel, обсуждая планы на ближайшие два дня: встречи, осмотры лодок и новые

встречи. Воздух здесь пахнет океаном, но не как дома. Он тяжелее, более соленый, а ветер гораздо сильнее, поэтому Сан-Диего мне кажется милым тихим пляжным городком. Это же место прямо на краю океана.

Я так нервничаю, находясь здесь, снова так близко к Финну, и, несмотря на октябрьское солнце, мне прохладно. Когда я была тут в прошлый раз, во мне были только пузырьки от шампанского для храбрости, позволяя мне улыбаться очень загадочно. Я едва успела заметить, как далеко стоят дома друг от друга, какое большое пространство вокруг и как же много тут воды.

В этот раз я замечаю *все*. Даже обсуждая рабочие моменты, имена, которые я должна запомнить, или те записи, что должна сделать для Сэла, я продолжаю все цеплять взглядом.

Здесь живет Финн, я не могу перестать об этом думать. Он живет тут, в совсем другом мире, окруженный зеленью и сапфирово-голубым океаном. Бар Фреда, Старбакс и Downtown Graffick сейчас очень далеко. Наверное, Финну казалось, что он приехал в Токио или оказался в какой-то видео-игре, когда приехал к Оливеру.

Даже боюсь представить, что он думал о Вегасе.

Мы заселились в отель, и когда стояли у лифта, Сэл посмотрел на телефон и хмыкнул, прочищая горло.

- Что?

Он улыбается и когда мы входим в лифт, протягивает мне свой айфон, показывая ссылку на журнал Variety со статьей.

Adventure Channel подписали контракт с семьей Робертс на участие в «Рыбаках». По словам сопродюсера Мэтта Стивенсон-Джона, канал планирует отснять полные два сезона о жизни четверых мужчин - трех холостяков и их отца - об их роли в рыбной промышленности на восточном побережье острова Ванкувер. Программа с участием Стивена, Финна, Колтона и Леви Робертсов, будет повествовать об изучении семейных обязанностей и всем том, что объединяет этих мужчин, о любви, о бизнесе, которым они вместе занимаются. Телеканал собирается рассказать историю каждого сына, о том, как они спасают семейное дело, строят свою жизнь помимо Тихоокеанской Северо-восточной рыбодобывающей промышленности. Помимо Мэтта Стивенсон-Джона, в проекте так же участвует Гайлс Манчего. Сделка была заключена в пятницу, согласно данным пресс-службы телеканала. Начало съемок «Рыбаков» назначено на весну, когда начнется сезон ловли лосося, премьерный эпизод выйдет 1 июля.

- Вау, - я чувствую, как с этим одним словом весь воздух покинул мои легкие. Передавая Сэлу обратно его телефон, я сдавленно и тихо говорю: - Они подписали контракт.

- Похоже на то.

Я говорила Сэлу, что есть такая вероятность, поэтому он не сильно удивлен, а вот я не знаю, как на это реагировать. И что *сказать*. Не знаю, что *меня* так удивило, но видя все это - а на обложке статьи красуется тот самый ненавистный Финну рекламный снимок - я была совсем к этому не готова и, казалось, физически чувствую этот удар в центр грудной клетки.

Не сильно надеясь на дрожащие ноги, я прислоняюсь спиной к стене лифта.

- С тобой все в порядке?

- Просто я... - я закрываю глаза и трижды делаю глубокие вдохи, как учил меня папа, если со мной случится приступ паники. Похоже, Оливер и Ансель обо всем знали, но мне не сказали. А Финн даже не позвонил. Я чувствую себя такой... ничтожной. - Я не ожидала, что он согласится.

Но так ли уж не ожидала? Разве я не чувствовала, что он склоняется к этому варианту, зная, что это именно то, что нужно его семье? Раз он не принял предложение Сэла, у него не было другого выхода.

- Если хочешь знать мое мнение, это очень удачная сделка, - говорит Сэл, и я его достаточно хорошо знаю, он всегда говорит, не обращая внимание на мои внутренние переживания. - Из того, что я слышал, можно сделать выводы, что телеканал вкладывает огромные деньги. Да и семья Финна сможет прилично заработать, даже на продажах рекламных материалов.

Я оцепенело киваю. Это хорошо. Просто чудесно. Я повторяю эту мысль снова и снова.

Мы приезжаем на мой этаж, и Сэл говорит, что мы встречаемся завтра в восемь утра в холле отеля.

- Думаю, ты найдешь, чем себя развлечь, - говорит он. Я выхожу, а он остается в лифте, потому что остановился на этаже для Важных Шишек.

- У нас на сегодня никаких планов? - честно говоря, из-за этой новой информации, мне хочется побыть с Сэлом и послушать его занимательные и бесконечные истории о работе, чтобы немного отвлечься.

- У меня ужин с друзьями, - небрежно взмахнув рукой, говорит он.

И тут до меня доходит, что он все это спланировал, чтобы у меня был свободный вечер для выяснения отношений.

- Ты засранец. Ты разговаривал с папой? - Сэл ухмыляется, и двери лифта закрываются.

- Я не пойду к Финну! - кричу я на закрытые двери, когда к ним подходит незнакомый пожилой мужчина и нажимает кнопку вызова. - Не пойду, - говорю я незнакомцу, глядя на свой ключ от номера, и направляюсь по коридору.

Я бросаю багаж и быстро лезу в чемодан в поисках телефона, после чего тут же выхожу.

Садящееся над водой солнце так красиво, что сложно описать. Жаль, что нет никого рядом, кто мог бы согласиться - это нереальная красота. Небо на горизонте пылает оранжевым, переходя в темно-синий и лавандовый с пятнами облаков. Такси везет меня вдоль побережья города Виктория, мимо Порта Ренфрю прямо к дому Финна в Бамфилде на Баркли Саунд.

Моя голова все еще кружится, сейчас я хочу видеть его больше всего на свете. Я прошу водителя остановить возле причала, зная, что, пока на улице светло, Финн будет на лодке. Но когда, осмотревшись, я вижу не один десяток лодок разных размеров, понимаю, что это как искать иголку в стоге сена.

Я иду вдоль рядов и ищу лодку с названием «Линда» или кого-то, кто может знать, где найти

Финна Робертса, восходящую телезвезду. Но на пирсе тихо, слышны только скрипучие звуки натянутых веревок и плеск бьющихся о тысячи бортов волн. Меня выводит из задумчивости мысль, что некоторые лодки пришвартованы здесь, потому что у их владельцев нет возможности выйти в море.

- Вам помочь?

Обернувшись, я вижу загорелое лицо Финна, только на двадцать лет старше. Я узнала его отца по фотографии, и потом Финн его точная копия: огромный и широкоплечий, с прямым взглядом карих глаз.

- Вы, должно быть, мистер Робертс.

Он пожимает мою руку и в недоумении хмурит брови.

- Да, это я. А вы кто?

- Я Харлоу Вега.

Лицо Стивена Роберста застывает, глаза округляются, прежде чем он расплывается в улыбке.

- Ну-ка, дай на тебя посмотреть, - и он смотрит. Берет меня за руки, разводит их в стороны и оглядывает сверху вниз. - Ты - это что-то. Он знает, что ты здесь?

Покачивая головой, я отвечаю:

- Он не в курсе.

- О-о, на это обязательно нужно будет посмотреть.

Ну, хоть кто-то повеселится от нашей встречи. Скоро увидим.

Он берет меня за руку и ведет по причалу, поворачивает налево, и мы спускаемся вниз по шаткому пирсу. Дойдя до конца, мы останавливаемся прямо перед лодкой, на которой красуется название «Линда».

- Эй, Финн, - кричит его папа. - К тебе тут пришли.

Из-за угла выглядывает блондинистая голова, и я сразу же узнаю младшего брата, Леви. Он высокий, как и Финн, но не такой широкоплечий, а его растрепанные светлые волосы и детская мордашка явно снесла головы продюсерам шоу.

Леви смотрит на меня и тут же хохочет.

- О, черт. Финн! Спускайся сюда.

Я слышу громкие шаги на лестнице, и сначала я вижу его высокие резиновые сапоги, потом торс, обтянутый испачканной мокрой белой футболкой. В руках он держит какую-то измазанную маслом деталь, а футболка такая мокрая, что можно разглядеть мышечный рельеф его груди. Я вижу его соски. Вижу полоску волос, идущую от пупка прямо к его... о-о, боже правый.

Вселенная, ты издеваешься надо мной?

Когда появляется его лицо, я замираю. Его подбородок тоже немного попачкан в масле, а загорелое лицо влажное от пота. Он сразу же замечает меня, и в долю секунды расслабленное любопытство на его лице сменяется замешательством.

- Харлоу?

- Привет.

Он смотрит сначала на отца, потом на Леви и возвращается на меня. Я клянусь, как только наши взгляды встречаются, сердце начинает биться так сильно, что мне хочется посмотреть, не видно ли это сквозь одежду. Он выглядит так, словно ему больно, и я хочу знать: *это из-за меня? Или из-за того, что ремонтировал лодку?*

- Что ты здесь делаешь? - спрашивает он, аккуратно кладя деталь, и берет старую тряпку, чтобы вытереть руки.

- Я работаю с Сэлом. У меня сегодня свободный вечер, и раз уж ты уехал из города, не попрощавшись, я пришла сделать это за тебя.

Он закрывает глаза и вытирает лицо предплечьем, когда его отец, немного присвистнув, говорит:

- Ты мне *об этом* не рассказывал, Финн.

Финн смотрит на него:

- Пап, перестань.

Старший из Робертсов наклоняется ко мне, целует в висок и бормочет:

- Задай ему жару, милая.

Руки у меня дрожат, а пульс скачет, как ненормальный, пока Финн спускается по узкой лестнице, ведущей на причал. Он поворачивается и медленно направляется ко мне, будто не знает, убегу ли я или захочу его ударить.

В этих тяжелых резиновых сапогах он кажется еще более массивным, его мышцы напряжены от многочасовой нагрузки.

- Я не ожидал тебя здесь увидеть.

- Могу себе представить, - отвечаю я. - Я тоже не ожидала, что ты уедешь так неожиданно.

- Разве неожиданно? Ты знала, что я должен скоро уехать.

Поморщившись, я смотрю в сторону, а он подходит еще на шаг ближе и останавливается.

Я так хочу потянуться к нему, обхватить его лицо руками и поцеловать. Я скучаю по нему, и, не смотря на собственную злость из-за его молчаливого отъезда, я *люблю* его. Я ужасно себя чувствую, предав его, когда без него вела переговоры с Сальваторе.

- Я слышала о шоу.

Он кивает, стаскивает бейсболку и почесывает затылок.

- Ага.

- И как тебе? – спрашиваю я, потому что, да, я все еще злюсь, все еще хочу его ударить, да так, чтобы его голос стал на две октавы выше, но, черт, я так его люблю и хочу, чтобы у него все было хорошо.

Пожимая плечами, он бормочет:

- Вроде нормально. Все остальные просто в восторге и благодарят. Да и в этом есть смысл, – он смотрит на лодку, а потом на меня. – Сегодня с утра даже приезжали местные репортеры.

- Для тебя все это так дико.

Он позволяет промелькнуть быстрой улыбке на своих губах.

- Ага.

Вдалеке кричат чайки, и момент кажется таким устрашающе знакомым, хотя ничего подобного раньше и не случалось. Я просто чувствую себя спокойно рядом с ним. Мне нравится видеть его таким: рядом со своей лодкой, грязным и, возможно, голодным. Мне до боли хочется о нем заботиться.

- Финн? – начинаю я, а он смотрит туда, где пытается оттереть грязное пятно с тыльной стороны ладони, после чего поднимает взгляд на меня.

- Хм-м?

- Я приехала сюда, потому что твой отъезд дался мне очень тяжело. Мне показалось, что ты должен об этом знать, – сглотнув, я продолжаю: – Но главное, я хочу сказать, как ужасно я себя чувствую из-за того, что сделала.

Его брови немного приподнимаются, но он ничего не отвечает.

- Мне не следовало идти к Сальваторе, не обсудив это с тобой. Я *не должна* была предлагать ему твою лодку. Я была не права, прости меня.

Медленно кивнув, он говорит:

- Хорошо.

Морщась от резкой боли в груди, я закрываю глаза. Он такой закрытый. Будто со мной *покончено*.

- Я просто хотела, чтобы ты знал: я сделала это, не потому что думала, тебе нужна моя помощь. Я это сделала, потому что именно так поступают в моей семье, когда кого-то сильно любят. Я не хотела спасти тебя, я думала найти способ спасти *наши отношения*.

Он с трудом сглатывает и долю секунды смотрит на мои губы.

- Правда?

Я киваю.

- Правда.

Я надеялась, что будет сказано чуть больше. Думала, мы хоть немного поговорим вместо обмена дежурными фразами. Но он непробиваемый, как стена в конце тупика, и его поза дает понять, что больше эмоций я из него не вытрясу.

Пока мы стоим в тишине, он оглядывает меня с ног до головы, и под его взглядом я понимаю, как выгляжу в его глазах: на мне бежевые брюки, синий свитер и красный шарф. Будто сошла с портрета «Аристократка на лодочной прогулке». И вижу, что была права, когда его губы изгибаются в резкой ухмылке и он говорит:

- Ты здесь сильно выделяешься, Печенька.

У меня внутри зарождается огонь, и я резко задерживаю дыхание, уязвленная его тоном и тем, как полностью он меняется, отключая свои чувства, как по заказу. Это теперь мои проблемы? Он важный человек в моей жизни. Я же сейчас и не знаю, куда мне идти.

- Знаешь, то же самое я думала о тебе, когда ты был у нас, - говорю я. - Но я никогда не произнесла бы это в слух. Мне нравилось смотреть на тебя там. Нравилось, как ты выделялся.

- Харлоу...

Я обхватываю себя руками и поворачиваюсь, чтобы уйти. Но потом останавливаюсь, оглядываясь на него.

- И пока не забыла, - говорю я. - Я не беременна. Спасибо, что спросил.

Глава 16

ФИНН

- Она ни капли не выглядела довольной, когда уходила, - отмечает Леви, прислонясь к стене рулевой рубки, пока я поднимаюсь по лестнице.

Я уклончиво хмыкаю и перепрыгиваю через перила. Было ощущение, будто мой желудок наполнен кислотой. Какого хера сейчас произошло? Я что, действительно позволил Харлоу уйти?

Как я мог забыть, что она могла *забеременеть*? Даже тогда мы не рассматривали этот вариант как реальную возможность, может, потому что от того страха мы быстро отвлеклись на наши признания в любви, вечеринку и последовавшую ссору.

Я самый большой эгоистичный ублюдок всех времен. Воспоминания о той ночи, как она села на меня, мои руки отодвинули тот крошечный кусочек ткани, как я с легкостью вошел в нее, и как быстро мы кончили - это потрясло меня. Мы не просто трахались в машине. Я уже тогда безумно любил эту девочку, что сделало меня безрассудным.

Мой младший брат взял со стола свою рубашку и ключи.

- Ты сделал все, что хотел?

Я чуть не рассмеялся. Казалось, что каждый день только прибавляет мне больше работы и забот. Я все еще не пришел в себя от появления Харлоу на моей лодке, и вот она ушла. Лодку практически починили, Леви, Колтон и отец согласились с нашим намеченным планом, но действительно ли они понимают, как все это изменит наши жизни в ближайшие месяцы, или

когда прибудет съемочная группа, и будет всех расспрашивать о нас? Когда они буду ходить за нами по пятам? Что будет, если они устроят свидание с женщиной, а единственная женщина, что мне нужна, только что ушла с причала.

Я единственный, кто не подписал каждую страницу контракта. Конечно, я согласился на участие. И расписался на всех страницах, за исключением одной: той, где был пункт об отношениях. Этим я обязан Сальваторе. По-видимому, этого было не достаточно, чтобы расторгнуть контракт, потому что после разговора с ним телеканал отправил пресс-релиз в журнал Variety и без этого пункта.

Завтра команда ремонтников начнет свою работу. Я мог бы уехать из города, оставить их одних и спокойно вздохнуть, но я этого не сделаю. Я буду здесь каждый день, крутиться под ногами и сводить их с ума. Большинство работников это местные парни, и будь у меня деньги, именно их я бы и нанял.

- Финн? - я смотрю на Леви, как он подходит к лестнице. - Не будь чертовым идиотом. Это самая красивая женщина из тех, кого я встречал, и она приехала за тобой.

Я потираю лицо и отмахиваюсь от него другой рукой. Да, она красавица, но ее красота - не единственное, что сводит меня с ума. Она дикая, эмоционально открытая, она на десять лет младше меня - младше даже Леви - и я всегда глумился над ней, что она еще ничего *не знает о жизни*, но она намного лучше справляется со своими проблемами, чем я.

Я сажусь на кровать, после душа вода стекает по волосам прямо на одеяло. Сейчас почти полночь и я не думаю, что смогу успокоиться, пока все не исправлю. Я звоню в Сан-Диего, и после целой вечности Лорелей отвечает.

- Это канадский номер, - вместо приветствия говорит она.

Она решила пуститься с места в карьер? Тогда я тоже.

- Харлоу сейчас злится на меня еще больше, да?

После небольшой паузы она отвечает:

- Короткий ответ: «да».

Во мне зарождается надежда, и под ребрами растекается тепло.

- А какой полный ответ?

- Полный ответ? *Она на тебя злится.*

Сухо хохотнув, я говорю:

- Спасибо, Лола. Это очень помогает.

- Ты хочешь, чтобы я тебе помогла? Ей потребовалось немало сил, чтобы прийти сегодня к тебе. Харлоу не разбивается в лепешку ради безразличных ей людей - многие думают, что она эгоистичная, но все как раз наоборот. Она горы свернет ради тех, кого любит. Уверена, что она

любит тебя, и если я правильно помню, ты тоже сказал ей эти три заветных слова.

- Да, все верно.

Шумно выдохнув, она рычит:

- Ты - свинья.

Снова засмеявшись, я подношу трубку к другому уху, чтобы провести полотенцем по груди.

- Ага, это тоже верно. Это становится дурной привычкой.

- Думаю, обычно ей это нравится. Но сейчас она совсем другая. Я еще ни разу не видела, чтобы Харлоу больше пяти минут думала о парне. И я уверена, еще никогда она не была такой грустной.

Мой желудок сжался и я почувствовал тошноту.

- Где она остановилась?

- Вот уж нет. Она сейчас *спит*.

- Я не собираюсь ехать к ней сейчас, поеду завтра.

Так или иначе, я не ожидаю, что наш совместный с Сальваторе обед будет подходящим местом для поцелуев и примирения с Харлоу.

- Если ты пойдешь к ней и сделаешь еще хуже, я приеду и отрежу тебе яйца, пока ты спишь.

- Лола.

В трубке десять секунд тянется молчание. Двадцать.

- Лола, клянусь, я не сделаю хуже. Блять, я *люблю* ее.

- Magnolia Hotel в Виктории, номер 408.

Сальваторе и Харлоу были уже на месте, когда хостес повела меня к столику. Я никогда не обедал в ресторане отеля Grand Pacific, но следовало ожидать, что он будет именно таким: красивая картинка из глянцевого каталога о туристических достопримечательностях Виктории.

Мне сразу же становится понятно, что во время обеда Харлоу не планирует уделять мне внимание. Увидев меня из-за плеча хостес, Сэл сразу встает поздороваться, а Харлоу неохотно следует за ним. Я жму ему руку, и все мы садимся. Похоже, Сэл и не ожидает, что мы с Харлоу поприветствуем друг друга.

Ее блокнот лежит рядом, значит, она здесь в качестве его ассистента. Возможно, на встрече с кем-то другим она бы и отошла на второй план... но сейчас ее сложно игнорировать, и ее физическое присутствие сильно чувствуется, особенно для меня. Она невероятно красивая, и у

меня ком застревает в горле, а грудь словно стягивает веревками. Волосы распущены, на ней свитер изумрудного цвета, узкие черные брюки и эти туфли на шпильке с маленькими сексуальными ремешками. Мать вашу, я хочу ее фотку в таком виде на потолке над кроватью.

Но у нас здесь деловой обед, и я действительно хочу быть консультантом в этом фильме. Пункт соглашения о не конкуренции с телеканалом не исключает возможности консультирования где-то еще, но меня до сих пор пугает мое неизвестное будущее, поэтому пока я хватаюсь за любую соломинку. К тому же, во время нашей первой беседы Сэл сказал, ему нужен человек, знающий о рыбалке от А до Я, и я знаю, что идеально подхожу.

- Как твоя лодка? - начинает Сэл довольно официальным тоном, что меня смешит. Я видел ее своими глазами, пока был дома... Угнетающее зрелище.

- Сломана.

Он смеется, тепло и искренне, и я не ожидал такого. Он выглядит хитрецом, но говорит серьезно, и я бросаю взгляд на Харлоу, увидев ее в новом свете. Этот человек - большая шишка в Голливуде, и он взял мою девочку себе в личные ассистенты, потому что знает, что она тоже умеет работать.

- Прими мои поздравления, - говорит он. - Похоже, у шоу неплохие шансы, Финн.

- Посмотрим, - уклончиво отвечаю я. - В чем я точно уверен, так это в том, что все изменится.

На секунду мой взгляд встречается с Харлоу, и мне интересно, знает ли она, о ком я думал, когда послал нахуй этот пункт в контракте об отношениях. Я высказался вне зависимости от того, знают ли продюсеры об этом или нет. Но она отворачивается и смотрит в окно, и я вижу, как ее челюсть сжалась. Возможно, вчера я настолько все проебал, что даже если встречу с ней позже, это уже не будет иметь никакого значения.

Надеюсь, я ошибаюсь.

Официантка наполняет водой наши бокалы, давая нам время изучить меню, тем временем мы с Сэлом говорим о погоде, спорте, почему я болею за Mariners, а не за Blue Jays (это была любимая команда моей мамы), и как часто я хожу на игры Mariners (так часто, как только могу, в моем случае - никогда).

Харлоу сидит молча - делая какие-то записи - и Сэл не настаивает на ее участии в беседе. Интересно, как много он знает о произошедшем между нами. Мне хочется поймать ее взгляд, чтобы по нему она поняла, что между нами еще не кончено, что я разобрался со своим дерьмом, и я едва сдерживаюсь, чтобы не сказать об этом прямо сейчас, но она даже не смотрит на меня.

Возвращается официантка, чтобы принять заказ, и она стоит слишком близко ко мне, что я чувствую, как ее юбка задевает мою руку. Я немного подвигаю стул, чтобы дать ей больше места, и Сэл жестом показывает, чтобы Харлоу заказывала первой.

- Я закажу на всех, - говорит она, и краем глаза я вижу, что Сэл немного удивлен и в восторге.

Показывая на Сэла, она говорит:

- Он начнет с салата Цезарь, затем куриный капрезе как основное блюдо и холодный чай без сахара.

Он моргает.

- Я хотел заказать стейк.

- Не-а, - она смотрит на него и подмигивает. - Я говорила с Милой, она велела не давать тебя красного мяса.

- Вот черт.

Показывая в мою сторону, она говорит:

- Он будет суп с морепродуктами...

Какого хрена? Она даже не собирается спросить меня?

- Вообще-то, я бы... - начинаю я.

- Палтус как основное блюдо, - она знающе смотрит на меня и мое сердце сжимается от боли, когда я вспоминаю наш чертовски идеальный день на рыбалке. - И бокал шардоне.

Я хлопаю глазами. *Шардоне?*

Сэл хохотнул.

Харлоу отдает меню официантке и говорит:

- Я буду вырезку с кровью и огромную тарелку картофеля фри, - взглянув на меня, она добавляет: - И бутылку пива, чтобы все это запить.

Официантка улыбается, снова скользнув по мне взглядом, забирает меню и уходит.

Харлоу смотрит куда-то вверх, ее губы подрагивают от моего выражения лица.

- Шардоне?

Облизнув губы, она одаривает меня милой улыбкой.

- Ты выглядишь томимым жаждой.

- Я тоже хотел заказать стейк, - сдерживая ухмылку, говорю я.

- Ничего, немного позавидуешь мне, пока будешь наслаждаться только что пойманным палтусом.

Не скрывая своего удовольствия, Сэл наблюдает за нами, подперев подбородок кулаком.

- О да, зрители будут обожать наблюдать за вами двумя.

- Этого не будет, Сальваторе, - не отводя от меня глаз, отвечает она.

- Все *может* быть, - больше не в силах сдерживать улыбку, отвечаю я. - Тем более, я не стал подписывать одну важную страницу контракта.

На ее лице мелькает удивленное выражение, но она тут же скрывает это. Понятно, похоже, Сальваторе упустил пару деталей из нашего разговора, когда я, как дурак, признался ему, что

не могу представить себя ни с кем еще, кроме нее. Навсегда. Харлоу создана для меня, и если придется, я готов кричать об этом на каждом углу.

- Плевать на пункт об отношениях, между нами не будет *никакого* общения до тех пор, пока ты не признаешь, что вчера повел себя, как настоящий мудака.

Сэл хихикает и отпивает немного воды. Если Харлоу удобно обсуждать это здесь, то, блин, прекрасно.

Облокотившись локтями на стол, я говорю:

- Вчера я повел себя, как настоящий мудака.

Довольно долго Харлоу изучает меня, смотрит на мой рот, лоб, глаза. Она опускает голову и водит пальцем по своему стакану, о чем-то задумавшись. После чего, слегка дернув одно плечом, она нарушает этот идеальный момент.

- Думаю, вам с Сальваторе лучше начать обсуждение.

Часть ланча, связанная с работой, прошла очень успешно. Сэл задал миллион вопросов, и я с легкостью ответил на каждый из них, предоставляя ему много информации, часть из которой он даже не додумался бы обсудить. Подписав контракт - и получив пятизначную сумму гонорара - я могу немедленно начать работу, давая советы по сценографии и другим ключевым моментам фильма. Я немного ошеломлен, что за последние три недели моя жизнь повернулась на 180 градусов.

Часть ланча, связанная с Харлоу, была кошмарной. Она вела записи, конспектируя практически каждое слово, сама задала несколько вопросов, но после нашего маленького представления в начале встречи, она снова старалась не смотреть на меня.

Но это было лучше, чем я ожидал. По правде говоря, я думал, она будет избегать меня все время и не позволит при Сэле решать наши личные вопросы. Но в итоге она не могла не флиртовать со мной, заставляя меня чувствовать уверенность, что я принял правильное решение заехать к ней в отель после обеда.

Когда открылась дверь ее номера, я решил, что ошибся дверью, и Лола решила меня разыграть и кинуть. Но потом в этой незнакомой женщине я узнал Харлоу, она была в огромном банном халате, с полотенцем на голове, а на лице что-то белое и застывшее...

- Ты скупил всю маску в «QUE»? - спрашиваю я.

Она наклоняет голову, сузив глаза, от чего мускулы на ее лице потрескались.

- Чего ты хочешь, Финн?

Чего я хочу? Ее. Я хочу, чтобы она открыла дверь пошире и впустила меня. Мне хочется развязать ее пояс, снять этот халат и поцеловать ее. Хочу, чтобы мы снова были вместе, и это длилось больше двенадцати часов.

Но сначала...

- Я хочу, чтобы ты смыла маску, а то, кажется, что у тебя лицо сейчас потрескается.

Вздохнув, она захлопывает дверь прямо перед моим лицом.

Коридор кажется мне просто бесконечным, и я задумался, перед сколькими мужиками тут захлопывали двери. Блять, это очень популярный отель. И мне кажется, перед многими.

Я поднимаю руку и снова стучу.

Она довольно долго не открывает, как будто отошла, после того как закрыла дверь.

Но дверь распахивается, и Харлоу сразу же идет в ванную.

- Заходи. Садись, куда угодно, только не на кровать. Не смей раздеваться, выглядеть милым и даже не думай трогать мое белье.

Я направляюсь к стулу, едва сдерживая смех.

- Я ее смою, потому что пора, а не потому, что ты так сказал. Если бы она не начала сушить кожу, я бы ее оставила, чтобы сократить твой визит и позлить тебя, козлина, - она уходит в ванную, закрывает дверь, и я слышу шум воды, когда она отправляется в душ.

Мать божья.

Надеюсь, она меня простит.

Харлоу возвращается через десять минут, снова одетая в халат, мокрые волосы распущены, а на лице ни грамма маски. Я замираю, мне кажется, что я забыл, как дышать, глотать и моргать. Она выглядит бесподобно.

- Ты трогал мое белье? - подойдя к чемодану, спрашивает она.

С усилием я закрываю рот, вдыхаю, сглатываю и, таким образом, могу говорить:

- Конечно. Еще потер его о свою потную грудь.

Она фыркает и окидывает меня убийственным взглядом.

- Не заигрывай со мной. Я зла на тебя.

Моя улыбка тут же исчезает.

- Я знаю.

Достав из чемодана щетку, она начинает расчесывать волосы, глядя на меня.

- Знаешь, как тяжело на тебя злиться, когда ты тут сидишь и вот так выглядишь.

- Вот так - это хорошо? - я оглядываю себя: на мне выцветшая футболка, потертые джинсы и любимые старые красные кеды. По мне, так я одет просто, но то, как она на меня смотрит, заставляет чувствовать себя особенным, словно на мне смокинг. И от этого я немного расслабляюсь.

- Тебе так легче? - тихо спрашивает она и добавляет: - Видеть меня в дорогом ресторане или в

шикарном номере с маской на лице, нежели на своей лодке?

Я напрягаюсь снова.

- Харлоу, я злился на тебя. Поэтому и вел себя, как мудака.

- Знаю, и я тебя уже простила. Если кто-то из близких извиняется, мне этого достаточно.

- А я не такой, - признаюсь я. - Ты уже ушла, когда я тебя простил.

Она втягивает в рот нижнюю губу и начинает ее посасывать, широко раскрыв глаза и выглядя очень ранимой. Она даже не подозревает, что смотрит на меня так, от чего мне хочется вскрыть грудную клетку, и пусть она увидит, как быстро бьется мое сердце.

Я наклоняюсь вперед, осматривая комнату.

- Ты знаешь, та ночь в Вегасе была первой, когда я ночевал в отеле.

Она замирает, задерживая дыхание.

- Даже во время «Разъезжай и Сооружай»?

- Да. Многие так делали, но мы ночевали либо у знакомых, либо в палатках.

- Ого... это ...

- Вот такая у меня *жизнь*. Я проучился два года в колледже, а все остальное время я жил здесь. И вчера я был настоящим мудаком, когда сказал, что ты не вписываешься, ведь это не означало, что я не *хочу* видеть тебя тут. Это просто означало, что моя жизнь именно такая. Она отличается от *твоей*.

Она кладет щетку и облачивается спиной к столу.

- Я не хожу в бар каждый четверг и не покупаю кофе в Старбаксе каждое утро. - продолжаю я.
- Не уезжаю в отпуск и не звоню друзьям-продюсерам с просьбой одолжить мне кучу денег на ремонт лодки.

- Похоже, скоро ты сможешь это делать, - отвечает она. - Когда твоя жизнь кардинально изменится.

- Я знаю, - поставив локти на колени, говорю я. - Именно это я и хочу сказать.

- И тебя это пугает?

Я смеюсь, уставившись на ковер.

- Думаю, что не боюсь. Но для меня это неизведанная территория, надо к этому привыкнуть.

- Ты не должен в одиночку проходить через все это. Я знаю, что все испортила, влезая в твои дела с Сэлом, но ты *мне* доверяешь?

Я поднимаю на нее взгляд и киваю.

- Доверяю, - смягчившись, она смотрит на меня, и я повторяю: - Полностью доверяю.

- Вот и славно. Тогда сейчас я оденусь, и ты меня отведешь в бар для лесорубов.

Мое сердце замирает и снова возвращается к жизни, когда я выпрямляюсь на стуле.

- Мы вот так просто помирились?

Она кивает.

- Да, так просто, - сглотнув, она добавляет: - Я люблю тебя. Нам не нужно начинать все сначала. Я напортачила, ты тоже. Уверена, в будущем у нас еще много разных ссор.

Она вытаскивает из чемодана джинсы, свитер и белье и разворачивается, чтобы пойти в ванную переодеться. Я и сам не заметил, как поднялся и пересек комнату.

- Не одевайся.

Остановившись на полпути, Харлоу облокачивается о стену. Я медленно подхожу к ней, и последние несколько шагов тянутся почти вечность. Я вижу, как на ее горле бьется пульс.

- Финн, - она запрокидывает голову, наблюдая за мной, когда я подхожу ближе и останавливаясь буквально в паре дюймов от нее.

- Ты любишь меня? - я протягиваю руку к поясу ее халата.

- Конечно, люблю, идиот, - она облизывается и снова прикусывает нижнюю губу, потому что она *чертовски* знает, что от этого я становлюсь твердым. - Я тебе это уже говорила. Думаешь, это пройдет за несколько дней, как временная татушка?

Смеясь, я наклоняюсь, чтобы отодвинуть полу халата и поцеловать ее ключицу. Она пахнет шампунем и легким ароматом, который я не смогу забыть и через миллион лет: как жимолость и нагретый солнцем камень, как Харлоу, как *моя*.

Я развязываю пояс и раскрываю ее халат, заставав от вида ее голой кожи, золотистой и гладкой.

Ее глаза закрываются, и она хрипло стонет, когда я провожу рукой от бедра до груди и обратно, притягивая ее к себе.

- Прости меня, - говорю я, чувствуя тепло кожи ее шеи. - Я так рад, что мы не начинаем все заново, но я все равно хочу тебе это сказать. Прости, что я молча уехал из города. Прости, что вчера не поговорил с тобой. И я просто чертовски сожалею, что не позвонил тебе узнать, не забеременели мы.

Она немного отталкивает меня, чтобы видеть мое лицо.

- «Мы»?

- Блять, Харлоу. Ты бы не осталась одна.

Смеясь, она согласно кивает.

- И ты меня прости.

- Малышка, это были самые *жалкие* гребанные две недели.

Она замолкает, прижавшись лицом к моей шее. Спустя пару секунд она икает и молча кивает, и я понимаю... она плачет.

Немного отодвинувшись, я беру ее лицо в ладони.

- Эй... Не надо. Я...

- Я думала, между нами все кончено, - говорит она. Я вытираю большими пальцами ее слезы. - На лодке. Решила, ты меня бросил. И я не знала, как смогу это пережить. Я никогда такого не испытывала.

- Я не смог бы тебя бросить.

- Но ты уехал, помнишь? - она смотрит на меня, и еще две слезинки катятся по ее щекам. - Ты взял и уехал, не захотел со мной говорить, и я испугалась, ведь с тобой я поняла, что ты мой единственный.

В моей груди что-то сжимается, я быстро стаскиваю с себя футболку и снова притягиваю ее к себе. Мне нужно почувствовать ее кожа к коже, чтобы мое сердце было как можно ближе к ней. Поведя плечами, она снимает халат и прижимается к моему жару, обняв меня за шею.

Все в Харлоу видят силу, с которой сложно не считаться. Но уязвимая Харлоу открылась только мне. Она только что сказала, что чувствует, и со мной было то же самое - я нашел свою девочку, и больше не хочу портить с ней отношения.

- Мы все будем обсуждать, - уверяет она, прижимаясь губами к моему плечу. - И ты больше никогда молча не уедешь от меня. Обещай мне.

- Обещаю, - я слегка прикасаюсь к ее губам. Я хотел, чтобы эти мягкие нежные прикосновения были залогом обещания, но она приоткрывает рот, и из нее вырывается звук, смесь рыдания и стоны, и, блять, это, самые сексуальные звуки в мире, которые я заставил ее издавать, это так неукротимо.

В то же мгновение ее язычок скользит по моим губам, зубам, языку, и ее легкие умоляющие звуки заполняют мою голову. Она опускает руки вниз по моему телу, прижимает ладонь к передней части джинсов, я и так уже возбужден, но от ее прикосновения становлюсь каменно-твердым, нуждаясь в ней и ощущая, будто у меня под кожей уже горит огонь.

Она расстегивает все пуговицы, запускает руку мне в боксеры и, сдавленно вздохнув, оборачивает руку вокруг моего члена. Мне нужно, чтобы эти чертовы джинсы были у меня на щиколотках, а ее ноги вокруг моей талии.

Нужна ее кожа, ее звуки и отрывистое дыхание на моей шее. Мне необходим ее вкус на моем языке и...

- Я теперь на таблетках, - говорит она между дикими посасывающими поцелуями. - Я начала их принимать с того дня, как начались месячные.

- Твою мать, - застонал я. - Это самые лучшие слова в мире.

Она смеется, спуская мои джинсы, и я скидываю их вместе с обувью и прижимаю ее к стене.

- В следующий раз я буду медленнее, - говорю я и кладу руку ей между ног. Провожу пальцем

по клитору, потом ниже, по ее невероятной влажности. *Ебать*. – Позже мы оба насладимся, но сейчас просто...

– Замолчи, – на сдавленном выдохе говорит она. – *Я знаю*.

Я приподнимаю ее и оборачиваю ее ноги вокруг себя, она, не двигаясь, наблюдает, как я опускаю между нами руку и трусь об нее головкой. Вверх и вниз, едва входя – блять, *блять* – и выходя.

– Смотри на нас.

Она резко задерживает дыхание.

– Я смотрю.

Легкое движение ее тела, и вхожу и выхожу из ее тела с мучительным блаженством. Мои руки дрожат от того, как сильно я хочу вонзаться в нее, но она неправильно понимает мои действия.

– Я понимаю, что для тебя отели в новинку, но на кровати этим заниматься гораздо удобней.

Смеясь, я делаю два шага и опускаю ее на кровать, и тут же ложусь сам, чтобы не расставаться с ней ни на секунду.

Ее ноги у меня на бедрах, и она притягивает меня еще ближе, направляя меня в себя так медленно и горячо, что мне даже приходится остановиться, когда наши бедра соприкасаются, потому что ей-богу, я готов кончить уже в эту гребаную секунду.

Она смотрит мне прямо в глаза, наши лица достаточно близко, и у нас одно дыхание на двоих: вдох выдох. Я приподнимаю подбородок и слегка целую ее, все происходящее слишком интенсивно, но я не могу отвернуться. *Никогда* ничего подобного я не испытывал. Мне хочется сказать ей об этом, но это прозвучало бы так банально и плоско. Это чувство настолько сильнее, чем эти затасканные слова; *никогда и ни у кого* ничего подобного не было.

– Ты создана для меня, – говорю я ей.

– Да, – кивает она, и ее верхняя губа блестит в теплой комнате, возможно, это от напряжения между нами и потребности двигаться и ощущать глубже. Но я просто в ужасе, что если едва подамся назад, тут же кончу.

Харлоу извивается подо мной, потирается и трахает меня, а я замираю, пытаюсь привести мысли в порядок, но это уже проигранная битва. Понимаю, что мы оба долго не продержимся. Я такой твердый, и уже на грани. Она такая трепещущая, горячая и чертовски влажная, я вижу, как ее грудь покрывает румянец; она может кончить менее чем за минуту таких трений.

Она опускает ступни на кровать и выгибается, я скольжу руками ей под плечи, зарываюсь пальцами ей в волосы и прижимаюсь лицом к этим влажные прядям. И вот так, лежа подо мной, прижатая мною сверху и полностью мною *заполненная*, Харлоу трахает меня, как еще никогда в жизни. Ее ногти впиваются в мою задницу и держат меня на месте, пока она кружит и покачивает бедрами – ее тело сжимает меня так крепко, так влажно вокруг меня, так прекрасно, *срань господня* – задыхаясь у моей шеи от собственных движений, она рычит и третя именно там, где ей нужно, сжимает и потягивая мой член, желая кончить. Она хрипит, когда я погружаюсь чуть глубже, ее рот как раз у моего уха, и она стонет с каждым словом, даря их только мне.

- Так хорошо, - ловя ртом воздух, говорит она. - Боже, так хорошо.

Я на волоске, жду, когда услышу ее частое дыхание и жадные маленькие вздохи - она всегда так делает, когда кончает.

- Давай, малышка, - подгоняю ее.

Она всхлипывает, стонет, впивается ногтями мне в кожу и с расслабленным выдохом кончает так сильно, что дрожит в моих руках, затягивая меня за собой. И я не могу больше оставаться неподвижным. Я подаюсь назад и ударяю обратно, жестко трахаю ее длинными, торопливыми толчками, и когда я сам начинаю кончать, она снова кричит мне в шею.

Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я не хочу сдвигаться с нее, но я килограммов на сорок тяжелее ее, поэтому скатываюсь и падаю рядом с ней на матрас.

- Ты знаешь, какие грязные покрывала в отелях? - говорит она, задыхаясь.

Я закрываю глаза, все еще чувствуя жидкое тепло под кожей.

- Что?

- Люди, которые занимаются сексом в отелях...

Я переворачиваюсь и закрываю ей рот ладонью.

- Ш-ш-ш.

Она хихикает под моей рукой, облизывает ее и, *блять*, я опять лежу на ней, щекочу ее, закидываю ее руки за голову и посасываю ее подбородок, шею, грудь. Меня окутывает облегчение, словно ворвавшийся в комнату из открытого окна ветер: мы снова вместе. Дела налаживаются, пусть и не тем способом, каким я хотел, но все же мы не потеряем свои лодки. Моя жизнь движется вперед, любовь всей моей жизни сейчас обнаженная лежит подо мной, и все будет хорошо.

Но в уме возникает один вопрос, который мы так еще ни разу не обсудили.

- Как чувствует себя твоя мама?

Она замирает подо мной, взглядом давая понять, что, пожалуй, не самый удачный момент обсуждать эту тему, когда я уткнулся лицом между ее грудями.

- Прости, я клянусь, что не думал про грудь твоей мамы. Я думал о том, как сейчас расслаблен, и что все потихоньку налаживается, и понял, через что тебе приходится проходить. А мы так и не поговорили об этом.

Харлоу притягивает мое лицо к себе и целует так долго, что мне пришлось отстраниться от нехватки воздуха.

- Спасибо, что спросил.

- Ну и?

- Давай оденемся и обсудим это за пивом.

Она встает, и я иду за ней в ванную, сажусь на закрытый унитаз, поглаживая руками ее ноги и прижимаясь головой к животу, пока она в это время протирает лицо каким-то лосьоном и собирает волосы в растрепанный пучок. Она все еще приятно пахнет, только сейчас еще добавился чистый запах ее пота и секса.

- Ты сидишь и думаешь, как сильно меня любишь, да? - спрашивает она.

- Да, - я провожу рукой по бедру и между ее ногами. Она дрожит, когда я ввожу в нее средний палец и начинаю медленно поглаживать. Целуя ее живот, я бормочу: - *Блять*, это чертовски горячо.

- Что именно?

Я смотрю на нее.

- Я чувствую в тебе свою сперму.

Это ее смешит.

- Ты такой грязный и пошлый, - но она не отходит. И не может скрыть, как по груди растекается румянец, и как напрягаются ее соски.

- Мне нравится, - признаюсь я. *Я хочу это увидеть*. Но пока не хочу ей об этом говорить, сам не знаю, почему. Может, потому, что если скажу об этом вслух, то сегодня мы не выйдем из номера.

Она запускает руки мне в волосы.

- Мне тоже это нравится. С тобой мне нравится много чего, о чем я раньше не знала. - мне становится любопытно, говорит ли она о сексе, о веревке или о чем-то еще. О чем-то большем. Немного отойдя, она берет полотенце и смачивает его под краном. - Но сейчас даже не думай об этом. Ты ведешь меня на свидание.

В получасе езды от ее отеля рядом с моим домом есть бар, но мне показалось, что мы туда долетели за считанные минуты. Все, что Харлоу сейчас переживает со своей мамой, в точности совпадает с моей жизнью двенадцать лет назад. За исключением эмоциональной стороны - она тут намного лучше справляется, да и медицина в этом вопросе продвинулась. Мама заболела, когда мне было десять лет, я боялся и потерять ее, и той ответственности, что меня ждала: Леви было четыре, и, когда спустя два года мама умерла, я занимался всеми домашними делами, ведь отец пришел в себя спустя еще два года, когда перестал работать по 16 часов в день.

И если бы мне пришлось снова вернуться и пережить все заново, я бы делал тоже самое, что и Харлоу, и по ее уверенному голосу я не могу понять, смирилась ли она или еще переживает. Что понадобится ее матери после повторного курса химиотерапии? Как долго ее отец сможет самостоятельно их воспитывать, пока у него не опустятся руки? Харлоу сейчас очень нужна моя поддержка.

- Ты все делаешь правильно, Печенька. Если бы мне пришлось опять пережить все это, я

поступил точно так же, как и ты.

Она резко поворачивается ко мне.

- Ты серьезно? - шепчет она.

- Серьезно.

- Я боюсь, что станет хуже.

Я останавливаюсь на небольшой парковке возле бара «У причала» и глушу двигатель.

- Есть вероятность, что так и будет. Но ты не должна через все это проходить одна, - возвращая ей ее же слова, говорю я. - Я знаю, что все испортил, когда уехал из города, но скажи, ты мне доверяешь?

Харлоу наклоняется и целует меня.

- Доверяю.

Для вечера четверга в баре было достаточно оживленно, во всем виновата невероятная погода. Ничто не разжигает в людях жажду лучше, чем теплый октябрь, отсутствие дождя и целый день удачной рыбалки.

Едва мы входим в бар, как ото всюду слышатся крики и поздравления с началом шоу. Блять, я такого не ожидал. Я был так увлечен восстановлением отношений с Харлоу, что забыл, а ведь теперь люди будут смотреть на меня по-другому. Я веду ее к стойке и стараюсь не обращать внимания, как все на нее таращатся.

Вопрос, который интересует всех, задает бармен Ник, он закончил школу на год раньше меня, поступил в Гарвард, но потом вернулся, не смог найти более красивого места для жизни.

- Финн, а кто это с тобой?

- Меня зовут Харлоу, - отвечает она, не дав мне и рта раскрыть.

- Ты очень дальняя родственница Финна? - интересуется Кенон в конце бара. - Пожалуйста, скажи, что это так.

Харлоу подмигивает, игриво извиняясь.

- Я его невеста по переписке. Он сказал, что у него есть замок. Скажите, у него и правда есть замок?

- Прости, детка, - отвечает Кенон. - Только популярное шоу и куча фанаток.

- Фанаток? - глядя на меня, переспрашивает Харлоу.

Я заказываю два пива и пачку арахиса.

- Пошли, - я веду ее у двум пустым стульям в тихой части бара.

Она садится и поворачивается ко мне.

- У тебя уже есть фанатки?

- Кенону лишь бы языком почесать.

- Потому что они все-таки фанатки?

Смеясь, я отвечаю:

- После того как вышел анонс, сегодня на причале появилось несколько девчонок.

- Ты имеешь в виду вон тех, которые сейчас играют в дартс и глазят на тебя? - она показывает подбородком в дальнюю часть бара.

Я подношу пиво к губам и незаметно смотрю, куда она указала. Там было как минимум полдюжины студенток, глазевших прямо на меня.

- Ага, они самые.

- Уверена, они умеют читать между строк в той статье, - она берет свое пиво и залпом выпивает почти полбутылки. - Могу поспорить, скоро в этом баре дела пойдут намного лучше. Да я уверена, любое место в вашем *городе* прославится. И эти девчонки уже успели разрезвонить по *всему* Твиттеру, что видели тебя здесь.

Я даже и не думал, что наше участие в шоу поможет не только нам. Но не могу сосредоточиться ни на чем другом, когда она вот так на меня смотрит. Я делаю еще один глоток, изучая ее.

- Ты ревнуешь?

Она смеется.

- Не-а. Во мне все еще часть тебя, которую ты оставил чуть больше часа назад. И довольно глубоко.

- Как непристойно. И я чертовски тебя люблю.

Харлоу опирается на стойку и смотрит на меня.

- Давай сделаем одинаковые татуировки.

- Вот как?

- Ага. Русалки или черепа. Тебе решать.

- Русалки?

- Ага, - говорит она. - Только подумай, я всем буду рассказывать про твой огромный трезубец.

Я почесал подбородок, глядя на ее охуенно идеальные губы. Любые отметины на ее коже будут только от меня.

- Нет, я не хочу.

- Ты можешь сделать крюк.

Из меня вырывается смешок.

- Я не собираюсь набивать себе гребаную татуировку в форме крюка.

Она замолкает и с легкой улыбкой тянется ко мне, выпячивая губки для поцелуя. Наклонившись, я целую ее.

- Я счастлива с тобой, - говорит она.

Блять. Она моя девочка.

- Я тоже счастлив с тобой.

Она выпрямляется прищуривается.

- Ни одна девица не посмеет целовать тебя во время шоу или как-то еще. Свидания? Это еще ладно. Им придется постараться, чтобы сделать хорошее представление, ведь после съемок ты будешь тайком пробираться ко мне и оставлять следы от укусов на моих бедрах.

Моргнув, я чуть не подавился арахисом.

- Харлоу, я же тебе говорил, что не подписал страницу с пунктом про отношения. Я не собираюсь ходить на свидания во время съемок, - я снова целую ее, но теперь жажду вонзить зубы в ее кожу и посмотреть, каков будет след на мягкой нежной коже ее бедер. Отстраняясь, я моргаю и смотрю в другую сторону, чтобы успокоиться.

- А разве это не обязательное условие?

- Они уже счастливы, что мы согласились на участие. Не думаю, что Мэтт или Джайлз будут настаивать, чтобы я оставался одиноким. Наверное, про меня они расскажут со стороны бизнеса, а вот романтическая часть - это дело Леви и Колтона.

- Ну еще бы, ты только *посмотри* на них.

Я рычу.

- Харлоу.

Она улыбается, облизывая губы.

- Ты хочешь сказать, что нам не придется прятаться?

Качая головой, я спрашиваю:

- Думаешь, это безумие? Я собираюсь возглавить список звезд реалити-шоу, когда мне исполнится сорок.

- Да перестань, это будет только на следующий год. И разве контракт не на два сезона?

- Ага.

- По крайней мере, у тебя будет горячая жена.

- Жена? - мое сердце подпрыгивает. Она читает мои самые сокровенные мысли и озвучивает

их, что хочу делить с ней не только постель, но и дом, всю жизнь.

- Ага.

- Но ты уже была моей женой, помнишь? - не смотря на все произошедшее в Вегасе, сейчас я всерьез думаю о семье. Я встаю со стула, и она притягивает меня к себе, чтобы я устроился у нее между ног. - Ты что, только что сделала мне предложение?

- Просто прогнозирую, - она утыкается подбородком мне в грудь и смотрит на меня. - Я хочу детей.

Я целую кончик ее носа и отвечаю:

- Я согласен, но давай с этим немного подождем.

- Троих, - говорит она

Я качаю головой.

- Двоих.

- Тогда это должны быть два идеальных ребенка, поэтому нам нужно много практиковаться.

- Ночи напролет.

- Да и дни тоже.

Я киваю:

- Снова в Вегас?

Она берет мою руку и смотрит на часы.

- Я свободна до завтра до десяти утра.

- А у меня вообще завтра выходной, - отвечает я.

Она шлепает двадцатку на стойку.

- Черт, Солнышко, нам лучше поторопиться.